

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (51) — 2009

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»
Общероссийское общественное движение женщин России

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

Включен в список ВАК

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *сопредседатель редакционной коллегии, главный редактор; доктор исторических наук, профессор*),
- Е. Ф. Лахова** (Общероссийское общественное движение женщин России; *сопредседатель редакционной коллегии; кандидат политических наук*),
- С. Г. Айвазова** (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва; доктор политических наук, профессор),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),
- А. И. Евстратова** (Костромской государственный технологический университет; доктор исторических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; кандидат исторических наук, доцент),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный университет; доктор исторических наук, профессор),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; кандидат исторических наук, доцент),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук, профессор),
- И. Н. Кодина** (Ивановский государственный университет; *технический секретарь*)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Наш адрес в Internet: www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru и www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге российской прессы «Почта России» 78462

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 2 (51) — 2009

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University
Women's Movement of Russia

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on
Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004

Editorial Board:

Prof. O. A. Khazbulatova, Dr.Sc. history (Editor-in-chief, co-chair of editorial board, Ivanovo State University),
E. F. Lakhova, Cand.Sc. politics (Women's Movement of Russia, co-chair of editorial board, Moscow),
S. G. Aivazova Dr.Sc. politics (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. V. N. Egorov, Dr.Sc. economics (Ivanovo State University),
A. I. Evstratova (Kostroma State University of Technologies),
Assoc. Prof. T. B. Ryabova, Cand.Sc. history (Ivanovo State University),
Prof. Z. H. Saralieva, Dr.Sc. history (Nizhniy Novgorod State University),
Assoc. Prof. N. B. Gafizova, Assoc. Prof. history (Ivanovo State University),
Prof. N. A. Shvedova, Dr.Sc. politics (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences), *I. N. Kodina* (Ivanovo State University, technical secretary)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, ul. Ermaka, 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Internet page: www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru и www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (51) — 2009

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина, О. Я. Литвак*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 29.05.2009 г. Формат 70x108 ¹/₁₆.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 6,1. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41.

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона») 153002 Иваново, пр. Ленина, 47

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

ББК 60.542.21:63.3(2).52-284.3

Н. А. Пушкарёва

«ЖЕНУ С ПОЧИНУ БЕРУТ»?

Устыдительные наказания девушек в традиционной русской культуре XIX в.

В предлагаемой статье будут рассмотрены позорящие наказания для девушек — те, что ставили под контроль женскую сексуальность. Как и большинство других аспектов частной жизни, сексуальность всегда была охвачена экспансией властных систем. Не удивительно поэтому, что *неверность* и *честь* — понятия, обретшие гендерную окраску вместе с возникновением гендерной асимметрии (исторически первой формой социальной депривации). Понятие *девичья честь* оказалось рано нагруженным гендерным смыслом (практически вскоре вслед за утверждением христианства), и по сей день оно воспринимается именно как соблюдение целомудрия. О позорящих наказаниях для девушек в русских источниках впервые можно найти упоминания не ранее конца XV—XVI в. По всей видимости, вначале они касались лишь представительниц зажиточных слоев в центральной части России [27], но постепенно распространились более широко [53]. Повсеместно ли? В чем географическое своеобразие практик позорящего, гендерно окрашенного насилия в отношении проступков, связанных с женским телом? И как долго они существовали, какие трансформации испытали? Как связаны с современной историей гендерной асимметрии?

В XIX в., так же как и в стародавние времена, небезупречное поведение девушки считалось прегрешением меньшим, нежели измена замужней женщины. Ответственность за лишение девственности возлагалась на нее саму: «уступчивость» считалась простительной, если допускалась связь с мужчиной более высокого статуса (к ним относились даже волостные писари, не говоря уже о купцах), более богатым, и казалась особо предосудительной, если девушка уступала бедному, «польщалась на мужика». Богатство, высокий социальный статус были объяснимыми мотивами, заставлявшими девушку «грешить». «Имущественный достаток невесты при выходе в замужество часто покрывает отсутствие в ней целомудрия», — отмечали информаторы Этнографического бюро кн. Тенишева в Петербурге [30, с. 198] (ср.: [32, с. 165; 31, с. 430]). Си-

туация же, когда девушка «спутывалась по любви», была совершенно неизвинительной и приписывалась особой развращенности согрешившей.

В центральных губерниях для венчания девушки, не сумевшей сохранить девственность, в XIX в. стало принято давать особую очистительную молитву, после которой виновной вручалась *очистительная память* от поповских старост — они ведали делами о внебрачных рождениях [43, с. 33]. Иногда — это был путь к покаянию — священник назначал епитимью. Согрешившая тогда трижды должна была на коленях обползти церковь. Есть данные, что уже в начале XX в. у русского населения, скажем на Украине, этот способ поношения и опозоривания молодой почти исчез и «вместо него часто священник» обязывал «молодую поработать у него несколько дней» [52, с. 176; 17, с. 20].

Как и где принято было позорить девушек?

Зачинщиком устыдительной кары часто являлся брошенный девушкой парень, обиженный невниманием сосед; он и ставил на обсуждение сельского схода «дело об обиде». В сообщениях о штрафах, налагавшихся сходом на родителей (его могли взять и алкоголем), ничего не говорилось о способах проверки «честности» девушек, если это не был вопрос о свадебном ритуале [39]. Очень часто вначале пускали слух о нечестности, затем обсуждали на сходе — само привлечение внимания к физическому состоянию девушки уже было «срамом».

На свадебном пиру важнейшим актом была демонстрация «честности» невесты — либо признание ею вины: «Расправы и никаких позорящих обрядов не бывает, если она прежде увода в *комору* сознается, что потеряла девство. Новобрачная, сознаваясь в своей вине, просит, кланяясь в ноги, прощения у отца, матери, свекра и свекрухи...» [34, с. 409]. В противном случае совершение позорных обрядов идет своим чередом. Они рассчитаны на то, чтобы опозорить мать, отца и даже всю родню невесты [18, с. 529; 30, с. 359; 31, с. 313].

В Литве и в Малороссии был обычай наказывать девиц, нарушивших целомудрие, сажанием при дверях церкви на железную цепь (*куницу*, «в кандалы») [48, с. 111]. Народный свадебный ритуал включал там демонстрацию рубашки невесты (изредка — даже ее появление перед гостями в рубашке с кровавыми пятнами, и в ней она должна была вымести пол с остатками разбитых в ее честь склянок, чаще же брачную рубашку выносили и, показав, вместе с четвертью вина и благопожеланиями отдавали родителям девушки) [29, с. 429].

Целомудренность или нецеломудренность следовало обнаружить рано в понедельник или же ночью с воскресенья на понедельник во время свадебного пира [48, с. 459—460]. Ритуал совершали перед разрезанием жаркого, «а без того не разрезывали» его [45, с. 303]. Основным знаком, свидетельствующим, что жених нашел невесту целомудренной (если не выносилась рубашка), было битие посуды, стаканов, бокалов — символ благополучного нарушения целостности главного девичьего «сокровища» [32, с. 267]. Свадьба без бития посуды в Нижегородчине считалась «невеселой» (означала начало опозоривания).

Обратный обычай описал информатор из Калужской губ. Там молодому положено было бить посуду, «ломать и грызть» ложки в знак разочарования «несохранностью» невесты [31, с. 210]. Нецеломудрие невесты —

«Хорош соболек, да измят!» — мог осуждать только новобрачный и его род, причем особое право срамить имели женщины мужниного рода — мать и сестры мужа, невестки. Избиение молодым своей жены нагайкой за несохранение девственности описано в литературе XIX в., но нет данных о распространённости; скорее типичным было сокрытие молодоженом провинности его избранницы [16, с. 149].

В Черкасском у. Киевской губ. нецеломудренную невесту должна была наказать мать жениха, а он сам останавливал ее в какой-то момент напоминанием о том, что он «теперь хозяин молодой»: лишившаяся девственности до свадьбы не могла идти к столу, а должна была подползти на коленях под стол и из-под него показывать свое лицо. Мать жениха всякий раз, когда она выдвигала голову, била ее по лицу. Это продолжалось до тех пор, пока муж не запрещал [18, с. 554]. Лишь тогда молодой позволяли выбраться из-под стола, сесть около мужа.

Опозоривание отца девушки, не сохранившей девственности, встречалось редко, но все же отдельные случаи бывали (решением одного волостного суда в Каменецком у. было определено подвергнуть отца за провинность дочери, прижившей внебрачное дитя, наказанию розгами; аналогичные случаи описаны в Кинешемском у. [48]). На Дону общим способом поношения родителей, не сберегших девственности дочери, было исполнение срамных песен, надевание на шею венка из соломы или баранок, одаривание матери либо, если невеста была сиротой, воспитательницы селедкой или таранькой (вместо курицы, которую клали на колени матери или воспитательнице, — благодарности за то, что уберегли дочь или воспитанницу от соблазнов). В Калужской губ. срамили прежде всего мать новобрачной, а не ее саму, именно мать могли впрячь в борону и провезти борону за собой по деревне [31, с. 313]. Наконец, возможным было и осрамление свахи (вместо родителей или вместе с родителями не сохранившей чести девушки). В Свияжске (Поволжье) существовал ритуал «паренья свахи»: ее, сосватавшую нечестную невесту, клали на улице на лавку, задирали подол и били веником, посыпая на тело снег [13, с. 92]. Важно подчеркнуть: за «нечестность» одной женщины должна была нести ответ опять же женщина (мать, воспитательница, сваха). В Витебской губ. хомуты позора надевали и друзьям, и родителям, и сватам («и водили по деревне, причем шлея хомута тащится по земле») [30, с. 359; 42, с. 602].

В иных местах на воротах или на крыше дома согрешившей невесты вывешивали хомут, в других — мазницу, в третьих — рогожу, обмазывали нечистотами стены дома; пробивали в печи дыру, пачкали стены грязью, били окна в доме родителей невесты. Иногда опозоривание выражалось в том, что кто-нибудь из свадебных «бояр» лез на крышу хаты невесты с ведром воды и оттуда брызгал ею — символический знак невоздержанности новобрачной, ее готовности отдаваться любому, чтоб каждому попало (как брызги воды). Есть данные, что в иных местах втаскивали на крышу дома разъяженное колесо или, если дело обнаруживалось зимой, старые сани [20, с. 427; 18, с. 529, 552]. Все действия сопровождалось словесным поношением, среди обычных позо-

рящих слов были *блядь, потаскуха, сволочь* (от *волочить, сволакивать*), *подкладня, паскуда нестоящая* [31, с. 555].

Самым распространенным наказанием было надевание на шею лошадиного хомута «без гужов» (веревки, иных частей упряжи) — символа «озверения», близости миру животных [31, с. 555; 38, с. 397—414] и одновременно антипода цветочному венку, символу девственности. Надевание хомута было и измененной, гуманной формой припрягания к лошади (это делалось с замужними) как акта усмирения. С другой стороны, как вид кольца или обруча, хомут символизировал и вульву. Его могли повесить на гвоздь, наскоро вколотый над притолокой, а чаще — надевали на шею не только провинившейся невесте, но и ее родителям. На такой случай наскоро делали даже несколько соломенных «хомутов, намазанных смолой и разными гадостями» [41, с. 602; 18, с. 554; 1, с. 104]. В Малороссии хомут изготавливался из соломы, косу распускали, девушкино лицо могли прикрыть платком и в таком виде водить по улицам. Иногда в знак позора девушке оголяли ноги, «подвязав ей платье к поясу соломенными веревками» [41, с. 247; 11, с. 461]. Обычай позорить хомутом, надеваемым на шею, быстро получил распространение у других народов, населявших Россию [49, с. 40—41].

Типичными позорящими действиями были: измарать рубаху девушки (со словами «Запачкала ты себя с таким-то каким-то беззаконием!») сажей или дегтем (который из-за черного цвета также был в крестьянском быту символом бесчестия и зла) [7, с. 100; 30, с. 359; 3, с. 243], в испачканной рубахе провести по улицам без юбки [46, с. 26]. Есть свидетельства информаторов о том, что мазали ставни и стены дома дегтем со словами: «Если любишь, то люби одного», тем самым указывая, что жизнь следовало строить с виновником бесчестия. Важной стоит признать оговорку, что «насмешные наказания» по отношению к девушке применялись, когда «было на то согласие ее родителей и родных»: некоторые родители не позволяли так срамить свою дочь и откупались, а иные, напротив, приходили на сходку и просили о том [38, с. 5; 20, с. 174; 50, с. 218].

Самым старым (известным с XV в.) способом осрамления невесты во время свадебного пира было «подать родителям “худой” (т. е. плохой, дырявый) кубок с вином, прорванный в середине блин, а к дуге телеги привязать худое ведро» [21, с. 197]. Случалось, на головы сватам и отцу такой невесты надевали дырявый горшок [22, с. 121]. Сама лексема *худой* в русском языке означает одновременно и «плохой», и «дырявый».

В Олонецкой губ. ритуалы, связанные с *почетностью* девушки, были отнесены на следующее утро, когда молодой с дружкой и сватом должны были получить от тещи яичницу. Если невеста была целомудренна — желток яичницы вырезали, и дружка в образовавшееся отверстие лил масло, а чашку, из которой он его вылил, разбивал. Если нет — яичницу резали на куски [41, с. 602]. В Полесье нецеломудренной невесте и ее родным давали несладкую, а иногда и просто соленую кашу [14, с. 180—181] — всё должно было выражать несладость жизни с нарушительницей, ее нецельность, рваность, ущербность.

В Архангельской губ. срамить девушку, незаконно прижившую ребенка, к концу XIX в. стало не принято, но таковую могли отлучить от родительского дома, от дружбы других женщин. Если худая молва о лишившейся девственности подтверждалась, то девушка по общему приговору должна была убирать отныне волосы в две косы без девичьей повязки, покрывать их *волосником* (отсюда термин *самокрутка*). Обряд «покрытки» у южных русских и малороссов был не столько позорящим, сколько сглаживающим прегрешение девушки: надевание иного убора показывало переход девушки в другую возрастную группу [9, с. 121; 23, с. 524—525], и девичью косу ей уже нельзя было заплетать (отсюда полесское выражение «рочесав їй косу до вінца») [14, с. 153].

Чем дальше от центра и Южной Руси, тем перmissивнее было отношение к лишению девственности. Если в Калужской губ. информатор сообщал, что «случаев, когда бы девушка, имея незаконнорожденного ребенка, вышла замуж, не было», то в Тверской губ. «никакого публичного посрамления оказавшейся нецеломудренной» не устраивалось [28, с. 469]. Нет данных, что была какая-то систематичность в ритуалах позора для девушек в Казанской губ. — там к концу XIX в. вообще бытовало присловье: «Жену с почина берут» [12, 9]. В Пермском крае родители не видели ничего дурного в том, чтобы девушки были в поиске любого себе до свадьбы [41, с. 248], а в Мезенском уезде (Север), где существовал свальный грех, невинность девушки вообще ценилась мало: родившая скорее находила себе мужа [31, с. 330; 10, с. 46; 40, с. 123].

Описывая Сольвычегодский у. Вологодской губ., информатор заключил: «Редкая девушка не дает потыркать своему миляшу до свадьбы... Мужики говорят, что без этого нельзя жить, а бабы — “ой да щё, ведь нам пуцае вашего хочеса!”» [35, с. 663]. Посрамляющих обрядов на Русском севере не водилось, но девственность ценилась [36, с. 210]. В удаленных от центра сибирских деревнях было то же: в условиях переизбытка мужчин возможность интимных отношений с женщиной ценилась не только на словах, но и на деле (среди золотоискателей и рудознатцев). Родители девушек, получавшие за несохраненную девственность своих дочерей иной раз большие компенсации, имели свою выгоду: ребенок дочери-девушки нисколько ее не бесчестил, его охотно воспитывали, отвечая укоряющим: «Плевок моря не портит».

Иное дело — центральные, южные, юго-западные, отчасти — западные районы России. До 1861 г. помещики в посрамление провинившейся там приказывали «резать косу» — острижение ее оставалось наиболее распространенным из женских позорящих наказаний [44, с. 17; 41, с. 247].

Традиции, связанные с поддержанием идеи высокой ценности девственности до брака, сохранялись до середины XIX в. в Ростовском, Пошехонском, Владимирском, Дорогобужском (Смоленская губ.) и многих иных уездах [7, с. 96]. Но вот уже в 1841 г. один из наблюдателей-калужан записал: «Целомудрие не имеет большой цены в глазах нашего народа... и во многих губерниях уже уничтожился старинный обычай вскрывать постель молодых. Отец и мать говорят жениху: “Какая есть — такую и бери, а чего не найдешь — того не ищи!”» [31, с. 432] (см. также: [32, с. 232]). Обыденная мудрость в отношении целомудрия девушки в Вологодской губ., хоть и ориентировала на то, чтобы соблюдать

нравственную чистоту, коли это не удавалось, не требовала публичных оскорблений («разве что муж буде поколотит») и издевательств [33, с. 363, 366].

К концу XIX в. утрата девственности переставала быть фактом, который следовало обнародовать. «Вообще об отношениях молодежи можно сказать, что баловаться стало просто», — заключил современник-аноним [33, с. 575]. Народная молва — с характерной для просторечия прямоотой — припечатала смену прежних взглядов на обязательность девственного состояния перед свадьбой точным присловьем: «П...а хоть и дырява, зато морда не корява!» [37, с. 2, 4]. А уж если добрачную беременность удавалось «прикрыть венцом» — вопрос о том, что случилось до него, вообще старались не поднимать. На Вологодчине отец невесты давал за беременной дочкой еще и корову к приданому — «для прокормления младенца» [37, с. 13; 33, с. 479].

Напрасность позорящих наказаний точно сформулировал и информатор-костромич: «Хоть срами, хоть нет, а другую жену уж не дадут». Он заметил, что к рубежу XIX—XX вв. если супруг не находил в молодой жене того, что соответствовало его ожиданиям, то самое большее было «ее поначалу тузить», а со временем дело обходилось [28, с. 64, 214]. Растущую допустимость добрачных отношений молодых в этой части России трудно не заметить. Если в начале XIX в. девушку родня позорила словами о том, что та «замарала хвост» до свадьбы, то в конце на все укоры молодая, как сказывали, могла ответить: «Свой чемодан — кому хочу, тому и дам!»; «Поспала — ничего не украли!»; «От этого не полиняешь!»; «Не позолота, не слиняешь — оттого что похватили!» [31, с. 555—556].

Записанные в Ярославской губ. «отговорки» женихов, женившихся на целомудренных невестах, также свидетельствуют о том, что отношение к соблюдённости правил переменилось: «У нее не лужа — достанется и мужу!»; «Это добро не мыло — не смылится!» и др. Между тем раньше «старожилы говорили, что девушка, родившая ребенка, могла выйти замуж только за отца этого ребенка...» [29, с. 218]. Но всё чаще после рождения внебрачного ребенка строгость отступала: девице прощали ее ошибку, человечность брала верх над моральным принципом. Мать или бабушка той, что согрешила, на любые нападки привычно отвечивали: «Чей бы бычок ни скакал, а телятко наше» («Грех да беда, с кем не быва!»; «Грех сладок, а человек падок!»). Но в идеале, конечно, девушке нужно было постараться «устоять» до венца — об этом говорят и частные акты 1890-х гг. [29, с. 465; 30, с. 198; 2, с. 69].

К рубежу веков народная традиция выработала ритуал снятия напрасного обвинения девушки в бесчестном поведении на деревенской сходке (если девушка оказывалась невиновной, участники сходки кланялись ей в ноги: «Прости нас ради бога, ты не виновата» [7, с. 99]), а также щадящие способы обнародования *почестности*. Так, на Вологодчине в 1898 г. во время свадьбы уже ограничивались вопросами и ответами в форме эвфемизмов («Грязь ли топтал, лед ли ломал?») На что жених почти всегда отвечал: «Лед ломал», «если не хотел делать огласки») [30, с. 562]. В верхнем Поволжье, на Дальнем Востоке и в Сибири вместо окровавленной рубашки просто выносили гостям бутылку или даже веник, обвязанные красной лентой, пирог с гроздьёю красных ягод, стлали под ноги красное полотенце [1, с. 208; 13]. Если же обнаруживалось «нечес-

тие», криков и шума не устраивали, но к бутылкам привязывали черные ленточки, у дома вывешивали черные флаги [30, с. 359].

В условиях войн и революций начала и особенно середины XX в. отношение к позорящим девушку наказаниям за бесчестие как к обязательному акту возмездия стало размываться. При советской власти, однако же, тема «Стыд — та же смерть» оказалась неожиданно трансформированной в годы затруднения разводов и сталинской пронаталистской политики, направленной на «укрепление семьи» [15, с. 200]. Это — несомненно — отдельная тема разговора [26, с. 199—227], но очевидно: устыдительные наказания в измененном виде появились в годы, когда частная жизнь индивидов все более переставала быть таковой, а именно: в годы, когда внерабочие отношения и частные интимные связи становились предметом «разборов» на комсомольских и партийных собраниях.

Даже в период хрущевской оттепели установка на «традицию» гласного обсуждения семейных кризисов, связанных с адюльтером, обсуждения (и осуждения) их в рабочих и производственных коллективах, на партийных, профсоюзных собраниях сохранялась¹. Коллективные решения «по справедливости» как раньше, так и в это недавнее время комсомольских собраний часто превращались в самосуд. Дисциплинирующие своих членов сборища восходили, по мысли современных социопсихологов, к покаянным практикам восточного христианства [51] и накладывались (добавим мы) на традиции русских сельских сходов в Южной России, выносивших вердикты о виновности девушек и мерах наказания. За неполный век такая социальная память изжития за просто не могла [4, с. 128—129].

В мире современных российских юношей и девушек XXI в. вопросы *девической чести* как категории корпоративной (девической) морали, судя по сообщениям, редко обсуждаются девочками (зато очень часто дискутируются — при всяком возвратном повороте, обращении к «традиционным ценностям» — всем обществом через СМИ). Это не удивительно: отношение к добрачному сексуальному опыту девушек сильно модернизировалось, однако наличие по крайней мере 11 % мужчин в числе опрошенных, которые бы хотели видеть свою невесту девственницей и 56 % тех, кому это «безразлично», довольно разительно противостоит абсолютному большинству женщин (72 %), мечтающих о том, чтобы их сексуальный партнер, избранный в мужья, был бы не только не девственником, но именно опытным в интимных отношениях [5, с. 319]. Старые нормы о должном и разрешенном довлеют — при всем снижении значимости фактора девственности в условиях быстрого развития форм контрацепции и экономической независимости женщин. Тема неразрешительности «женской свободы» так или иначе присутствует в современных обсуждениях — в том числе и на страницах СМИ.

¹ См. статью Е. М. Жидковой «Попросил прощения у жены и извинился перед коллективом» в сборнике «Социальная история, 2009» (готовится к печати).

Это ли не наследие многовековой традиции?

Библиографический список

1. *Аргудяева Ю. В.* Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. — начало XX в.). М., 1997.
2. *Бальжанова Е. С.* Мир женских грехов // *Женщина в истории Урала и Сибири XVIII — начала XIX в.* Екатеринбург, 2007.
3. *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. : Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
4. *Блюм А.* Родиться, жить и умереть в СССР. М., 2005.
5. *Бутовская М. Л.* Язык тела. Природа и культура. М., 2004.
6. *Власкина Т. Ю.* Девушка-казачка в предбрачный период // III Конгресс этнографов и антропологов России. М., 1999.
7. *Громыко М. М.* Мир русской деревни. М., 1991.
8. *Даль В. И.* Пословицы и поговорки. URL: <http://vidahl.agava.ru/zavet.htm>; <http://pribautka.ru/proverbdaahl/175.html>
9. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1866.
10. *Ефименко П. С.* Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии // Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1867 и 1868 г. Архангельск, 1869. Вып. 3.
11. *Журавченко М. М.* Наблюдения, сделанные в селе Оптове Черниговской губернии // Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским РГО. СПб., 1872. Т. 6 : Юго-Западный отд.
12. Заметка о грамотности и нравственности крестьян Лаишевского уезда // Казанские губернские ведомости. 1865. № 47.
13. *Зорин Н. В.* Русский свадебный ритуал. М., 2001.
14. *Кабакова Г. И.* Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.
15. *Казьмина О., Пушкарева Н.* Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы : Модели для сборки / сост. С. Ушакин. М., 2004. Кн. 1.
16. *Киркор А.* Этнографический взгляд на Виленскую губернию // Этнографический сборник. СПб., 1854. Вып. 3.
17. *Кистяковский А. Ф.* Волостные суды, их история, настоящая их практика и настоящее их положение // Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским РГО. СПб., 1872. Т. 6 : Юго-Западный отд.
18. *Кистяковский А. Ф.* К вопросу о цензуре нравов у народа // «А се грехи злые, смертные». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX века. М., 2004. Вып. 2. Кн. 1.
19. *Краснов Н.* Исторические очерки Дона. [Ч.] 1 : От Разина до Булавина // Русская речь : журн. литературы, политики и науки. СПб., 1881. Янв.
20. Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX — начале XX в. / отв. ред. А. А. Никишенков. М., 2003.
21. *Липинская В. А., Сафьянова А. В.* Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа // Русский народный свадебный обряд. М., 1978.

22. Миненко Н. А. Женщина-казачка в урало-сибирском социуме XVIII — начала XX в. // Женщина в истории Урала и Сибири XVIII — начала XX в. Екатеринбург, 2007.
23. Нос С. Д. Покрытка // «А се грехи злые, смертные». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX века. М., 2004. Вып. 2. Кн. 2.
24. Перерождение старых обычаев // Терские областные ведомости. Владикавказ, 1887. № 9.
25. Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права / Б. Базылев, Ю. Бельчиков, А. Леонтьев, Ю. Сорокин // Честь, достоинство и репутация. М., 1998.
26. Пушкарёв А., Пушкарёва Н. Ранняя советская идеология 1918—1928 годов и «половой вопрос» // Советская социальная политика 1920—1930-х годов: идеология и повседневность / ред. Е. Ярская-Смирнова и П. Романов. М., 2007.
27. Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России, X — начало XIX в. : Невеста, жена, любовница. М., 1997.
28. Русские крестьяне : Жизнь. Быт. Нравы. СПб., 2004. Т. 1 : Костромская и Тверская губернии.
29. Русские крестьяне : Жизнь. Быт. Нравы. СПб., 2006. Т. 2 : Ярославская губерния. Ч. 1 : Пошехонский уезд.
30. Русские крестьяне : Жизнь. Быт. Нравы. СПб., 2006. Т. 2 : Ярославская губерния. Ч. 2 : Даниловский, Любимский, Борисоглебский уезды.
31. Русские крестьяне : Жизнь. Быт. Нравы. СПб., 2005. Т. 3 : Калужская губерния.
32. Русские крестьяне : Жизнь. Быт. Нравы. СПб., 2006. Т. 4 : Нижегородская губерния.
33. Русские крестьяне : Жизнь. Быт. Нравы. СПб., 2007. Т. 5 : Вологодская губерния. Ч. 1.
34. Русские крестьяне : Жизнь. Быт. Нравы. СПб., 2007. Т. 5 : Вологодская губерния. Ч. 2 : Кадниковский уезд.
35. Русские крестьяне : Жизнь. Быт. Нравы. СПб., 2007. Т. 5 : Вологодская губерния. Ч. 3 : Никольский и Сольвычегодский уезды.
36. Русские крестьяне : Жизнь. Быт. Нравы. СПб., 2007. Т. 5 : Вологодская губерния. Ч. 4 : Тотемский уезд.
37. Рукописный отдел Российского этнографического музея. Ф. 7. Оп. 2. Д. 778.
38. Рыблова М. А. Огонь, вода и сковорда: к вопросу о позорящих наказаниях по обычному праву у донских казаков // Дикаревские чтения—13 : Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа. Краснодар, 2007.
39. Самосуд // Санкт-Петербургские ведомости. 1875. № 201.
40. Селькова М. Л. К изучению семейных юридических обычаев на территории Архангельской губернии XIX в. // История и культура Архангельского Севера. Вологда, 1986.
41. Смирнов А. Г. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа // «А се грехи злые, смертные». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX века. М., 2004. Вып. 2. Кн. 1.
42. Смирнов А. Г. Обычай и обряды русской народной свадьбы. 1878 // Там же.
43. Снегирев И. М. Русские в своих пословицах : Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках : в 4 кн. М., 1833. Кн. 3.

44. *Соловьев*. Самосуды у крестьян Чистопольского уезда Казанской губернии // Записки Императорского русского географического общества. 1878. Т. 8. Отд. 3.
45. *Сухоруков В. Д.* Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях // Русская старина : карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год. СПб., 1824.
46. *Тенишев В. В.* Правосудие в русском крестьянском быту : Свод данных, добытых этнографическими материалами покойного князя В. Н. Тенишева. Брянск, 1907.
47. *Терещенко А. В.* Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 2 : Свадьбы.
48. Уголовное решение № 153 // Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским РГО. СПб., 1855. Т. 5.
49. *Федянович Т. П.* Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (кон. XIX в. — 1980-е гг.). М., 1997.
50. *Филиппов М. А.* Взгляд на русское судоустройство и судопроизводство // Современник. 1859. № 4. Отд. 1.
51. *Хархордин О.* Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб., М., 2002.
52. *Чижикова Л. Н.* Свадебные обряды русского населения Украины // Русский народный свадебный обряд. М., 1978.
53. *Щепанская Т. Б.* Зоны насилия : (По материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия. СПб., 2001.

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ И УПРАВЛЕНИИ

ББК 60.561.23:60.542.21

М. А. Кашина

ЖЕНЩИНЫ НА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ: ФЕМИНИЗАЦИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВО ГЕНДЕРНОЙ ПИРАМИДЫ

В современной России 70 % лиц, замещающих государственные должности и должности гражданской службы (чиновников), составляют женщины. С одной стороны, это много, поскольку доля женщин в населении страны составляет только 53,7 %, с другой — количество женщин-чиновников не переходит в качество их должностей, они пока мало представлены в высших эшелонах государственной власти, особенно законодательной.

Цель данной статьи — описать механизм формирования гендерной пирамиды на гражданской государственной службе и оценить перспективы изменения ситуации. Основой анализа послужили сведения государственной статистики, материалы научной периодики, а также результаты анкетного опроса региональных государственных служащих, осуществленного под руководством автора осенью 2008 г.

В 90-е гг. прошлого века американские футурологи Дж. Нэйсбит и П. Эбурден выделили десять мегатрендов современного мира, которые определяют его лицо в XXI в. Одним из них является «прорыв женщин к власти». Авторы пишут: «В первые декады третьего тысячелетия мы и наши дети оглянемся назад, на вторую половину XX века и отметим, какими странными были дни, когда женщины были исключены из высших эшелонов бизнеса и политики, подобно тому как сегодня мы вспоминаем времена, когда женщины не имели права голоса» [12, с. 273].

Спустя 20 лет можно сказать, что этот прогноз начинает сбываться. По состоянию на 30 ноября 2006 г. женщины занимали 17,2 % мест в однопалатных парламентах или нижних палатах национальных парламентов и 15,9 % мест в верхних палатах. 19 государств мира из 192 управляются женщинами. Кроме того, во власти находятся две королевы — в Великобритании и Дании, 6 женщин — премьер-министров, 8 женщин-президентов. Только в Андорре и Саудовской Аравии женщины никогда не входили в состав правительства. В 19 странах мира женщины занимают более 30 % парламентских мест, в Руан-

де — 48,8, Швеции — 45,3, Норвегии — 37,3 %. Правда, в парламентах 11 государств женщин нет вообще, в том числе в Кыргызстане [4].

В России начала XXI в. женщины имеют достаточно ограниченный доступ в высшие эшелоны законодательной и исполнительной власти. В Государственной думе пятого созыва, избранной в декабре 2007 г., 63 женщины-депутата (14 %). Это самое большое количество женщин за всю историю данного представительного органа власти России. Даже в Думе первого созыва (1993 г.) их было только 13,5 %. Хотя на выборах в эту Думу общественное движение «Женщины России» смогло преодолеть 5 %-й барьер и создать в парламенте свою женскую фракцию, чего больше не было ни в одной из дум следующих созывов.

В 2007 г. в составе Правительства Российской Федерации среди его 17 членов появились две женщины-министра (12 %), но женщин нет среди восьми заместителей Председателя Правительства РФ. Из 83 руководителей субъектов федерации губернатор-женщина по-прежнему только одна (1,2 %). Среди 30 основных должностных лиц Администрации Президента России женщин лишь 4 (13 %). Их нет среди советников Президента и его полномочных представителей в органах государственной власти и федеральных округах [13]. Примеры этим не исчерпываются.

В то же время кадровый состав гражданской службы, особенно на ее низших уровнях, сильно феминизирован.

Надо отметить, что соотношение мужчин и женщин, замещающих должности государственной гражданской службы, остается практически неизменным на протяжении, как минимум, последних 8 лет: 70 % женщин на 30 % мужчин.

В 2001 г. уровень феминизации был выше всего в органах исполнительной власти (72,2 %). В 2007 г. наиболее феминизированными стали органы судебной власти и прокуратуры (78,2 %) ¹ (табл. 1).

В целом за рассматриваемый период доля женщин — гражданских служащих увеличилась незначительно — на 0,4 % (с 70,7 % до 71,1 %). Уровень феминизации несколько ниже в органах государственной власти субъектов Российской Федерации, чем в федеральных органах, но всего на 0,5—1 %.

Самая высокая доля мужчин (41 %) в 2006 г. была зафиксирована в федеральных органах государственной власти на федеральном уровне (например, министерства, службы, агентства), но эта категория чиновников составляет только 4 % всех гражданских служащих страны [14, с. 55].

Причины, ведущие к феминизации гражданской службы, условно можно разделить на общие и специфические.

¹ Поясним, что речь идет о должностях государственной гражданской службы, установленных для обеспечения полномочий судебных органов. В Реестре должностей государственной гражданской службы Ленинградской области, например, это должности секретаря Уставного суда, секретаря судебного заседания Уставного суда, секретаря мирового судьи, секретаря судебного заседания мирового судьи. Судьи и прокуроры гражданскими служащими не являются, они замещают государственные должности и не попадают под действие законодательства о гражданской службе.

Общие причины феминизации — это те, которые ведут к увеличению доли женщин в составе занятых в народном хозяйстве в целом. Кроме того, они определяют отрасли, в которых женская рабочая сила будет преобладать.

Таблица 1

Численность работников государственной гражданской службы по полу, ветвям власти и уровням управления на 1 января 2007 г.

	Всего, тыс. чел.	В общей численности работников, %	
		мужчин	женщин
Численность работников, замещавших государственные должности и должности гражданской службы	791,8	28,9	71,1
В том числе в органах:			
законодательной власти	12,5	44,3	55,7
исполнительной власти	655,8	29,7	70,3
судебной власти и прокуратуры	115,2	21,8	78,2
других государственных органах	8,3	38,9	61,1
В федеральных органах государственной власти	586,9	29,2	70,8
В том числе в органах:			
законодательной власти	3,8	49,3	50,7
исполнительной власти	483,7	30,4	69,6
судебной власти и прокуратуры	97,9	22,4	77,6
других государственных органах	1,5	45,1	54,9
На федеральном уровне	35,6	41,0	59,0
В том числе в органах:			
законодательной власти	3,8	49,3	50,7
исполнительной власти	28,2	40,3	59,7
судебной власти и прокуратуры	2,09	32,8	67,2
других государственных органах	1,5	45,1	54,9
На региональном уровне	551,25	28,5	71,5
В том числе в органах:			
исполнительной власти	455,5	29,8	70,2
судебной власти и прокуратуры	95,8	22,2	77,8
В органах государственной власти субъектов РФ	204,9	27,9	72,1
В том числе в органах:			
законодательной власти	8,7	42,1	57,9
исполнительной власти	172,1	27,8	72,2
судебной власти	17,3	18,1	81,9
других государственных органах	6,8	37,5	62,5

К основным причинам сегрегации рынка труда по признаку пола специалисты относят гендерные стереотипы, приписывающие женщинам врожденную этику любви и заботы, потребность ухаживать, воспитывать, обслуживать

членов своей семьи и других людей. Женские профессии тем самым становятся продолжением семейных ролей женщины в публичной сфере [15]. Не случайно самыми феминизированными в России являются здравоохранение и предоставление социальных услуг (доля женщин — 82,1 %), образование (80,7 %), гостиничное и ресторанное обслуживание (80 %) [14, с. 147].

Специфические причины феминизации связаны с особенностями той или иной сферы занятости. Так, феминизация высшей и средней школы обусловлена в том числе и возможностью для женщин планировать свой рабочий день, гибким графиком работы, позволяющим успешно совмещать семейные обязанности с оплачиваемой занятостью (подробнее см.: [8]).

Если говорить о гражданской службе, то ее главная особенность — наличие особого социально-правового статуса гражданского государственного служащего, который заключается в существовании государственных гарантий на гражданской службе, а также запретов и ограничений для чиновников.

Необходимость особого статуса определяется ролью, которую играет социально-правовой институт гражданской службы в государственном управлении и жизни общества. Согласно ст. 3 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ), государственная гражданская служба — профессиональная служебная деятельность граждан Российской Федерации на должностях государственной гражданской службы РФ по обеспечению полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, а также лиц, замещающих государственные должности РФ и субъектов РФ. Другими словами, если не будет гражданских служащих, то ни государственные органы, ни государственные деятели свои полномочия исполнять не смогут. Уровень профессионализма гражданских служащих напрямую определяет качество исполнения этих полномочий.

В повседневной жизни происходит трансформация функций института государственной гражданской службы в таких аспектах, как:

- а) привлекательность условий работы для женщин, в том числе высокий уровень социальной защищенности, социальные и правовые гарантии;
- б) выработка профессиональных требований к гражданским служащим, которые легче выполнять женщинам в силу особенностей их гендерной социализации (подробнее см.: [10]).

Женщины не всегда преобладали в составе служащих государства, и наша страна здесь не исключение. Еще сто лет назад женщины нигде в мире не имели права голоса и, конечно, не могли поступать на службу в государственные органы. Появление женщин в составе чиновников в XX в. объясняется двумя причинами: широким выходом женщин на рынок труда и ростом социальных функций государства, обеспечение исполнения которых и стало уделом женщин.

Наращение социального в государственном управлении связано с изменением самой природы государственности. Как пишет С. В. Калашников, «повышение роли человеческого фактора в результате научно-технического прогресса привело к необходимости более широкого учета потребностей людей,

признанию их социальных прав и принятию государством на себя ряда социальных функций» [6, с. 3—4]. В силу этого происходит переход от военного («полицейского») государства к «государству общественного договора» и далее к социальному государству, т. е. осуществляющему социальные функции и гарантирующему социальные права граждан или права человека «третьего поколения» [2, с. 297].

Выделяют разные типы социального государства и различные модели социальной политики. В контексте нашей темы это не имеет значения. Важно, что в любом случае перед государством стоит задача смягчить негативные последствия функционирования рыночной экономики для граждан. Оно должно компенсировать социальные риски, порождаемые экономической системой капитализма, чтобы снизить социальную напряженность в обществе. Традиционные направления социальной политики — социальные обеспечение/защита, здравоохранение, образование, жилье, занятость [16, с. 18—19].

Тем самым государство берет на себя заботу о своих гражданах: обо всех (государство всеобщего благосостояния) или об особо нуждающихся (государство социальных услуг). Именно эта функция заботы и легитимирует присутствие женщин во властных структурах в обществе, где еще не изжиты патриархатные стереотипы. Женщины в государственных органах не управляют и не властвуют, они занимаются делом, «присущим им от рождения», — заботой о ближнем под руководством умных и сильных мужчин. Кроме того, женщины создают им условия для принятия важных государственных решений, взяв на себя скучную бумажную монотонную канцелярскую работу. Как сказала одна респондентка, они находятся «при власти».

Представления о том, что женщины лучше справляются с повседневной работой в государственных органах, разделяются как мужчинами, так и женщинами, потому что они основаны на общих гендерных стереотипах населения, важнейшим из которых является убежденность, что женщины по своей природе должны быть аккуратными, ответственными, исполнительными. Отсутствие этих качеств будет поставлено общественным мнением им в вину, в отличие от мужчин. Отвечая на вопрос о причинах феминизации российской гражданской службы, женщины — гражданские служащие в нашем опросе в 2 с лишним раза чаще (62,8 % против 30,9 % у мужчин) выбирали ответ «Женщины более приспособлены к особенностям государственной службы, чем мужчины: они более усидчивы, исполнительны, умеют подчиняться». А в комментариях добавляли: «Мужчины просто не смогут справиться с таким объемом рутинной (канцелярской) работы <...> Женщины более организованны, исполнительны, ответственны, мужчины могут на них положиться».

Женщина умеет подчиняться и готова много работать даже за не очень большие деньги (подробнее см.: [5]). А что еще нужно государству, когда всегда требуется экономить бюджет и сокращать расходы на аппарат?

В табл. 2 [14, с. 57] представлено распределение мужчин и женщин по ступеням должностной иерархии на региональной гражданской службе². Если в це-

² Для тех, кто недостаточно знаком с системой должностей гражданской службы, сделаем небольшое пояснение. Согласно Федеральному закону «О государствен-

лом по категориям «руководители» и «помощники (советники)» ситуация с представительством гендерных групп близка к паритетной, то внутри данных категорий женщины и мужчины по группам распределяются достаточно неравномерно. Женщины абсолютно преобладают в категориях «специалисты» и «обеспечивающие специалисты» и относительно — в категориях «руководители» и «помощники». На высших должностях в этих категориях в 2 раза больше мужчин.

Здесь необходимо иметь в виду и явление горизонтальной гендерной сегрегации в государственных органах. Женщины, даже находясь на руководящих должностях, концентрируются главным образом в социальной сфере. В качестве примера приведем Правительство Калининградской области. Из 48 руководителей, возглавляющих различные структуры правительства региона, женщин — 22 (46 %). При этом женщин нет среди руководителей реального сектора, в составе 5 советников губернатора Калининградской области только одна женщина. Зато в социальном секторе из 7 руководителей только один мужчина (министр культуры) [17].

Необходимо отметить, что в федеральной государственной гражданской службе ситуация с гендерным равенством заметно хуже. Мужчины преобладают на высших должностях (82,2 %) и на главных (70,7 %) в категории «руководители». В категории «помощники» в данных группах должностей мужчин тоже больше. Даже в категории «специалисты» мужчин больше на высших должностях (83,8 %) и на главных (61,3 %), хотя в целом они составляют только 31 % чиновников, работающих в этой категории.

Подробный сравнительный анализ различных уровней государственной власти не входит в задачи данной статьи. Тем не менее понятно, что мужское доминирование на высших и главных должностях большинства категорий в федеральной гражданской службе объясняется характером разделения полномочий между Центром и регионами. Поскольку Россия — федеративное государство, а не конфедерация, то власти в Центре (у федеральных государственных органов) больше, чем на местах (в регионах), а значит, у мужчин больше возможностей.

ной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ст. 9), должности гражданской службы подразделяются на категории и группы. Руководители — должности руководителей и заместителей руководителей государственных органов и структурных подразделений. Помощники (советники) — должности, учреждаемые для содействия лицам, замещающим государственные должности, и руководителям. Категории руководителей и помощников подразделяются на высшую, главную и ведущую группы. Специалисты — должности, учреждаемые для профессионального обеспечения выполнения государственными органами установленных задач и функций и замещаемые без ограничения срока полномочий. Они делятся на высшую, главную, ведущую и старшую группы. Обеспечивающие специалисты — должности, учреждаемые для организационного, информационного, документационного, финансово-экономического, хозяйственного и иного обеспечения деятельности государственных органов. Эти должности делятся на главную, ведущую, старшую и младшую группы должностей гражданской службы и замещаются без ограничения срока полномочий. В категории «руководители» нет должностей старшей и младшей групп, а в категории «обеспечивающие специалисты» — группы высших должностей.

Таблица 2

**Численность работников государственной гражданской службы
субъектов Российской Федерации по полу, категориям и группам должностей
на 1 января 2007 г.**

	Всего работников, тыс. чел.	Распределение по полу, %	
		Мужчины	Женщины
Численность работников, замещавших государственные должности и должности гражданской службы	204,9	27,9	72,1
В том числе			
государственные должности РФ	8,2	47,4	52,6
должности государственной гражданской службы	171,6	27,0	73,0
В том числе <i>по категориям:</i>			
руководители	36,8	43,3	56,7
<i>по группам:</i>			
высшие	5,6	67,0	33,0
главные	14,9	47,1	52,9
ведущие	16,3	31,9	68,1
помощники (советники)	3,3	48,0	52,0
<i>по группам:</i>			
высшие	0,6	75,7	24,3
главные	0,8	58,5	41,5
ведущие	1,9	35,3	64,7
специалисты	93,9	25,0	75,0
<i>по группам:</i>			
высшие	0,3	40,7	59,3
главные	4,6	36,7	63,3
ведущие	31,3	29,4	70,6
старшие	57,7	21,6	78,4
обеспечивающие специалисты	37,5	14,3	85,7
<i>по группам:</i>			
главные	0,4	32,1	67,9
ведущие	3,5	31,1	68,9
старшие	10,6	16,8	83,2
младшие	23,1	10,3	89,7

Такова ситуация в государственной гражданской службе субъектов Российской Федерации в целом. Теперь рассмотрим функционирование гендерной пирамиды на практике, опираясь на данные эмпирического социологического исследования, проведенного в 10 субъектах Северо-Западного федерального округа (СЗФО) осенью 2008 г.³

³ В анкетном опросе приняли участие более 1000 региональных государственных гражданских служащих Северо-Запада России. Для обработки была отобрана 531 анкета респондентов, представляющих 10 субъектов федерации Северо-Западного федерального округа. Выборка носила квотный характер и ставила своей задачей не

Женщины в политике и управлении

Начнем с описания особенностей вертикальной гендерной сегрегации, сложившейся в государственных органах СЗФО (рис. 1 и 2).

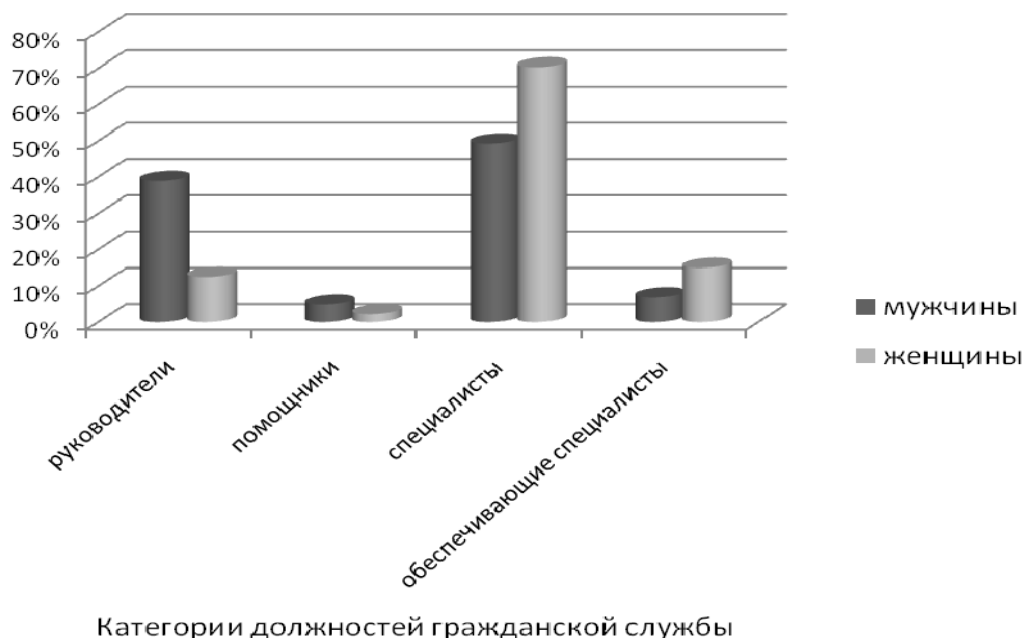

Рис. 1. Распределение респондентов по категориям должностей гражданской службы

репрезентировать состав кадров государственных органов отдельных субъектов РФ, а обеспечить примерно равное представительство разных регионов в общей выборке, чтобы получить целостное представление по всему федеральному округу. Выборка в целом репрезентирует основные параметры генеральной совокупности — государственных гражданских служащих субъектов РФ, в частности пол и возраст. По данным государственной статистики, средний возраст региональных государственных служащих в 2007 г. составил 41 год. В выборке исследования средний возраст — 39,7 лет. Пропорция по полу в генеральной совокупности составляет: женщины — 72,1 %, мужчины — 27,9 %. В выборке исследования женщин — 68,9 %, мужчин — 31,1 %.

В ходе опроса удалось полностью репрезентировать пропорции главной, высшей и младшей групп должностей гражданской службы. Несколько меньше, чем в генеральной совокупности, в выборке оказалось служащих, замещающих старшие должности (24,7 % в выборке, 39,8 % — в генеральной совокупности). Но больше тех, кто замещает ведущие должности гражданской службы (42,1 % — в выборке, 30,9 % — в генеральной совокупности). Это вызвано особенностями построения систем региональной гражданской службы. По данным кадровых служб, в составе кадров, например, Новгородской области региональных служащих, замещающих старшие должности гражданской службы, — 60 %, а младшие — только 5,5 %.

Респонденты представляют практически весь спектр направлений деятельности региональных государственных органов: от здравоохранения и культуры до обеспечения судебной деятельности и избирательного процесса. Всего в выборке представлено более 30 различных направлений деятельности государственных органов субъекта РФ. Все это позволяет признать выборку репрезентативной для целей исследования.

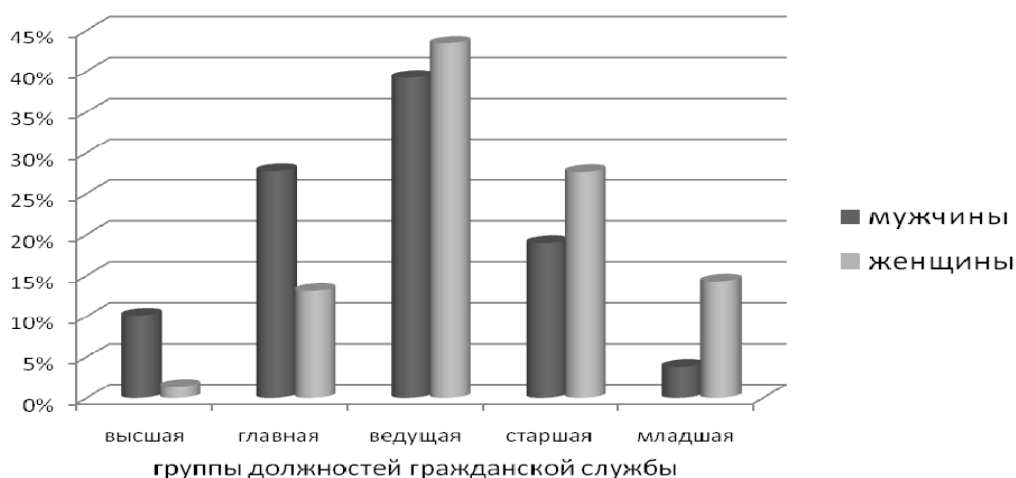

Рис. 2. Распределение респондентов по группам должностей гражданской службы

Диаграммы наглядно иллюстрируют характер гендерного представительства на уровне принятия решений в региональных государственных органах. Более трети опрошенных нами мужчин являются руководителями, среди женщин руководителей только 12,5 %. Женщины в 10 раз реже замещают должности высшей группы, в 2,5 раза реже — должности главной группы, но в 4,5 раза чаще оказываются на должностях младшей группы. Поскольку категории и группы должностей взаимосвязаны, то понятно, что большинство женщин работают специалистами и обеспечивающими специалистами ведущей, старшей и младшей групп.

Уровень экономических притязаний респондентов отражает уровень замещаемых ими должностей (рис. 3).

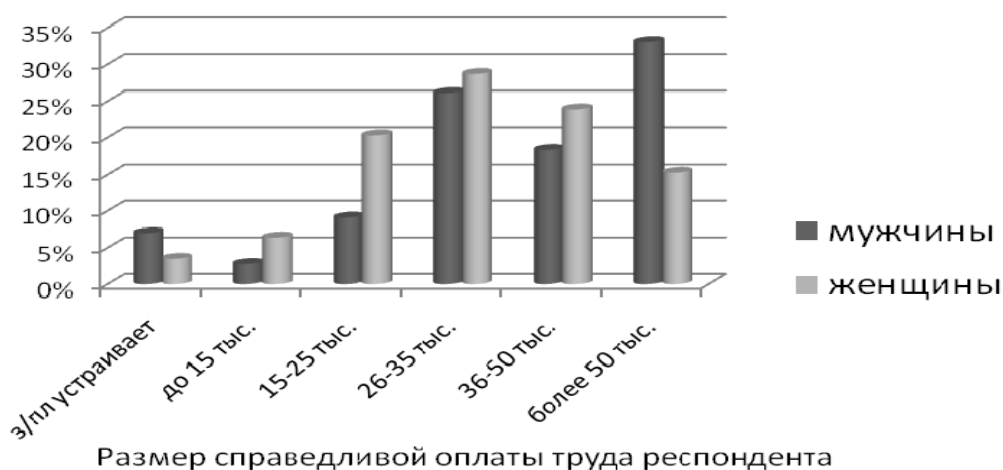

Рис. 3. Оценка размера справедливой оплаты труда

Мужчины предъявляют большие требования к размеру заработной платы. Это понятно: они занимают более высокие должности. Но в то же время среди

них больше тех, кто зарплатой удовлетворен (7 % против 3,5 % у женщин), и заметно меньше тех, чьи требования не превышают 25 тыс. р. в месяц: 11,9 % против 26,7 % у женщин. Еще раз подчеркнем, что определяющим в данной ситуации выступает не фактор пола, а уровень замещаемой респондентом должности. Доля тех, кто считает справедливой оплату своего труда в размере свыше 50 тыс. р., почти полностью совпадает с долей руководителей в составе опрошенных.

Более интересными представляются ответы чиновников на вопрос о характере предпочитаемого ими заработка. Хотя гендерными стереотипами мужчинам предписывается роль кормильца, т. е. они должны стремиться к высоким заработкам, и считается, что женщины больше ценят стабильность, чем размер заработка, наши респонденты в полной мере этого не показывают. Только 35,8 % опрошенных мужчин предпочитают высокий, хотя и нестабильный заработок. У женщин доля таких ответов гораздо ниже (19,1 %), однако не за счет тех, кто выбрал невысокий и стабильный заработок (подобные ответы дала только треть женщин), а за счет тех, кто от ответа ушел. Практически половина женщин и более трети мужчин на вопрос о предпочитаемом характере заработка решили вообще не отвечать. Почему мы не получили стереотипных ответов, объясняется семейным положением наших респондентов (рис. 4).

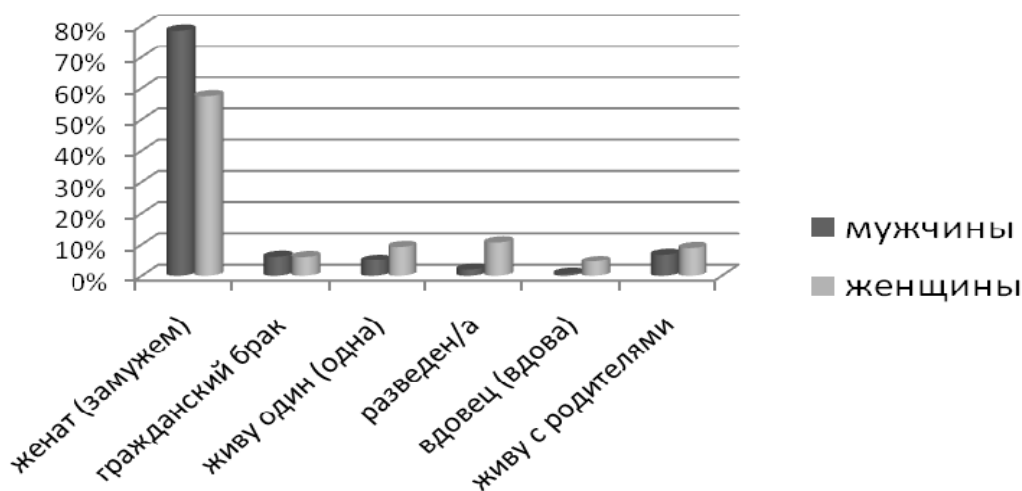

Рис. 4. Семейное положение респондентов

Среди опрошенных региональных гражданских служащих нет одиноких отцов, в то время как 2,8 % женщин — матери-одиночки. 10,6 % опрошенных женщин в разводе, в то время как среди мужчин таких только 1,9 %. Вдовцов — 0,6 %, вдов — 4,5 %. Это означает, что женщины — гражданские служащие достаточно часто оказываются в нетрадиционной роли кормильца и главы домохозяйства. Собственно поэтому они и не могут выбрать для себя удобную позицию «небольшой, но стабильный заработок». Почему не хотят рисковать мужчины, тоже понятно. Те их них, кто готов идти на риск из-за вы-

соких заработков, не поступили на гражданскую службу, а ушли в бизнес, где доходы всегда выше.

Это подтверждают и ответы респондентов на вопрос о том, какую роль играет их жалование на гражданской службе в семейном бюджете. Пятая часть женщин выступает единственными кормильцами в семье, у мужчин доля таких ответов в два раза меньше. Семьи мужчин-госслужащих по большей части двухкарьерные, хотя мужчины зарабатывают несколько больше, чем другие члены семьи. 73 % считают, что их вклад в семейный бюджет превышает 50 % (рис. 5).

Рис. 5. Оценка респондентами своего вклада в семейный бюджет за счет их денежного содержания на гражданской службе

С вопросом о размере доходов тесно связаны вопросы профессиональной карьеры, поскольку, как уже отмечалось, на гражданской службе денежное содержание напрямую определяется уровнем замещаемой человеком должности.

Заметных различий в оценке мужчинами и женщинами удовлетворенности своим профессиональным статусом зафиксировано не было. Мужчины чуть чаще собираются делать должностную карьеру, а женщины — профессиональную. При анализе этих данных необходимо иметь в виду, что в государственных органах вертикальная гендерная сегрегация уже существует (рис. 1, 2), а это значит, что 70 % женщин согласны на роль специалистов-исполнителей. В то время как из 60 % мужчин, находящихся в роли исполнителей, половина считают, что способны на большее, и собираются делать карьеру.

Высокая самооценка мужчинами своей квалификации и профессиональные амбиции проявились и в ответах на вопрос о том, как влияют результаты личной служебной деятельности респондентов на повседневную жизнь населения.

57,5 % мужчин считают, что их работа влияет на жизнь населения, среди женщин такие ответы дали только 41,3 %. Еще раз повторим, что это связано главным образом не с полом, а с уровнем замещаемой респондентом должности гражданской службы. Действительно, вряд ли человек, работающий специалистом или специалистом второй категории в одном из отделов админист-

рации, сможет сказать, что он(а) влияет на жизнь населения всей области, другое дело, если он(а) — руководитель департамента или службы. Недаром пятая часть опрошенных женщин вообще ушли от ответа.

И здесь возникает важный вопрос о внутреннем удовлетворении чиновника от своей работы, о его намерении продолжать служить государству и хорошо исполнять свои служебные обязанности. Женщины совсем не случайно показывают более высокий потенциал увольнения, чем мужчины (рис. 6).

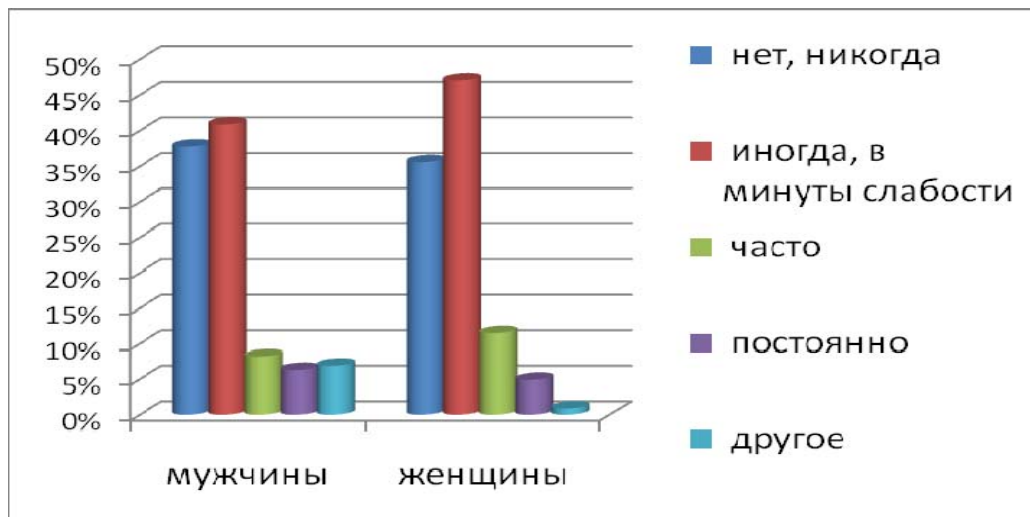

Рис. 6. Оценки намерения поменять работу

Мысль поменять работу приходила в голову почти двум третям женщин, работающих в региональных государственных органах. Они, как и мужчины, не считают работу в органах власти очень престижной. Доля мужчин и женщин, оценивающих престиж гражданской службы как средний, практически совпадает: 77,9 % мужчин, 79,1 % женщин.

При этом только 46,2 % женщин считают перечень государственных гарантий на гражданской службе достаточным, у мужчин доля таких оценок заметно выше — 58,1 %. Женщины реже, чем мужчины, полагают, что оценка результатов их труда руководителем объективна: 60,3 % против 67,3 % у мужчин. И несмотря на это, женщины продолжают стремиться на гражданскую службу и покидают ее чаще вынужденно, чем добровольно, например из-за смены места жительства или по семейным обстоятельствам.

Объяснение этого парадокса нужно искать в причинах, которые приводят людей на гражданскую службу, и в тех факторах, которые их в ней привлекают. Здесь гендерные различия проявляются очень четко. Женщины идут за стабильной занятостью, а мужчины за возможностью управлять (табл. 3). Свою привлекательную роль играют здесь и доплаты, которые получают гражданские служащие к пенсии, правда, при условии, что их выслуга составляет не менее 10 лет и на пенсию они вышли именно с государственной службы. Учитывая более высокую продолжительность жизни российских женщин и их более ранний выход на пенсию, доплаты к пенсии для них весьма актуальны и способны удержать женщин на службе, даже если работа им не очень нравится.

Хотя этот фактор действует заметнее в процессе гражданской службы, чем при поступлении на нее.

Таблица 3

Причины, приведшие респондентов на государственную службу, %

Причины	Пол респондента	
	мужской	женский
Случай	20,1	25,7
Семейные традиции	4,9	3,6
Стремление помочь людям	7,3	3,9
Надежда на стабильную занятость	18,9	38,4
Другой работы не нашлось	2,4	0,6
Желание сделать что-то полезное для области и города	21,3	12,4
Возможность участвовать в разработке управленческих решений	18,9	9,1
Другое	6,1	6,4
<i>Итого</i>	100,0	100,0

Соответственно дифференцируются и факторы, привлекающие мужчин и женщин на государственной службе (табл. 4). Интересно, что низкие оценки привлекательности такого фактора гражданской службы, как высокая заработная плата, практически совпали. У обеих гендерных групп он оказался на последнем месте.

Таблица 4

Факторы, привлекающие респондентов на государственной службе*, %

Факторы	Пол респондента	
	мужской	женский
Стабильная занятость	45,6	61,0
Социальные гарантии (пенсионное обеспечение и др.)	46,2	55,2
Возможность участвовать в разработке и реализации государственной региональной политики	58,2	36,8
Возможность принести пользу людям	51,3	35,4
Соблюдение трудового законодательства	12,0	22,3
Правовая защищенность	9,5	18,1
Высокая заработная плата	9,5	7,8
<i>Итого</i>	232,3	236,6

* Сумма ответов превышает 100 %, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

В то же время мужчины считают, что гражданская служба — для женщин очень привлекательная и престижная работа. Треть опрошенных мужчин думают, что именно это является причиной феминизации состава кадров государ-

Женщины в политике и управлении

ственных органов. Сами женщины так не считают: только 13 % респонденток выбрали этот ответ в качестве причины феминизации.

С другой стороны, женщины чаще полагают, что мужчины могут найти более оплачиваемую работу (53,6 % ответов против 46,9 % у мужчин), т. е. они считают, что мужчины более конкурентоспособны на рынке труда. И это является второй по значимости причиной феминизации гражданской службы после большей приспособленности женщин к напряженной и стрессогенной работе в государственных органах.

В заключение приведем данные о том, как чиновники оценивают значимость отдельных государственных гарантий. Здесь также были зафиксированы определенные гендерные различия, хотя и менее существенные, чем можно было ожидать (табл. 5).

Примерно треть опрошенных (32,7 % мужчин и 30,6 % женщин) считают, что государственные гарантии имеют для женщин большее значение, чем для мужчин. Это третья по значимости причина феминизации гражданской службы.

Таблица 5

**Оценка значимости отдельных государственных гарантий
на гражданской службе*, %**

Государственная гарантия	Пол респондента	
	мужской	женский
Своевременное получение денежного содержания	79,0	74,9
Отпуск достаточной продолжительности	62,3	70,5
Государственное пенсионное обеспечение	48,8	53,7
Профессиональная переподготовка, повышение квалификации и стажировка	35,8	43,5
Условия, необходимые для исполнения служебных обязанностей	32,7	22,9
Медицинское страхование	23,5	18,2
Единовременная субсидия на приобретение жилья	20,4	19,8
Равные условия труда	17,9	16,8
Гарантии занятости при реорганизации	16,0	22,9
Социальное страхование, оплата больничных листов	14,2	15,4
Защита от насилия	6,8	1,4
Обеспечение транспортом	5,6	3,3
Возмещение командировочных расходов	3,7	4,1
Возмещение расходов, связанных с переездом при переводе в другой государственный орган	1,9	0,6
Выплаты по обязательному государственному страхованию	1,2	4,1
<i>Итого</i>	369,8	372,1

* Сумма ответов превышает 100 %, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Для женщин более значимыми оказались гарантии предоставления оплачиваемого отпуска достаточной продолжительности, профессиональной переподготовки, а для мужчин — условий, необходимых для исполнения служебных обязанностей. Такие ответы порождены пересекающимся влиянием двух факторов — гендерного и служебно-должностного.

Значимость отпуска для женщин объясняется необходимостью исполнения ими семейных обязанностей, значимость профессиональной переподготовки и повышения квалификации — их сравнительно низким местом в должностной иерархии. Лишний сертификат или свидетельство о профессиональной переподготовке помогут им лучше сдать квалификационный экзамен, менее беспокойно пройдет для них обязательная для гражданских служащих один раз в три года аттестация.

Значимость гарантии условий, необходимых для исполнения служебных обязанностей, напрямую связана с уровнем должности респондента: чем выше должность, тем больше значимость этой гарантии. Респонденты, замещающие высшие должности гражданской службы, упоминали ее в два раза чаще, чем те, кто замещает старшие и младшие должности. Гарантии занятости при реорганизации гораздо больше волнуют рядовых чиновников, чем руководителей, и т. д. (подробнее см.: [7]).

Все вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что женщины адаптировались к положению исполнителей, считают его соответствующим своей квалификации и собираются в лучшем случае делать профессиональную (горизонтальную), а не должностную (вертикальную) карьеру.

Хотят ли женщины изменения создавшегося положения? В принципе, нет. Более того, большинство из них не считают гендерную асимметрию в органах власти проблемой. Оценки этого явления у женщин и мужчин практически совпадают. Около 40 % в каждой группе считают, что нужно стремиться увеличивать число мужчин на нижних уровнях гражданской службы, около 10 % считают сложившуюся гендерную пропорцию оптимальной. Единственное различие в оценках касается того, что женщины больше сомневаются в способности мужчин работать на рядовых должностях государственных органов. Такие ответы дали 18,8 % женщин против 11,2 % мужчин. Как уже говорилось, это связано с тем, что патриархатные стереотипы, усвоенные в ходе гендерной социализации, формируют из женщин дисциплинированных и исполнительных подчиненных, что позволяет им успешно вписываться в жесткую иерархию гражданской службы.

Анализ научной литературы и материалов проведенного эмпирического исследования позволяет выдвинуть ряд гипотез о механизме формирования и функционирования гендерной пирамиды в российских государственных органах.

1. Феминизация гражданской службы — процесс социально обусловленный, но в отличие от феминизации других сфер занятости (например, среднего образования) здесь не происходит заметного роста числа женщин на уровне принятия решений. «Стеклянный потолок» на гражданской службе значительно крепче, потому что на высших и главных должностях гражданской службы речь идет не просто о престиже и доходах, но о государственной власти, о дос-

тупе к разработке и принятию политических решений, к реальному управлению государством.

2. В связи с этим шансы на вертикальную карьеру в государственных органах (особенно в сферах, не связанных с социальной политикой) у женщин ниже, чем в любой другой сфере занятости. Понимая это, они сами снижают уровень своих карьерных и экономических притязаний, обменивают их на другие преимущества гражданской службы (например, социальную защищенность), «застревают» на середине карьерной лестницы (группа «ведущие должности гражданской службы»), довольствуясь вторыми ролями в организации. Работает здесь и механизм, названный в литературе самодискриминацией, когда способные женщины ограничивают свои карьерные притязания из-за боязни несоответствия гендерным стереотипам и осложнения в связи с этим, например, отношений в семье (подробнее см.: [11]).

3. В работе женщин — гражданских служащих в силу специфики замещаемых ими должностей (особенно старшей и младшей групп) преобладают элементы рутинного и исполнительского труда, что усугубляется недостаточностью механизмов горизонтальной ротации в государственных органах. Только на определенном уровне должностной иерархии (как правило, это должность начальника самостоятельного структурного подразделения) у чиновников появляется возможность для творчества и реализации своих идей, но этого уровня достигает недостаточное число женщин. В связи с этим главным фактором, определяющим отношение женщин к своей работе, становится не ее содержание, а уровень и гарантированность ее оплаты.

4. Сложившаяся на государственной гражданской службе гендерная пирамида ограничивает доступ женщин на уровень принятия решений. Отсутствие реального опыта по выработке и принятию управленческих решений, поскольку большинство женщин замещают должности, на которых только готовят материалы для их принятия, превращает женщин в простых исполнителей решений, принятых не ими, что ограничивает стимулы и возможности для их профессионального развития и самореализации. Это делает женщин менее способными к конкурентной борьбе с мужчинами за вышестоящие должности гражданской службы. В результате круг замыкается, и гендерная пирамида самовоспроизводится, причем совершенно объективно, т. к. женщины реально оказываются менее подготовлены к работе по принятию решений, к политической и высшей управленческой деятельности.

В результате происходит то, что Э. Гидденс называет рутинизацией. Привычные практики, воспроизводимые в одинаковой манере день за днем, создают базу для удовлетворения психологической потребности в онтологической безопасности. Это делает социальную жизнь однообразной и предсказуемой, при этом большинство повседневных социальных действий воспринимаются как привычные и само собой разумеющиеся [3, с. 18—19, 111, 501]. В нашем случае это означает, что преобладание мужчин во власти среди первых лиц — это нечто само собой разумеющееся, это создает чувство безопасности у женщин, потому что так было всегда, это привычно.

В завершение об устойчивости гендерных пропорций на гражданской службе. Почему доля женщин в государственных органах не превысит 70—

75 %? Потому что остальные 25—30 % государственных должностей и должностей гражданской службы — должности реальных руководителей, имеющих власть и политический вес.

Почему доля женщин не уменьшится? Потому что государство никогда не сможет обеспечить уровень денежного содержания своих служащих, в первую очередь на нижних ступенях должностной иерархии, выше, чем в бизнесе. Стереотип кормильца требует от мужчин как можно более высоких заработков и как можно скорее, поэтому выслуживать высокое денежное содержание, последовательно проходя все ступени гражданской службы, им некогда.

С другой стороны, сама работа чиновников никогда не перестанет быть однообразной, бумажной и протекающей в жестких рамках должностной иерархии, а мужчины «не должны любить» такой работы, они как группа «обладают правом» на самовыражение и творчество.

Это связано не столько с личными особенностями человека, сколько с культурной легитимацией традиционного разделения гендерных ролей. П. Бурдые, исследуя традиции берберских горцев Кабилии, пишет: «Поскольку женщинам атрибутируются такие свойства, как внутреннее, согнутое, постоянное, постольку они воспринимают как свои все домашние работы, а также большую часть внешних работ, самых тяжелых, самых монотонных, самых унижительных <...> Мужчины, занимая полюс внешнего официального, публичного, высокого, прерывистого, присваивают себе все действия одновременно быстрые, рискованные и зрелищные» [1, с. 294].

Подобная легитимация гендерных ролей характерна и для современного общества. Воспринимая домашнюю работу как свою, а она, по определению, однообразная и неквалифицированная, современные женщины воспринимают как свою неквалифицированную и однообразную работу в публичной сфере, в том числе бумажную работу клерков.

Зеркальным дополнением гражданской службы является военная служба, где уровень преобладания лиц одного пола столь же высок. Так, например, число женщин-военнослужащих составило в 1994 г. 6,1 %, в 1998 г. — 10,6 %, в 2001 г. — 11,1 % [15, с. 17]. Это другой полюс государственной службы — полюс истинно мужского, где преобладает риск, сила, отвага, соперничество.

И точно так же, как никто не будет призывать феминизировать армию, никто не будет стремиться маскулинировать гражданскую службу, особенно ее нижние уровни, потому что так лучше и для армии, и для гражданской службы. Другое дело, что при этом нарушается конституционный принцип равенства возможностей гендерных групп, но это тема отдельного разговора.

Тем самым мы имеем воспроизводство в масштабах всей системы российской государственной службы традиционного гендерного контракта «мужчина-защитник/воин», «женщина-хозяйка/хранительница домашнего очага», в котором снова и снова легитимируются традиционные феминность и маскулинность.

И точно так же, как всех устраивает гендерное разделение труда по горизонтали в системе государственной службы и в государственных органах, никто не против гендерной вертикали на гражданской службе. Мужчин она устраивает, потому что они сохраняют свои доминирующие позиции, женщин —

потому что они имеют хорошую (в сравнении с другими «женскими» отраслями) работу и *пока* не готовы к большему. Естественно, всегда есть исключения, например губернатор Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко.

Проблематика гендерного неравенства пока не актуализирована в сознании большинства россиян, в том числе гражданских служащих, она остается для них рутинной, поэтому внутренних импульсов к изменению позиций гендерных групп в системе государственной службы ждать не приходится, необходимо внешнее воздействие гражданского общества на государство и его служащих через общий рост гендерной компетентности населения и активизацию национального женского движения.

Немаловажно и то, что объективные социальные процессы, в первую очередь в сферах экономики и занятости, размывают устоявшуюся, привычную практику мужского господства. Профессиональная подготовка женщин, опыт работы, практические навыки уже сделали их во многих организациях незаменимыми заместителями первых лиц и «серыми кардиналами», и государственные органы не исключение. Осталось выйти из тени (подробнее см.: [9]).

Снова обратимся к Э. Гидденсу. Он пишет, что рутинная (общепринятая практика), психологические механизмы которой минимизируют источники подсознательной тревожности, может стать предметом рефлексивного анализа только в случае вопроса «Почему?». Ответ на этот вопрос позволяет вскрыть структурные ограничения, которые действуют через мотивы и соображения субъектов деятельности [3, с. 420—421]. В нашем случае это структурные ограничения в доступе женщин на уровень принятия решений.

Отрефлексировав ограничения, можно говорить о внесении изменений в ранее существующее положение дел или ход событий. Но для того чтобы суметь изменить свое положение в мире, необходимо обладать способностью вмешиваться (или не вмешиваться) в происходящие события. Необходимо уметь «поступать вопреки» [3, с. 55—56].

Женщины на российской гражданской службе пока не стремятся «поступать вопреки». Это связано с бюрократическим характером организации гражданской службы, не предполагающей слишком большого простора для рефлексии и творчества. Всем известно золотое правило чиновника: «Инициатива наказуема!» Не будем забывать, что основная масса гражданских служащих (83 %) сосредоточена в органах исполнительной власти.

Итак, российские женщины становятся чиновниками, считают опрошенные нами региональные гражданские служащие, в силу следующих причин:

- женщины лучше приспособлены к особенностям гражданской службы, чем мужчины;
- мужчины могут найти себе более оплачиваемую работу, чем гражданская служба;
- для женщин большее значение, чем для мужчин, имеют государственные гарантии на гражданской службе.

Тем самым работа в государственных органах воспринимается респондентами (да и не только ими) как одна из самых подходящих и высокооплачиваемых для женщин сфер занятости в российском обществе.

Другое дело, что содержание этой работы, в связи с уровнем замещаемых женщинами должностей гражданской службы, зачастую не дает им возможностей для профессионального развития и самореализации, сама работа бывает рутинной, не творческой, но зато зарплату платят вовремя, всегда предоставляют оплачиваемый отпуск и больничные листы.

Можно сравнить поступление российских женщин на гражданскую службу с браком по расчету, когда желания и чувства отступают перед рациональными соображениями. Но кто сказал, что все браки должны быть по любви? Браки по расчету, как известно, гораздо крепче.

Библиографический список

1. *Бурдые П.* Мужское господство // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. СПб., 2005.
2. *Гидденс Э.* Социология : пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М., 2005.
3. *Гидденс Э.* Устройство общества : очерк теории структуризации : пер. с англ. М., 2003.
4. Женщины во власти. Коллекция фактов. URL: <http://www.washprofile.org/ru/node/5819>.
5. *Исупова О. Г.* Недостаточно оплачиваемая работа: почему мы соглашаемся? // Социол. исслед. 2002. № 3.
6. *Калашников С. В.* Становление социального государства в России. М., 2003.
7. *Кашина М. А.* Государственные гарантии на гражданской службе как элемент социально-правового статуса региональных гражданских служащих // Государственная служба : науч.-практ. вестн. Координационного совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента РФ в СЗФО. 2008. № 2.
8. *Кашина М. А.* Деловая и профессиональная карьера женщины в высшей школе: предопределенность сценария // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. 7, вып. 1.
9. *Кашина М. А.* Диалектика объективного и субъективного в российской гендерной политике // Лидерство. Гендерные перспективы : сб. науч. тр. по материалам 3-й Междунар. конф., СПб., 11—12 окт. 2007 г. / под ред. Л. А. Герасимовой. СПб., 2008.
10. *Кашина М. А.* Кадры государственной службы: к проблеме профессионализма // Ежегодник 1999 : сб. науч. ст. / Северо-Западная академия государственной службы. СПб., 1999.
11. *Кашина М. А.* Социологический подход к праву: анализ обуславливающего и обусловливаемого в создании и реализации антидискриминационных правовых норм // Гендерная дискриминация: проблемы, подходы, решения : сб. науч. ст. / отв. ред. О. В. Шнырова. Иваново, 2008.
12. *Нэйсбит Дж., Эбурден П.* Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции: год 2000. Десять новых направлений на 90-е годы : пер с англ. М., 1992.
13. Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/administration.shtml>.
14. Российский статистический ежегодник, 2007 : стат. сб. М., 2007.
15. *Роцин С. Ю., Зубаревич Н. В.* Гендерное неравенство на рынке труда, в чем оно? // Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте Целей развития тысячелетия : докл. ПРООН в РФ. М., 2005.
16. Социальная политика и социальная работа: гендерные аспекты / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой. М., 2004.
17. Структура Правительства Калининградской области. URL: <http://www.gov39.ru/index.php?d2m>.

РОЛЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОВЫШЕНИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ЖЕНЩИН

Женские некоммерческие организации как неотъемлемый элемент гражданского общества выполняют важнейшие функции: обеспечивают включение женщин в активную общественно-политическую жизнь, способствуют преодолению различных форм дискриминации и решению острых социальных вопросов.

Разделение гендерных ролей в высших слоях традиционного общества сформировало определенные стереотипы, согласно которым мужчина осваивал внешнее, т. е. «внесемейное», пространство, занимался экономической и политической деятельностью, а женщины ограничивались кругом семьи и домашним хозяйством. Тем не менее, общество всегда поощряло их участие в благотворительной деятельности, уходе за больными, опеке над сиротами и т. п. Согласно Т. Парсонсу социальный статус, стандарт и стиль жизни семьи в целом определяет профессиональная деятельность мужчины, а для женщин основным является «статус жены своего мужа, матери его детей и личности, ответственной за домашнее хозяйство» (цит. по: [1, с. 11]).

В современной России, несмотря на провозглашенное на уровне Конституции РФ гендерное равенство и принятые законодательные нормы и международные обязательства, гендерная асимметрия по-прежнему наблюдается в различных сферах. Политика, экономика, предпринимательство, наука (т. е. сферы, где сосредоточены властные, материальные, финансовые, интеллектуальные ресурсы) в целом контролируются мужчинами. Деятельность общественных организаций в основном сосредотачивается на решении различных социальных проблем. Эта сфера в большей степени занята женщинами, что обусловлено как объективными причинами (затрудненным доступом к политическим, финансовым, властным ресурсам), так и личностными мотивами (например, женщины, объединенные общими проблемами).

Политическая ответственность женщин, как правило, совпадает с их традиционными обязанностями, т. е. вопросами социальной защиты, семьи, материнства и детства. Доступ к участию в политической жизни женщин, в отличие от участия в общественной жизни, означает реальную возможность использования такого важнейшего ресурса, как власть [3].

На начало 2009 г. в состав Государственной думы РФ входило 435 депутатов, из них женщин — только 63. В совете Государственной думы среди 11 заместителей Председателя только 2 женщины. Состав фракций политических партий представлен следующим образом: среди 315 депутатов «Единой

России» — 36 женщин; среди 57 депутатов КПРФ — 4 женщины; среди 40 депутатов ЛДПР — 3 женщины; из 38 депутатов партии «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь» — 11 женщин [12].

В Российской Федерации только один субъект (С.-Петербург) возглавляется женщиной. Женщин на руководящих должностях в исполнительных органах власти города — 15 %, на должностях заместителей руководителей — 19 %. Гендерная асимметрия становится особенно заметной на фоне феминизации нижних уровней государственного управления. Женщины составляют 81,3 % всех гражданских государственных служащих, замещающих должности специалистов, и 87,7 % — должности обеспечивающих специалистов [7].

Тем не менее, по данным аналитического центра Ю. Левады (данные на март 2006 г.), большинство россиян полагают, что увеличение доли женщин в руководстве страны привело бы к положительным переменам. Респонденты считают, что если бы в России на ответственных постах было больше женщин, то в стране стало бы больше заботы о людях со стороны государства (37 %); больше порядка (30 %); меньше конфликтов, противостояния различных политических сил (24 %) [14].

Что касается участия женщин в бизнесе, то в явлении женского предпринимательства фокусируется целый спектр гендерных, экономических, социальных и правовых проблем. К особенностям женского бизнеса чаще всего относят отраслевую специфику, мотивационный комплекс женщин-предпринимателей и особенности стиля управления. В крупном бизнесе женщин чрезвычайно мало, и зачастую за ними скрываются теньевые лидеры — мужчины. Женский бизнес доминирует в здравоохранении, сфере обслуживания, в том числе общественном питании и розничной торговле. Однако несмотря на стремительное проникновение женщин в новые сектора экономики, их доля в составе руководителей предприятий и организаций пока остается неоправданно низкой [8, с. 220—223].

В сфере науки количество женщин по мере восхождения в научной и должностной иерархии уменьшается. Профессиональная ориентация остается гендерно традиционной: в гуманитарных науках женщин больше, чем в технических. В настоящее время на фоне дискриминации женщин наблюдается тенденция существенной феминизации кадровой составляющей науки, которая происходит преимущественно в гуманитарных отраслях. Доля женщин, работающих в высшей школе, значительно больше, чем женщин, занятых в науке. Для женщин-ученых сложно подняться в высшей школе до руководящей должности, и они остаются на исполнительском уровне. Стоит отметить также, что ученые советы практически полностью состоят из мужчин [10, с. 2—4].

По данным Госкомстата России, профессорско-преподавательский состав государственных и муниципальных вузов на начало 2007/08 учебного года насчитывал 340,4 тыс. человек. Женщины составляли 184,4 тыс. человек, из них ректоров — 8 %; деканов факультетов — 36 %; заведующих кафедрами — 35 %; профессоров в составе кафедр — 26 %; доцентов — 52 %; старших преподавателей — 70 %; преподавателей, ассистентов — 69 %. Как видно из приведенных данных, чем выше должность, тем меньше женщин ее занимают [13].

Наиболее уязвимыми женщины остаются в сфере труда и занятости, где неравенство наблюдается в возможности трудоустроиться по профессии и в

оплате труда. Многие женщины сталкиваются с таким явлением, как гендерная сегрегация — устойчивая тенденция трудоустройства женщин и мужчин по строго определенным профессиям, отраслям и должностным позициям. Так называемый «невидимый труд» (работа по дому) предполагает двойную занятость женщины, по сути второй рабочий день, но уже в домашнем хозяйстве, что снижает в определенной степени женскую социальную активность.

Сильное влияние на формирование трудовой мотивации оказывают такие факторы, как возраст, семейное положение, профессионально-должностной статус, стремление к экономической независимости, нестабильные отношения в семье. Женщины в большей мере подвергаются сокращению на предприятиях и в организациях, им труднее устроиться на работу. Также происходит качественное ухудшение состава безработных женщин, которое проявляется в устойчивом росте неполных материнских семей, молодых женщин, впервые выходящих на рынок труда, женщин предпенсионного возраста [4]. При этом уровень образования безработных женщин гораздо выше, чем у безработных мужчин: в 2005 г. высшее профессиональное образование имели 33,8 % безработных женщин и 12,2 % мужчин [7]. Переход к рыночным отношениям, с одной стороны, позволяет женщинам использовать широкий спектр занятости, с другой — делает их неконкурентоспособными на фоне системы социальных льгот. На экономическую активность женщин, в отличие от мужчин, отрицательное влияние оказывает количество детей, т. к. именно на них ложится основная нагрузка, связанная с их воспитанием.

Последствия глобального экономического кризиса, разразившегося в 2008 г., сказались на многих отраслях экономики, этим были вызваны массовые сокращения и увольнения работников во всем мире. В результате проведенного Конгрессом профсоюзов Великобритании (TUC) исследования выяснилось, что с 2008 г. под сокращение попало на 2,3 % больше женщин, чем годом ранее. Таким образом, рост женской безработицы в два раза превысил рост увольнений среди работников-мужчин. Наиболее массовые сокращения наблюдаются в сфере розничной торговли и в гостиничном бизнесе, где традиционно работает больше женщин, чем мужчин. Кроме того, стало ясно, что в 21 % супружеских пар женщины теперь зарабатывают больше, чем мужчины [16].

По данным Американской ассоциации психологов, экономический кризис резко снизил стрессоустойчивость работников в целом. Причем на женщинах это отразилось заметнее, чем на мужчинах. Состоянию стресса подвержены 75 % мужчин и 84 % женщин. Такая ситуация объясняется тем, что женщины особенно сильно переживают за будущее своей семьи и детей и чувствуют себя более незащищенными перед трудностями [11].

По мнению большинства российских женщин, равные с мужчинами права в максимальной степени реализуются всего в нескольких направлениях: возможности получения профессионального образования (72,7 %); семье (70,0 %); участия в общественной жизни (50,7 %) [4]. Помимо этого, 59 % мужчин и 49 % женщин считают, что оба пола имеют равные права; однако 43 % женщин и 28 % мужчин полагают, что больше ущемлены женщины (данные аналитического центра Ю. Левады на март 2007) [15].

Сфера третьего сектора в целом помогает сформировать пространство, в котором граждане могут предъявлять общие запросы как к государству, так и к рынку. НКО выступают в роли производителей социальных услуг и социальной поддержки, отражают весь спектр социальных проблем, являясь своеобразным «социальным клеем», который помогает достичь связанности, сцепленности в обществе [9, с. 150].

В современной России насчитывается порядка 350 тыс. НКО [9, с. 142], однако 70,6 % россиянок вообще ничего не знают о деятельности женских НКО, и только 8,8 % относятся к ним позитивно; 5,1 % хотели бы принимать участие в их работе [4]. Отношение к женским организациям значительно различается у женщин из разных социальных групп. Наиболее образованные, успешные женщины лучше информированы по этому вопросу, больше интересуются подобной деятельностью и непосредственно участвуют в ней. Но с другой стороны, в этих же группах насчитывается наибольший процент тех, кто не испытывает никакой необходимости в соответствующих общественных формированиях. Имеет значение и территориальный фактор: женские организации если и действуют, то в основном в крупных индустриальных центрах и мегаполисах, а у жительниц малых городов и сел меньше информации о работе подобных организаций. Довольно много россиянок (24,0 %) убеждены, что женские организации должны бороться против дискриминации женщин во всех ее формах и проявлениях [4].

НКО, чьими клиентами являются женщины, занимаются решением широкого спектра правовых, социальных, информационных вопросов. Одним из важнейших аспектов также является просветительская деятельность (выпуск справочников, газет, журналов; проведение семинаров, тренингов; организация школ для женщин-лидеров) и гендерная экспертиза. Именно на женские НКО возлагается миссия по консолидации женщин в выборах и политической деятельности. Помимо этого, они способствуют творческой деятельности, объединению по интересам и совместному проведению досуга.

В социальной сфере, где традиционно преобладают женщины, НКО непосредственно осуществляют социальную защиту, консультационные услуги и, что не менее важно, моральную поддержку уязвимых групп населения, которые остаются вне поля деятельности официальных структур (например, женщины, имеющие положительный ВИЧ-статус).

В политической сфере задачами женских общественных организаций являются выдвижение женщин в органы законодательной и исполнительной власти, включение их в различные общественно-политические процессы, лоббирование их интересов в Государственной думе; привлечение их к активному участию в выборах, увеличению количества женщин — депутатов местных муниципальных советов, а также решение такого острого вопроса, как гендерная квота — поддерживаемая законом норма представительства для женщин [2, с. 194; 5, с. 22—26]. Однако существуют опасения, что вместо профессиональных качеств женщины-политика во главу угла будут поставлены ее родственные связи с теми, в чьих руках находятся властные полномочия. Стоит отметить и то, что лишь 8 % россиянок считают важной политическую проблематику [4].

В сфере экономики и предпринимательства для женщин наиболее важно объединение в группы единомышленниц по профессиональным интересам. Например, представительницы малого и среднего бизнеса в рамках НКО могут организовывать юридические службы, группы поддержки, оказывать помощь в получении ссуд и т. п.

Деятельность женских НКО, например в Санкт-Петербурге, где в настоящее время их более двухсот, представлена в следующих направлениях [6, с. 56—63]:

- профессиональные сообщества женщин (например, занятых в науке и образовании или малом и среднем бизнесе);
- некоммерческие образовательные учреждения;
- благотворительные организации;
- общественные организации, занимающиеся изучением гендерных проблем и вопросами социального партнерства;
- общества многодетных семей, вдов, родителей погибших воинов, детей-инвалидов, женщин-инвалидов, активных бабушек и дедушек;
- общественные организации, помогающие женщинам сохранить и укрепить здоровье;
- организации помощи женщинам и детям, оказавшимся в кризисной ситуации, пострадавшим в результате насилия.

В целях изучения включенности женщин в третий сектор и их положения в нем автором в 2007 г. было проведено качественное социологическое исследование, основным методом которого был экспертный опрос представительниц некоммерческих организаций (как руководителей, так и рядовых членов) и иных структур, работающих в сфере НКО в Санкт-Петербурге.

Женские общественные организации наравне с другими НКО являются важной составной частью всего третьего сектора, который формирует гражданское общество и гражданские инициативы. Женские НКО, являясь более гендерно чувствительными к определенным социальным проблемам, обращают внимание государства на те или иные острые социальные противоречия, которым не уделяют должное внимание соответствующие органы власти; налаживают социальное партнерство с бизнес-структурами; формируют общественное мнение по острым социальным вопросам и предлагают варианты решения этих проблем на уровне законодательной и исполнительной власти.

В рамках экспертного опроса было опрошено пятнадцать женщин: двенадцать представительниц женских общественных организаций различного профиля, две представительницы органов власти и управления, одна представительница СМИ, пишущая по гендерной проблематике. Возрастной контингент — от 35 до 60 лет; высшее образование у 12 человек. Для автора было принципиально важно, что опрошенные женщины работают непосредственно в третьем секторе либо осуществляют взаимодействие с НКО на уровне законодательной власти и управления. Акцент в исследовании делался на их мнения и установки, т. к. они являются непосредственными субъектами, включенными в эту структуру.

Участницам опроса было предложено выступить в роли экспертов НКО по трем ключевым блокам:

1. Общая характеристика НКО (характеристика организации: миссия (цели), деятельность, проекты, целевые группы).

2. Оценка деятельности женских некоммерческих организаций.

3. Активность женщин в общественной жизни и деятельности НКО.

По первому блоку следует отметить, что даты создания организаций варьируются от 1992 до 2004 гг. Целевые группы (клиентов) эксперты определили двояко: как «группы женщин» и как «группы граждан» (не акцентируя внимание на половом признаке). Те, кто выделял именно женщин как своих клиентов, обозначили две основные клиентальные группы. Первая — женщины, нуждающиеся в правовой защите, социальной, материальной помощи и реабилитации, куда были включены матери детей-инвалидов, многодетные матери, женские монородительские семьи. Вторая группа — женщины, попавшие в трудную жизненную ситуацию (жертвы насилия в семье, жертвы трафика и т. п.), т. е. более нуждающиеся в психологической помощи и реабилитации.

Эксперты, не делавшие четких гендерных различий, определяли свои клиентальные группы как «граждан, нуждающихся в консультировании по социальным и правовым вопросам»; «пожилых людей, желающих вести социально-направленную, признанную окружающими жизнь»; «семьи, имеющие детей-инвалидов»; «детей-инвалидов»; «другие организации, имеющие потребность в проведении патриотических и социальных акций»; «женщин и мужчин гомосексуальной ориентации».

Направления (цели), в которых работают организации, можно распределить следующим образом:

— социальная помощь / социальная защита уязвимых групп населения, которая включает оказание различных видов поддержки социально незащищенным жителям (в частности, обеспечение медикаментами, одеждой, игрушками и пр. малообеспеченных семей и семей, имеющих детей-инвалидов);

— социальная работа с неблагополучными семьями, оказание сопровождения и патронажа, реабилитация;

— психологическая помощь женщинам, попавшим в трудную жизненную ситуацию;

— правовая защита различных целевых групп, противодействие любым видам дискриминации личности;

— лоббирование интересов женщин и содействие их продвижению во власть; вовлечение женщин в политику;

— содействие малому бизнесу;

— гендерное просвещение; образовательные программы, семинары, тренинги для руководителей НКО;

— информационно-ресурсное обеспечение НКО; фандрайзинг; создание и поддержка интернет-сайтов и интернет-ресурсов;

— формирование гражданского общества в целом; выступления представителей НКО в СМИ; привлечение общественности к проблематике целевой группы организации.

Успешно осуществленные проекты охватывали такие важные направления, как социальная защита и консультирование, информирование населения

по различным социально-правовым аспектам, обучение/переобучение, объединение по интересам и организация досуговой среды.

В рамках социальной защиты организованы телефоны доверия, службы правовой и психологической поддержки женщин в трудной жизненной ситуации; оказывалась социальная и правовая поддержка подросткам и пожилым и адресная социальная помощь детям-инвалидам и их семьям.

Эксперты отмечали, что важной информационной работой стало привлечение внимания общественности. Средствами НКО осуществлялось издание печатной продукции информационно-познавательного и агитационного характера, выступления в теле- и радиопередачах, организация фотовыставок, издание книг патриотического содержания, создание информационных интернет-ресурсов, проведение конференций и круглых столов.

Помимо этого, важным достижением называлось привлечение женщин — будущих кандидатов в депутаты; обучение народным ремеслам и последующее трудоустройство женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации; дополнительное образование для мальчиков из неполных семей с элементами наставничества; разработка и реализация программ по гендерному образованию; проведение конференций, тренингов, семинаров, образовательных программ в различных областях; включение в общественную жизнь и активизация лиц пожилого возраста.

Сама по себе работа в структуре некоммерческой организации (создание новых подразделений, поиск финансирования, взаимодействие с властными и законодательными структурами и т. д.) уже рассматривалась экспертами как эффективная деятельность, призванная консолидировать совместные усилия для решения острых социальных проблем.

На уровне исполнительной власти отмечались создание бирж женского труда, обеспечение сотрудничества органов власти с представительницами НКО, оказание помощи за счет бюджетных и внебюджетных средств, а также выделение грантов и субсидий, создание бизнес-инкубаторов, реализация социальных программ и программ по поддержке объединений женщин-предпринимательниц.

Таким образом, эксперты отметили, что деятельность НКО сосредотачивается в основном на предоставлении широкого спектра социальных, информационных, консультационных, юридических услуг, а также конкретной адресной материальной помощи уязвимым категориям граждан, среди которых женщины оказываются в большинстве и как непосредственные клиенты, и как опосредованные получатели тех или иных услуг (например, матери детей-инвалидов).

Во втором блоке «Оценка деятельности женских некоммерческих организаций» экспертам были предложены следующие критерии:

- активность,
- влияние на другие сферы,
- эффективность деятельности,
- взаимодействие с внешними структурами,
- актуальность проблем и методы их решения.

По мнению экспертов, наиболее активны женские НКО, работающие в следующих направлениях (по мере значимости): правовая и социальная защита уязвимых групп населения; благотворительность; женские профессиональные

сообщества; кризисные центры и организации для женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию; антитрафик; женские политические организации. Отмечена крайне низкая активность среди женщин-экологов и высокая — среди тех, кто занимается работой с пожилыми, ветеранами и т. п.

По второму критерию — «Влияние на другие сферы» — ответы экспертов свидетельствуют о том, что НКО могут способствовать продвижению женщин во все сферы современного российского общества. Эксперты выделили политику, экономику, образование, социальную защиту, благотворительность.

Приведем некоторые высказывания экспертов. «В политике должно быть пропорциональное представительство в исполнительных и представительных органах, для этого женщины должны продвигать женщин». «Продвижение женщин во власть может осуществляться через общественные организации». В сфере экономики: «Для более сбалансированного формирования федерального и регионального бюджетов необходимо влиять на законодательные и местные органы власти»; «Востребовано переобучение, кредиты, поддержка малого бизнеса». В образовании: «Повышение правовой грамотности среди женщин». В сфере социальной защиты: «Женщины здесь на уровне принятия решений. Влияние очевидно через различные совещательные органы в региональных и местных органах»; «Содействие трудоустройству и профессиональной самореализации»; «Разработка адресной помощи»; «Озвучивание проблем определенных категорий граждан». О сфере благотворительности экспертами сказано, что это «одна из основных сфер деятельности НКО вообще и женских в частности»; отмечено «развитие волонтерского движения».

Из предложенных ответов на вопрос: «Что реально может сделать женская общественная организация?» — подавляющее число экспертов обозначило различные виды социальной, экономической, психологической помощи клиентальным группам.

Также было отмечено, что в компетенцию женских НКО входит создание женских профессиональных сообществ (женщины-предприниматели, женщины-адвокаты и т. п.); организация досуга различных групп населения (пенсии, детей, семей и т. п.); помощь в оформлении опекуна над ребенком из детского дома; политическая активность.

На вопрос: «Могут ли женские НКО оказывать существенное влияние на принятие различных законодательных актов?» — большинство экспертов в целом ответили утвердительно.

Эксперты оценивают НКО как связующее звено во взаимодействии с другими сферами на всех уровнях, а также как реального производителя и поставщика социальных услуг и посредника между государственными структурами и гражданами, нуждающимися в социальной защите и помощи.

Эксперты выделили критерии, которые необходимо учитывать, оценивая эффективность организации. Практически единогласно эксперты указали, что важнейшим из них является наличие сильного руководителя (достойного лидера). Помимо этого отмечались: наличие тесной связи с городскими властями; работа по принципу «женщины для женщин и детей»; наличие сетей, филиалов; общие интересы и мотивация; влияние на СМИ, формирование общественного мнения.

На вопрос о том, кто оказывает наибольшую поддержку НКО, были получены следующие ответы (первые две позиции указали практически все эксперты): спонсоры, грантодатели; инициативные граждане; члены организации, вносящие членские взносы; местные органы власти; волонтеры.

Спонсоры являются основным источником финансирования для НКО, однако эксперты не уточняли их юридический статус (организации это или частные лица). Также они не разделяли понятия «инициативные граждане» и «волонтеры», подразумевая, что последние участвуют в деятельности организации с определенной периодичностью, тогда как «инициативные граждане», как правило, — «от случая к случаю». Государство же вовсе не рассматривалось как источник поддержки. Одна из экспертов написала: «Имеет место нечто вроде государственно-общественного партнерства: за небольшие деньги государство покупает набор социальных услуг для самых обездоленных».

Среди тех структур, которые препятствуют (осложняют) деятельности НКО, назывались (по мере важности): государство, несовершенное законодательство; налоговая политика и непродуманные нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность НКО; органы власти; само общество, в котором у граждан не сформирована или отсутствует гражданская позиция.

В данном контексте выделяются две основные проблемы: неналаженность связей между государственными органами и НКО, где государство рассматривается скорее как «препятствие», «помеха», а также отношение самого общества к НКО.

Проблемы, с которыми сталкиваются НКО, обозначенные экспертами, можно объединить в несколько групп (указываются в порядке важности для экспертов):

- экономические. Это в первую очередь поиск финансирования для НКО, определенные трудности в получении грантов, привлечении спонсоров, а также аренда офисов, коммунальные услуги, связь и вынужденное введение платных услуг;

- *законодательные* (подразумеваются несовершенные законы и социальная политика);

- *идеологические* (отсутствие общественного запроса на деятельность НКО, гражданская пассивность);

- *социальные* (связанные с целевой группой, с которой работает НКО);

- *организационно-правовые*. Они заключаются в трудностях регистрации, сложной отчетности, отсутствии поддержки со стороны властных структур, «налоговом гнетом» и тем, что одна из экспертов определила как «власть чиновников, а не гражданского общества»;

- *психологические* (которые обусловлены конфликтами в самой организации, быстрым выгоранием сотрудников НКО, «сверхзанятостью женщин»);

- *кадровые*. Это прежде всего привлечение волонтеров, активных граждан, представителей властных структур;

- проблемы «*информационного вакуума*», связанные с распространением и получением потенциальными клиентами информации о деятельности НКО, малым количеством социальной рекламы.

На вопрос: «Разделяете ли Вы проблемы НКО вообще и женских в частности?» — большинство опрошенных ответили утвердительно, а главной про-

блемой именно женских НКО назвали отсутствие единства и координированных действий между ними. Помимо этого, были упомянуты «специфичность деятельности», «своеобразная маргинализация», «большее давление общества», «автономизация», «разобщенность и скрытая конкуренция».

Среди стратегий по эффективному развитию НКО эксперты выделили такие приоритеты, как «консолидация женских НКО», «привлечение большего числа женщин в их работу», «налаживание бюджетного финансирования», «привлечение СМИ и общественности к проблемам целевых групп, с которыми работает НКО, и создание положительного образа женских НКО в СМИ», «проведение семинаров, тренингов, конференций для руководителей НКО».

Экспертами был выделен широкий спектр проблем, с которыми работают данные организации во всех сферах российского общества. Наиболее эффективна деятельность НКО в решении острых социальных проблем, требующих комплексного подхода, и в оказании конкретной помощи целевым группам. Эксперты признают, что система взаимодействия с государственными органами остается в целом неналаженной и несогласованной. Специфичные проблемы именно женских НКО — отсутствие консолидации между ними.

В третьем блоке — «Оценка активности россиянок в общественной жизни и деятельности НКО» — мы выясняли мнение экспертов о том, насколько активно женщины включены в деятельность НКО и как они видят их дальнейшее развитие.

На вопрос: «Что послужило лично для Вас толчком для создания (вступления) в НКО?» — были получены ответы, из которых видно, что на включение в данную деятельность повлияли как объективные, так и субъективные факторы. К объективным факторам эксперты относят «возрастание социального неблагополучия», «пассивность власти и населения», «отсутствие организаций, которые бы решали определенные проблемы». К субъективным — «желание продвигать женщин во власть», «активную гражданскую позицию самих женщин», «личные проблемы», «желание помочь женщинам, попавшим в трудную жизненную ситуацию», «отстаивание своих прав и защиту достоинства», «профессиональный интерес», «принадлежность к социально-незащищенным слоям населения».

Таким образом, личностная мотивация, альтруизм, активная гражданская позиция являются в значительной степени обуславливающим фактором участия самих экспертов в деятельности НКО.

Степень включенности российских женщин в общественные организации эксперты оценили как «скорее низкую». На вопрос: «Объективна ли необходимость активного включения женщин в политическую жизнь?» — большинство ответило утвердительно: «Вопросы социального обустройства волнуют больше женщин, нежели мужчин»; «Необходимость участия женщин в политической жизни есть всегда, ибо они составляют в среднем половину населения, поэтому должны быть представлены на уровне власти, однако активному участию противостоят разные факторы, начиная от общей политической апатии, заканчивая боязнью патриархальной критики»; «В политическую — да, т. к. это сделало бы внутреннюю политику более социальной, а внешнюю менее агрессивной»; «Женщины больше заняты в соци-

альной сфере, они лучше знают и понимают проблемы социально-незащищенных слоев населения и, следовательно, могут оказать некоторое влияние на принятие законов, защищающих эти категории граждан»; «Это позволяет женщине в полной мере проявить свою гражданскую позицию».

Ответы на достаточно провокационный вопрос: «Если бы президентом России стала женщина, то как бы изменилась ситуация в стране?» — были следующие (по количеству ответов):

1) улучшилась бы в определенных сферах (например, в образовании, здравоохранении);

2) осталась бы прежней (одно из обоснований — «т. к. в остальных сферах руководителями останутся мужчины»);

3) скорее улучшилась бы;

4) скорее ухудшилась (одно из обоснований — «т. к. женщинами легко манипулировать»);

5) теоретически должна улучшиться (одно из обоснований: «только в случае прихода к власти женщины, которая понимает необходимость сотрудничества с другими женщинами»);

6) неважно, кто будет занимать эту должность, мужчина или женщина, важны личностные качества.

К слову, по опросу аналитического центра Ю. Левады (06.03.2006) за кандидата-женщину на президентских выборах проголосовало бы 32 %, против — 34 %, нейтрально — 28 % [14].

В целом активность российских женщин эксперты оценивают как довольно низкую. Являясь активными участницами гражданского общества, они отмечают объективную необходимость включения большего количества женщин в политические процессы на уровне принятия решений, поскольку деятельность женщин в НКО направлена в основном на социальную сферу, где явно выражена гендерная асимметрия.

Резюмируя ответы экспертов, можно сделать выводы о том, что позиционирование женщинами своей организации именно как «женской» свидетельствует об активной гражданской позиции, желании помогать в первую очередь женщинам в решении целого ряда социальных, психологических, экономических и прочих проблем. Высокая мотивация к деятельности в НКО в основном сопряжена с личностными установками, так как, попав в трудную жизненную ситуацию, женщина чаще находит отклик у тех женщин, которые были в подобном положении, испытали те же проблемы (например, матерей детей-инвалидов, солдатских матерей, женщин, переживших насилие).

Женские НКО обеспечивают набор социальных услуг не только непосредственно для женщин, но и для целого ряда граждан как целевых групп, независимо от пола. Многие некоммерческие организации не позиционируют себя как «женские», но, по сути, работают как с женщинами, так и с их семьями и окружением.

Большинство женских организаций действуют в социальной сфере. Это обусловлено как традиционными установками, так и тем, что эта сфера направлена в большей степени на оказание ряда социальных (нематериальных)

услуг, тогда как мужчины в большей степени нацелены на получение прибыли и карьерный рост.

Сравнительно низкая политическая активность женщин вообще и низкая включенность их в работу НКО, занимающихся продвижением женщин во власть, обуславливается как их низкой мотивацией, так и отсутствием запроса общества на женщин-лидеров.

Таким образом, представляется целесообразным рассматривать женские некоммерческие организации как один из эффективных вариантов объединения и интеграции женщин с последующим развитием и применением их лидерских стратегий для развития как негосударственного сектора, так и других сфер жизнедеятельности общества.

Библиографический список

1. *Воронина О. А.* Формирование гендерного подхода в социальных науках // Гендерный калейдоскоп : курс лекций / под общ. ред. М. М. Малышевой. М., 2002.
2. Гендерные аспекты политической социологии / под ред. С. Г. Айвазовой, О. А. Хасбулатовой. М., 2004.
3. *Дорутина Т. С.* Женщина и власть. URL: <http://www.liga-rf.ru/html/archive/articles/public/articles/1dorut.htm>
4. Женщина новой России: какая она? Как живет? К чему стремится? : аналитический доклад Института комплексных социальных исследований Российской академии наук, Российского независимого института социальных и национальных проблем. URL: <http://www.rptb.ru/test2/SOCOPROS/socopros100.html>
5. Женщины в политическом процессе России / под ред. В. Г. Ушаковой, Г. Бауманн. СПб., 2003.
6. Информационно-аналитический материал по Санкт-Петербургу для подготовки периодического доклада «О выполнении Российской Федерацией Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» за период 1999—2006 гг. URL: <http://www.gov.spb.ru/Document/1156159580.doc>
7. Концепция развития гендерного равенства в Санкт-Петербурге на период до 2015 года. URL: http://gov.spb.ru/gov/admin/otrasl/trud/gender/2007_02_21
8. *Обожина М. И.* Женщина в гражданском обществе : (на примере женского предпринимательства в России) // Формирование гражданского общества как национальная идея России XXI века : (материалы к форуму). СПб., 2000.
9. Социальная работа и гражданское общество / под ред. И. А. Григорьевой, А. А. Козлова, В. А. Самойловой. СПб., 2006.
10. URL: http://faculty.ifmo.ru/cir/newlett/newsletters_LGP_Dec_2005.doc
11. URL: <http://www.businessstest.ru/NewsAM/NewsAMShow.asp?ID=5922>
12. URL: <http://www.duma.gov.ru/>
13. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_50/IssWWW.exe/Stg/03-10.htm
14. URL: <http://www.levada.ru/press/2006030607.htm>
15. URL: <http://www.levada.ru/press/2007030608.html>
16. URL: <http://www.tuc.org.uk/economy/tuc-15872-f0.cfm>

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

ББК 60.561.6:60.542.2

В. М. Нилов

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИИ ЗДОРОВЬЯ

Идея о роли гендера как детерминанта здоровья женщин и мужчин стала весьма популярна в зарубежных исследованиях еще в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда научные дебаты вокруг неравенств в здоровье вышли за рамки социально-экономического подхода, включив понятия расы и гендера. Одним из следствий этого процесса стала разработка методологии гендерного подхода в исследовании проблем здоровья, а также применение гендерного анализа.

Как известно, гендерный подход подразумевает оценку возникающих для женщин и мужчин последствий любых планируемых в обществе мер, включая законодательство и политику. Речь идет о стратегии, благодаря которой проблемы, встающие перед женщинами и мужчинами, и накопленный ими опыт должны стать одним из измерений в процессе разработки, осуществления, контроля и оценки политики и программ во всех сферах политической, экономической и общественной жизни с тем, чтобы и мужчины и женщины в равной степени пользовались плодами таких усилий и для неравенства не оставалось места [49]. Гендерный подход предполагает применение гендерного анализа в том числе и в сфере общественного здоровья.

В свою очередь, гендерный анализ рассматривает информацию о существующей или потенциально возможной ситуации с точки зрения гендерной перспективы. Принципы гендерного анализа требуют рассматривать социальные процессы по крайней мере в трех аспектах [29]:

— с точки зрения гендерной асимметрии, т. е. оценки положения мужчин и женщин по отношению к различным социальным структурам и в различных социальных структурах;

— с точки зрения равных возможностей для женщин и мужчин в отдельных сферах жизнедеятельности, что фактически определяет перспективы преодоления гендерной асимметрии;

— с точки зрения того, насколько гендерно-нейтральными являются социальные институты и процессы их развития (например, реформирование здравоохранения), которые складываются независимо от влияния половой принадлежности субъектов.

При этом анализ гендерных различий в здоровье женщин и мужчин должен решить целый ряд проблем, и прежде всего помочь преодолеть сложив-

шуюся традицию сравнивать социальный статус мужчин и женщин по таким основным показателям, как власть, доходы и престиж, по которым женщины неизменно проигрывают мужчинам, и осмыслить один из немногих аспектов жизнедеятельности, где гендерные различия долгое время были в пользу женщин. Поэтому главная цель анализа состоит в том, чтобы прояснить, усилилась или нет гендерная асимметрия, в каком направлении меняется соотношение статусов здоровья женщин и мужчин, а также понять, возросло или уменьшилось равенство возможностей для мужчин и женщин, увеличивается или уменьшается потенциал гендерной асимметрии.

Указанные аспекты могут быть рассмотрены применительно к четырем сферам жизнедеятельности: экономике, политике, семье, здоровью. При этом выделение сферы здоровья имеет достаточно специфический характер, поскольку она отражает результаты социально-экономической политики и уровень решения проблем семьи.

Итак, уровень здоровья и женщин и мужчин определяется комплексным действием многообразных факторов. Например, преимущество женщин над мужчинами в уровне здоровья обеспечивается прежде всего действием биологического фактора. По подсчетам специалистов, разница средней продолжительности жизни мужчин и женщин, обусловленная биологическим фактором, составляет 1,9—2,1 года [31, с. 290; 6, с. 151]. Однако на практике этот разрыв оказывается значительно больше, что связано с одновременным действием других, преимущественно социокультурных факторов. Их влияние проявляется в традиционном ролевом поведении мужчин и женщин в семье, когда мужчины обеспечивают в семье достаток, а женщины занимаются домашним хозяйством, уходом за детьми, несут ответственность за здоровье детей, членов семьи и психологическое благополучие семьи, владеют навыками заботы о здоровье, знаниями о культуре питания, бытовой гигиене [36, с. 134]. Эти обстоятельства заставляют женщин быть более внимательными и к собственному здоровью. Как показывают исследования российских социологов, женщины намного раньше мужчин начинают заботиться о своем здоровье. Они обладают большей медицинской грамотностью и информированностью, лучше разбираются в симптоматике распространенных заболеваний и, как правило, чаще обращаются за помощью на ранних стадиях заболеваний, тогда как мужчины по поводу хронических заболеваний обычно обращаются, когда помощь затруднена или опоздала. Мужчины в большинстве своем быстро перестают выполнять предписания врачей, не доводят лечение в домашних условиях до конца. Если по каким-либо причинам женщины не могут своевременно обратиться к врачу или выполнять его предписания, это является для них сильным стрессором; у мужчин же беспокойство о здоровье, как правило, выражено слабее.

Мотивация, обуславливающая эти различия самосохранительного поведения, связана с субъективными оценками здоровья, которые у женщин превосходят мужские: в среднем мужчины оценивают свое здоровье как хорошее в 30 % случаев, женщины — в 70 %. Однако эти оценки, характерные для России, справедливы не для всех обществ. По данным недавнего опроса в 21 европейской стране, кроме Финляндии, везде мужчины оценивают свое здоровье выше, чем женщины [47].

Гендерные различия проявляются в факторах ухудшения здоровья: мужчины больше страдают от избытка вредных привычек (основные — алкоголь и курение), от нервного перенапряжения и травм на работе, женщины — от малоподвижного образа жизни и нерационального питания и отдыха. Женщины чаще полагаются на личную активность и ответственность в отношении к здоровью. Если мужчины считают, что на здоровье и продолжительность жизни влияют прежде всего наследственность и условия жизни, то женщины полагают, что здоровье в первую очередь определяют усилия самого человека [38].

Учитывая эти обстоятельства, а также то, что женщины освобождаются от службы в армии и работы в тяжелых и вредных условиях, больше времени проводят в более безопасных домашних условиях, можно сказать, что весь этот широкий диапазон социальных процессов и условий поддерживает и усиливает основные биологические различия здоровья.

И тем не менее многие гендерные аспекты медико-социального благополучия проявляют себя далеко не однозначно и остаются весьма актуальными для социологии здоровья. Например, достаточно долго увеличение продолжительности жизни населения большинства стран мира сопровождалось ростом разрыва средних показателей жизни женщин и мужчин, что объективно вело к актуализации этой темы в общественных и научных дискуссиях. Однако уже в 1970-е гг. различия мужской и женской продолжительности жизни в развитых странах стали менее заметны [3, с. 249]. На этом фоне ярким исключением выглядела ситуация в СССР, где разрыв в средней продолжительности жизни мужчин и женщин продолжал возрастать и в 1980-е гг. достигал 10 лет [1, 2, 26, 27]. В 1994 г. в России был отмечен самый большой разрыв в средней продолжительности жизни мужчин и женщин — 14 лет [8, с. 15—17].

Общественная значимость гендерных аспектов здоровья в последние два десятилетия возросла также благодаря развитию женского правозащитного движения, обозначившего гендерные задачи в Платформах действий на конференциях в Каире (1994) и Пекине (1995). На их основе Всемирная организация здравоохранения разработала стратегию и план действий по включению гендерной проблематики в основное направление своей работы [11].

В этих документах нашло отражение признание того, что в силу социальных (гендерных) и биологических (половых) различий мужчины и женщины подвергаются различным рискам для здоровья, их поведение, направленное на обеспечение своего здоровья, различается, равно как и различается отдача от работы систем здравоохранения для их здоровья, поэтому системы здравоохранения должны реагировать на их нужды по-разному. Между тем в большинстве обществ для охраны своего здоровья женщины располагают меньшим доступом к медико-санитарной информации, медико-санитарной помощи, услугам и ресурсам здравоохранения. Гендерные нормы также сказываются и на здоровье мужчин, т. к. они отводят им роли, поощряющие рискованное поведение и побуждающие их пренебрегать своим здоровьем. Кроме того, гендерные факторы взаимодействуют с факторами различия по расовому и другим социальным признакам, что приводит к неодинаковым преимуществам для различных социальных групп и между мужчинами и женщинами.

Было также отмечено, что в настоящее время стали очевидны экономические и социальные преимущества, которые несет обществу улучшение здоро-

вья женщин. В частности, Мировой банк привел убедительные доводы в пользу выгод инвестиций в женское здоровье как весьма рационального использования ресурсов, особенно в беднейших общинах [50].

В развитие своей стратегии ВОЗ создал Департамент по вопросам гендера, женщин и здоровья, который занимается вопросами биологических и социальных различий между женщинами и мужчинами, их влияния на здоровье и предпринимает меры для достижения равенства в области здравоохранения. Главной задачей Департамента является продвижение включения гендерных перспектив в работу ВОЗ при помощи сотрудничества с другими департаментами и региональными отделениями. Департамент ставит целью увеличение знаний о гендерных проблемах путем проведения специальных исследований, обучения и пропаганды того, как социально-культурные факторы и дискриминация влияют на здоровье.

Хотя гендер затрагивает здоровье и мужчин и женщин, Департамент делает особый акцент на последствия дискриминации женщин для здоровья, примеры которой существуют почти в каждой культуре. Мощные барьеры, включая бедность и недостаток образования, лишают миллионы женщин во всем мире возможности пользоваться услугами здравоохранения и, следовательно, поддерживать здоровье на должном уровне.

Реализуемые Департаментом главные стратегии в рамках гендерного подхода в здравоохранении включают в себя следующие направления [14]:

— увеличение знаний и свидетельств того, как сексуальные различия и гендерное неравенство влияют на появление определенных проблем со здоровьем, медицинским обслуживанием и препятствуют успешному лечению;

— разработка путей для продвижения и расширения политики сектора здравоохранения, оказание помощи и осуществление программ на региональном и общегосударственном уровнях, которые систематически приводят к решению гендерных проблем, включая насилие на гендерной почве;

— развитие навыков и создание инфраструктур в рамках ВОЗ и вне ее для осуществления политики и программ, лучше учитывающих возможности женщин и мужчин вести здоровый образ жизни и получать пользу от услуг здравоохранения;

— информационная деятельность и поддержка государств — членов ВОЗ с целью планирования и осуществления политики здравоохранения и стратегий, учитывающих гендерные вопросы.

Весьма активно действуют и правительства многих государств, причем не только западных, но стран Латинской Америки, а также некоторых стран Африки. Их деятельность сфокусирована главным образом на репродуктивных проблемах, но отмечается растущее осознание потребности проводить гендерную политику во всех аспектах здравоохранения, что соответствует рекомендациям Пекинской платформы.

Эти масштабные проекты требуют всестороннего научного обеспечения. Данный социальный заказ весьма активно влияет на зарубежные исследования гендерных аспектов здоровья. Они осуществляются по различным направлениям: в рамках социологии неравенства в здоровье [40, 42, 48], осмысления механизма связи гендера и здоровья [43, 44, 46], рассмотрения проблем влияния

гендера на здоровье в глобальном масштабе, в различных регионах или конкретных странах [41].

В последние годы гендерные аспекты здоровья все активнее и плодотворнее изучаются и отечественной наукой [5, 10, 19, 23, 33, 34]. Конечно, на интенсивность и качество этих исследований влияет общий уровень гендерологии в России, развитие ее методологии, теории и эмпирической базы. Об этом достаточно часто пишут специалисты. В частности, анализируя отечественный вариант гендерных исследований, авторы нередко сетуют на то, что методологическая база практической гендерологии до сих пор остается слабым местом. Используемая расширительная трактовка термина «гендер» зачастую смешивает предмет, метод и субъект анализа. Это подтверждает мнение о том, что значительная часть российских исследователей в области социальных и гуманитарных наук, а также преподавателей университетов практически все еще незнакомы с теорией и методологией гендерных исследований и продолжают работать в традиционном русле анализа «женского вопроса» [9, с. 20]. На этом фоне весьма впечатляющими выглядят все более активные и плодотворные попытки представителей пока еще немногочисленных отечественных гендерных научных центров решать сложные теоретико-методологические и прикладные проблемы гендерных исследований с учетом зарубежного опыта и его критического осмысления (см., например: [4, 9, 12, 13, 16, 17, 21]). К числу этих приоритетных направлений следует отнести и первые исследования в области гендерных аспектов социологии здоровья. Например, еще в 1990-х гг. в рамках изучения женской занятости начали затрагиваться аспекты здоровья, связанные с проблемой сочетания работы и материнства. Позднее в этот анализ были включены новые интерпретации социального неравенства по признаку пола в сфере занятости. Тогда же стали рассматриваться специфика женской профессиональной подготовки, социальная защищенность женщин, работающих на вредных, опасных и тяжелых производствах, показатели здоровья в зависимости от пола в разных профессиональных группах [15, 30].

Эти аспекты гендерных проблем здоровья, пожалуй, наиболее ярко и последовательно были представлены в исследованиях И. Б. Назаровой, изучавшей медико-социальные проблемы занятого населения [25]. Согласно ее данным, распределение самооценок здоровья в зависимости от пола имеет традиционную картину: мужчины оценивают свое здоровье выше. Положительные самооценки («хорошее» и «очень хорошее») демонстрируют динамический характер и варьируются в пределах 1—2 %. Так, только за два года (с 1994 по 1995 г.) они возросли с 37,8 до 43,6 % у мужчин и с 20,0 до 27,0 % у женщин. Оценки здоровья людей, имеющих вторую работу, «прыгали» из года в год, причем их динамика существенно различалась в зависимости от пола. Лишь в 1996 г. мужчины и в 1998 г. женщины, занятые на одной или двух работах, дали одинаковые оценки [24].

При изучении семейного благосостояния и качества жизни населения Таганрога, осуществляемого в несколько этапов начиная с 1968 г., Н. М. Римашевской анализировалось социальное неравенство женщин в сфере труда, семьи и здоровья [30]. В частности, в рамках проекта Таганрог-III были не только получены показатели индивидуального здоровья в разрезе пола, но и прослежена их динамика. Па-

радоксальная ситуация была выявлена на микроуровне, т. е. на уровне индивидуального здоровья. Более высокая смертность мужчин и сравнительно более низкая продолжительность их предстоящей жизни сочетаются с относительно более высоким уровнем потенциала индивидуального здоровья. У женщин все складывается наоборот. Более высокая продолжительность жизни коррелирует с низким потенциалом индивидуального здоровья.

Исследователями были подсчитаны средние оценки здоровья мужчин и женщин (см. табл.). Из таблицы следует, что индивидуальный потенциал здоровья у женщин оказывается почти на 10 % ниже, чем у мужчин; в частности, в 1981 г. он составил 91,6 %, в 1989 г. — 92,6 %, а в 1994 г. — 91,0 %.

Различия в здоровье мужчин и женщин [31]

Год	Средняя оценка здоровья, баллы		Доля хронических больных, %	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1981	3,81	3,49	22,9	34,6
1989	3,53	3,27	39,2	43,3
1994	3,46	3,15	43,3	55,4

Исследования подтвердили предыдущие выводы о том, что практически во всех возрастных группах здоровье женщин оценивается ниже здоровья мужчин. Однако в динамике снижение здоровья женщины происходило менее интенсивно, чем мужчины. Выявленный парадокс может быть объяснен генетически и гормонально обусловленной большей устойчивостью женского организма, которая определяется ее популяционной ролью как продолжательницы человеческого рода. Именно репродуктивная функция женщины определяет ее генетическую сопротивляемость негативным внешним воздействиям на здоровье. Проявляющиеся при этом более низкие текущие характеристики здоровья женщин объясняются высокими социальными и биологическими нагрузками, испытываемыми женщиной как внутри семьи, так и на производстве, поскольку большая доля женщин занята на участках труда с вредными условиями. Отчасти складывающуюся ситуацию компенсирует витальное поведение женщин, которые внимательнее относятся к своему состоянию, чаще обращаются к врачам, больше денег тратят на лекарства.

В свою очередь, данные о здоровье мужчин подтвердили наблюдения отечественных и зарубежных исследователей о большей зависимости здоровья сильного пола от неблагоприятных факторов [22, 32, 45].

В середине 1990-х гг. новое направление гендерных исследований здоровья было задано и наблюдениями за динамикой самосохранительного поведения. В условиях экономических реформ, несмотря на сохранение различий в самосохранительном поведении мужчин и женщин, традиционное соотношение нарушилось: у мужчин наметилась тенденция улучшения поведения в отношении здоровья, а у женщин — тенденция ухудшения. Это побудило исследователей пристальнее изучить факторы, под влиянием которых произошла такого рода трансформация самосохранительного поведения женщин (см. работы Л. С. Шиловой: [35—38]).

В это время социология здоровья начала осваивать еще один важный гендерный аспект исследований социальных факторов здоровья, связанный с социально-культурными процессами в обществе. Это имеет весьма важное методологическое значение, поскольку социальная реальность гендерных отношений структурирована другими социальными отношениями, значимыми для воспроизведения существующего социального порядка. В частности, эти отношения складываются по критериям приписывания этничности и класса [18]. Не случайно исследователи отмечают, что говорить отдельно о классе, гендере, этничности и расе неэвристично, потому что каждый контекст обусловлен синергетической связью этих категорий. Гендер, класс, раса и этничность в совокупности создают синдром социальной идентичности. В качестве примера обычно приводятся случаи из жизни североамериканского или западноевропейских обществ, где темнокожие мужчины и женщины одновременно подавляются белыми женщинами и мужчинами; при этом в семьях низшего класса темнокожие женщины могут доминировать над темнокожими мужчинами. В азиатских же культурах, напротив, в низкостатусных семьях складывается иное отношение между полами, чем в европейских, и мужчины сохраняют свои доминирующие позиции [39]. Таким образом, социальная иерархия этносов переплетается с гендерными статусами и это не может не отражаться на механизме социальной детерминированности здоровья.

Наши исследования здоровья представителей коренного населения Республики Карелия позволили выявить существенные различия между статусами здоровья вепсской и карельской народностей, проживающих в традиционных местах, и представителями других этнических групп. Однако при этом обнаружилась и еще одна любопытная закономерность — различия в статусе здоровья гендерных групп, составляющих те или иные этнические общности.

Как известно, этносы находятся в постоянном режиме взаимной конкуренции, которая может обостряться или смягчаться в зависимости от положения в социальной иерархии, обеспечивающего доступ к ресурсам жизнедеятельности. Обеспечение этими ресурсами гарантирует полноценное удовлетворение потребностей, а следовательно, и здоровье представителей этнической группы. Гендерные роли в этих процессах обусловлены системой статусов и культурных стереотипов. Как правило, мужчины выполняют инструментальную функцию, связанную с повышенным риском для здоровья, женщины — эмоциональную, обусловленную созданием условий для репродуктивной функции и социализации детей. Возникновение затруднений для полноценного выполнения инструментальной функции негативно сказывается на мужских ролях и оборачивается обострением ментальных проблем и девиантным поведением. В условиях стагнации или кризиса социальной системы это весьма наглядно проявляется в росте уровня заболеваемости и смертности мужского населения [22]. Но ощущение дефицита ресурсов неблагоприятно отражается и на женской модели самосохранительного поведения [36] и статусе здоровья, прежде всего репродуктивного [7, 20].

В нашем исследовании был собран достаточно убедительный материал, показывающий связь социально-экономического кризиса Вепсской национальной волости не только с демографическим кризисом и кризисом здоровья ме-

стного коренного населения, но и с гендерной спецификой самосохранительного поведения. Для мужчин закрытие основных промышленных и сельскохозяйственных предприятий волости в первой половине 1990-х гг. было связано с ростом безработицы и утратой надежных мест занятости. Следствием социально-экономического неблагополучия стал высокий уровень заболеваемости и смертности среди трудоспособного мужского населения. Для женского населения наиболее характерной реакцией стало снижение активности репродуктивного поведения, вследствие чего уровень рождаемости в волости оказался на порядок ниже среднего по республике [28].

Одним из способов реагирования на кризисную ситуацию представителей вепсских семей стала более активная миграция в город. Однако урбанизация коренного населения, давая определенные шансы социально-экономического благополучия, одновременно ускоряет ассимиляцию и утрату этнической идентичности. Поэтому инстинкт самосохранения этноса заставляет многих мужчин и женщин, как правило, уже немолодого возраста, держаться за свой дом и выполнять свои ролевые функции в местах традиционного проживания. Значит, для обеспечения им достойных условий жизни здесь необходимы специальные «чувствительные» социальные программы, учитывающие как этнические, так и гендерные особенности самосохранительного поведения. Это, в свою очередь, является еще одним аргументом в пользу развития теории и методологии гендерных исследований в области социологии здоровья.

Библиографический список

1. Андреев Е. М. Смертность мужчин в России // *Вопр. статистики*. 2001. № 7.
2. Андреев Е. М., Кваша Е. А., Харькова Т. Л. Проблемы женской смертности в России в последние десятилетия // *Там же*. 2005. № 2.
3. Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. СПб. и др., 2003.
4. Баллаева Е. А. Гендерный анализ политики в сфере здравоохранения // *Экономика и социальная политика: гендерное измерение* / под общ. ред. М. М. Малышевой. М., 2002.
5. Баллаева Е. А. Индикаторы гендерного равенства в сфере здравоохранения // *Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики* / отв. ред. и сост. М. Е. Баскакова. М., 2004.
6. Бедный М. С. Медико-демографическое изучение народонаселения. М., 1979.
7. Бодрова В. В. Репродуктивное поведение как фактор депопуляции в России // *Социол. исслед.* 2002. № 6.
8. Вишневский А., Школьников В. Смертность в России. Главные группы риска и приоритеты действий / Московский центр Карнеги. М., 1997.
9. Воронина О. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // *Обществ. науки и современность*. 2000. № 4.
10. Гендерные аспекты социальной трансформации / отв. ред. М. М. Малышева. М., 1996. Вып. 15.
11. Гендерные вопросы, женщины и здоровье: проект стратегии : докл. Секретариата ВОЗ 30 ноября 2006 г. URL: http://www.who.int/gb/ebwha/pdf_files/EB120/b120_6-gu.pdf.
12. Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы: материалы Междунар. науч. конф., Иваново, 15—16 сент. 2000 г. / отв. ред. О. А. Хасбулатова. Иваново, 2000. Ч. 1 : Методология, образовательная политика, философия.

13. *Гурко Т.* Социология пола и гендерных отношений // Социология в России. М., 1998.
14. Деятельность ООН по улучшению положения женщин. URL: <http://www.un.org/russian/esa/social/women/who.htm>.
15. Женщина в меняющемся мире / Н. М. Римашевская (отв. ред.) и др.; РАН, Ин-т соц.-экон. пробл. народонаселения. М., 1992.
16. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Институализация гендерных исследований в России // Гендерный калейдоскоп : курс лекций / под ред. М. Малышевой. М., 2001.
17. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Обществ. науки и современность. 1999. № 6.
18. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. Харьков ; СПб., 2001. Ч. 1 / под ред. И. Жеребкиной.
19. *Калабихина И. Е.* Гендерные различия в смертности населения // Народонаселение. 2000. № 2.
20. *Каткова И. П.* Репродуктивное здоровье россиянок // Там же. 2002. № 4.
21. *Ключко О. И.* Отечественный вариант гендерных исследований : (Проблемы методологии) // Обществ. науки и современность. 2007. № 4.
22. *Кон И. С.* Мужское здоровье как глобальная проблема : докл. на 2-й Всерос. конф. «Мужское здоровье», Москва, 19 окт. 2005 г. / Федеральное агентство по здравоохранению и социальному развитию РФ, НИИ урологии МЗ СР РФ. URL: <http://www.pseudology.org/Kon/Zametki/MenHealthGlobalProblem.htm>.
23. *Корхова И. В.* Гендерные аспекты здоровья // Народонаселение. 2000. № 2.
24. *Назарова И. Б.* Участники рынка труда: структура и самочувствие // Там же. 2006. № 2.
25. *Назарова И. Б.* Здоровье занятого населения. М., 2007.
26. Население России, 1999 год : IV ежегодный демографический докл. / отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 1997.
27. Неравенство и смертность в России / под ред. В. Школьников, Е. Андреева, Т. Малевой; Московский центр Карнеги. М., 2000.
28. *Нилов В. М.* Этнические аспекты гендера и здоровья // Гендерные стереотипы в современной России. М., 2007.
29. Практическое руководство по внедрению гендерного подхода : Методология. Обзор по секторам. Сб. примеров из практики. 3-е изд. Братислава, 2007. URL: <http://europeandcis.undp.org/home/show/FCF02963-F203-1EE9-B6F67DF4C72B5AE4>.
30. *Римашевская Н. М.* Гендер и экономический переход в России : (На примере таганрогских исследований) // Гендерные аспекты социальной трансформации / Ин-т соц.-экон. пробл. народонаселения РАН. М., 1996.
31. *Россет Э.* Продолжительность человеческой жизни : пер. с пол. М., 1981.
32. *Роцин С.* Равны ли женщины мужчинам. Ч. 2. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/tema05.php>.
33. *Роцин С. Ю.* Гендерное равенство и здоровье // Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия : докл. Рабочей группы ООН о поощрении равенства мужчин и женщин и расширении возможностей женщин. URL: <http://www.owl.ru/rights/undp2003/>.
34. *Хоткина З.* Гендерным исследованиям в России — десять лет // Обществ. науки и современность. 2000. № 4.
35. *Шилова Л. С.* Стресс, здоровье и изменение самосохранительного поведения населения Москвы за годы реформ // Россия: риски и опасности «переходного» общества / под ред. О. Н. Яницкого. М., 1998.

36. Шилова Л. С. Трансформация женской модели самосохранительного поведения // Социол. исслед. 2000. № 11.
37. Шилова Л. С. Трансформация мужской и женской моделей самосохранения в условиях реформ // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы. М., 1999. Т. 1.
38. Шилова Л. С. Трансформация самосохранительного поведения // Социол. исслед. 1999. № 5.
39. Anthias F., Yuval-Davis N. Contextualizing Feminism — Gender, Ethnic and Class Divisions // Feminist Review. 1983. № 15.
40. Bartley M., Blane D., Smith G. D. The Sociology of Health Inequalities. Oxford, 1998.
41. Doyal L. Gender Equity and Public Health in Europe : a Discussion Document, Prepared for the Gender Equity Conference, Dublin, September, 2000. URL: <http://www.eurohealth.ie/gender/section3.htm>.
42. Doyal L. Gender Equity in Health: Debates and Dilemmas // Social Science and Medicine. 2000. № 51.
43. Gender, Health and Healing: Bridging the Public-Private Divide / G. Bendelow, M. Carpenter, S. Williams, C. Vautier. London, 2002.
44. Graham H. Women, Health and Healing. London, 1984.
45. Kraemer S. The Fragile Male // BMJ. 2000. № 321. URL: bmj.bmjournals.com/cgi/content/full/321/7276/1609.
46. Kristiansen C. Gender Differences in the Meaning of Health // Social Behaviour. 1989. № 4.
47. Olsen K. M., Dahl S. A. Health Differences between European Countries // Social Science and Medicine. 2007. № 64.
48. Popay J., Bartley M., Owen C. Gender Inequalities in Health: Social Position, Affective Disorders and Minor Physical Morbidity // Ibid. 1993. № 36.
49. The Report of the Economic and Social Council for 1997. United Nations, 1997. URL: <http://www.un.org/documents/ga/docs/52/plenary/a52-3.htm>.
50. World Development Report 1993 : Investing in Health / the World Bank. Oxford, 1993. URL: <http://files.dcp2.org/pdf/WorldDevelopmentReport1993.pdf>.

ББК 60.542.21-425

Э. А. Васильченко

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ЖЕНЩИН: ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В 1994—1997 годах в рамках межвузовской научно-исследовательской программы «Женщины России: проблемы адаптации и развития в новых социально-экономических условиях» был осуществлен научный проект — мониторинговое исследование социального самочувствия и ценностных ориентаций женщин России. Наряду с женщинами из других городов европейской части страны в мониторинге приняли участие женщины города Комсомольска-на-Амуре.

В ходе исследования явно выраженных отличий в социальном самочувствии и жизненных ориентациях в зависимости от места проживания респондентов не выявлено. Во всех регионах, где проводился мониторинг, женщины решали примерно схожие проблемы в процессе адаптации к рыночным отношениям. Вместе с тем отмечена определенная региональная специфика адаптационных процессов — более высокий уровень социального оптимизма, самостоятельности, ориентации на ценности рыночного типа у женщин, проживающих в районах Дальнего Востока. Данная тенденция обусловлена исторически более высокой степенью жизнестойкости и более молодым возрастом жителей этого региона.

Нам показалось интересным повторить мониторинговое исследование десять лет спустя в масштабах города Комсомольска-на-Амуре с целью выяснения того, как трудоспособные женщины оценивают свое материальное положение, какими средствами обеспечивают выживание и развитие для себя и своей семьи, на какие ценности ориентируются в своей жизни.

Сравнение результатов исследования с результатами десятилетней давности позволило выявить изменения в социальном самочувствии женщин города в контексте меняющейся социально-политической ситуации в стране.

Выборочная совокупность составила 150 женщин, которые трудятся на производстве, заняты в бюджетной сфере и предпринимательстве, учатся в вузах.

Критерии социальной дифференциации: профессиональная принадлежность, семейное положение, возраст, уровень образования женщин. Респонденты были сгруппированы по возрастному признаку: 18—25, 25—30, 30—35, 35—40, 40—45, 45—50, 50 лет и старше. Они ответили на вопросы анкеты 1997 года.

По-прежнему большинство респондентов определяющим в своем социальном и психологическом самочувствии назвали уровень материального благополучия. Однако за последние десять лет показатель неудовлетворенности женщин своим материальным положением снизился в 2,3 раза (с 40,5 % до 17,4 %), что свидетельствует о росте доходов населения в связи с улучшением экономического положения в стране по сравнению с первым постперестроечным десятилетием.

Исследование показало, что индивиды, в меньшей мере обеспокоенные своим материальным положением, рассматривают нравственные ценности общества в качестве первостепенных. Если в 1997 году падение нравственных устоев общества беспокоило 15 % респондентов из города Комсомольска-на-Амуре, то сегодня этот показатель достиг 68,2 %. Система внутренних предпочтений женщин позволяет учитывать не только ценности, определяющие экономическую выживаемость, но и ценности, ориентированные на будущее.

Женщины, участвовавшие в двух исследованиях, абсолютно идентично назвали в качестве основных базовых ценностей здоровье, материальное благополучие и семейное счастье. Отмечен рост числа респондентов, выделивших ценности рыночного типа (предприимчивость, карьера, независимость и свобода). На эти ценности указали молодые женщины до 30 лет и занятые предпринимательской деятельностью. Такую ценность, как уважение окружающих, выбрали в основном женщины старших возрастов (3,2 %).

У современных дальневосточных женщин убавилось оптимизма во взглядах на свои перспективы. Каждого второго респондента тревожит неуверенность в завтрашнем дне. 13,6 % опрошенных женщин, в основном старших возрастов (от 40 до 50 лет) с высшим и средним профессиональным образованием, разочарованы ходом реформ. Молодые комсомольчанки (45,5 %) по-прежнему полны оптимизма, не потеряли надежду на изменение положения к лучшему. Десять лет тому назад этот показатель составлял 58,4 %. Несмотря на его снижение, уровень оптимизма у женщин остается высоким.

Что касается выбора жизненной стратегии, то за десятилетний период женщины поменяли свои ориентиры в определении перспектив жизни. Они отказываются от иждивенческих настроений, все больше предпочитают патернализму государства принцип опоры на собственные силы. 68,2 % респондентов считают, что за благополучие человека в первую очередь должен отвечать он сам. Данная тенденция характерна для всех категорий женщин.

Вместе с тем средства, которые женщины выбирают для приспособления к экономическим трудностям, за десять лет фактически не изменились и характеризуют их жизненную ориентацию как стратегию выживания.

По-прежнему комсомольчанки экономят на отдыхе и культурном развитии. При этом экономия на продуктах питания, одежде и вещах заметно снизилась.

Неудовлетворенные своим материальным положением, женщины отказываются от рождения ребенка (8,7 %).

Подсобное хозяйство как средство приспособления к экономическим трудностям за последние годы стало менее популярным среди комсомольчанок. Вдвое сократилось число респондентов, считающих подсобное хозяйство основным средством своего существования (13 %).

Мониторинговое исследование 1997 года показало, что в качестве мер улучшения своего положения женщины выбрали: сокращение своего рабочего времени (26,4 %), повышение заработной платы мужа (32,4 %), создание новых рабочих мест (17,9 %). За десять лет вдвое вырос процент комсомольчанок, считающих самой действенной мерой улучшения своего положения рост собственной профессиональной квалификации (50,1 %). В 1,7 раза сократилось число женщин, связывающих свое благополучие с повышением заработной платы мужа (18,2 %). Эти факты свидетельствуют об изменении самосознания женщин в сторону ориентации на экономическую самостоятельность, профессиональное совершенствование, карьерный рост, то есть опоры на собственные силы.

Психологическими факторами, мешающими в преодолении трудностей, женщины считают: устаревшие стереотипы мышления (40 %), отсутствие веры в денежный успех (22,7 %), неуверенность в себе (18,2 %).

В качестве меры улучшения своего положения женщины выбрали участие в управлении. Эта категория респондентов выросла с 8,5 % до 13,6 %.

В 1997 году мониторинговое исследование зафиксировало низкий уровень самооценки, патриархальность сознания большинства женщин. Только 11,1 % респондентов согласились с мнением о том, что женское движение способно защитить их интересы. Сейчас этот показатель вырос (39,1 %), но по-прежнему сохраняется низкий уровень социально-политической активности женщин.

Таким образом, анализируя полученные данные, нельзя не заметить положительную тенденцию — большинство женщин неосознанно для себя выбрали стратегию развития как меру и действие по улучшению своего положения. Меньшая часть опрошенных надеется на помощь государства в повышении заработной платы бюджетникам (4,5 %), на создание новых рабочих мест (9,1 %), на помощь членов своей семьи (18,5 %).

Стратегию развития выбирают в основном женщины от 25 до 35 лет. Как меру улучшения своего положения они называют смену сферы деятельности, получение второй профессии, рост профессиональной квалификации, участие в управлении.

Улучшение социального самочувствия женщин связано со стабилизацией общества, ростом экономики и социальных гарантий. Все это оказалось под угрозой в результате разразившегося мирового экономического кризиса, затронувшего и Россию. Обвал рынка труда, рост безработицы, удорожание продуктов питания и жилищно-коммунальных услуг, финансовая нестабильность негативно повлияли на социальное самочувствие женщин, но это является предметом уже другого исследования.

ББК 60.541.4-41:60.542.2

П. А. Бровский

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ, ОСВОБОЖДАЮЩИХСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Одной из наиболее трудных социальных проблем, не перестающих на протяжении длительного периода времени быть предметом исследований, является социальная адаптация лиц, освобождающихся из мест лишения свободы.

Применительно к этим лицам можно выделить две особенности процесса социальной адаптации:

— данный процесс воздействует на особую категорию граждан — освобождающихся из мест лишения свободы;

— он всегда в той или иной мере связан с элементами принуждения, которые являются последствиями отбывания наказания, вытекающими из института судимости.

Как нам представляется, процесс социальной адаптации распадается на две взаимосвязанные стадии: 1) нравственной, правовой, психологической и организационной подготовки осужденных в исправительных учреждениях к жизни на свободе (исправление); 2) приспособления освобожденных к условиям жизни на свободе, определения ими своих социальных позиций и ролей,

восприятия требований и системы ценностных ориентаций нового социального окружения, руководство этим процессом со стороны государства и общества.

Итак, субъект в определенный момент своей жизни неправильно усваивает норму общества, следствием чего является неправомерное поведение и совершение преступления. После этого у субъекта начинается привыкание к условиям тюрьмы. Попав в новую обстановку, субъект принимает новые социальные нормы, отличные от норм внешнего мира, в результате чего развивается несоответствие между установками осужденного и установками общества на свободе. Чтобы вернуться к нормальной жизни после освобождения, осужденный вынужден вновь ломать сложившуюся систему ценностей и адаптироваться к условиям изменившегося мира. Это возможно благодаря внешним факторам, а также благодаря собственным адаптивным способностям.

Для подтверждения нашей точки зрения нами было проведено социологическое исследование на базе учреждений Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Ивановской области Министерства юстиции. Объем выборки составил 300 человек. Тип выборки — сплошная. Были опрошены респонденты, которым до освобождения осталось менее полугода. В своем исследовании мы постарались детально рассмотреть процесс адаптации осужденных, выявить спектр проблем, с которыми они сталкиваются, а также сформулировать некоторые практические рекомендации, которые позволят решить данные проблемы.

Исследование охватило практически все возрастные группы осужденных — от 18 лет до 51 года и старше. Мы определили, что образовательный уровень респондентов невысок. Уровень образования определяет в числе прочего и уровень культуры человека, степень его интеллектуального развития и сформированности системы ценностей в обществе. Поэтому мы можем предположить, что у части респондентов выработалась установка на противоправное поведение именно из-за недостатка образования, так как определенные нормы общества не были усвоены.

До осуждения большинство мужчин были заняты в сфере промышленности (36 %), а большинство женщин — в сфере торговли (34,7 %). Стоит отметить значительно большее количество неработающих мужчин по сравнению с неработающими женщинами (36 и 12 % соответственно).

Применение уголовного наказания в виде изоляции от общества влечет за собой ослабление, а нередко и полный разрыв социальных связей осужденных, влияет на формирование дезадаптивной направленности в поведении, что нередко является условием совершения новых преступлений.

Мы выявили ряд проблем, с которыми сталкиваются мужчины и женщины, готовящиеся к освобождению из мест лишения свободы.

Анализ эмпирических данных показал наличие проблемы доступности информации для осужденных. Большинство из них (62 %) лишь частично знают о событиях, происходящих на свободе. Полностью информацией о данных изменениях владеют лишь 24,7 % респондентов. Абсолютно не знают о событиях, произошедших на свободе, и, соответственно, абсолютно в них не ориентируются 8,7 % осужденных (группа с низкими адаптивными способностями). Затруднились указать степень своей информированности 4,7 % респондентов,

что, по-видимому, может говорить либо об их частичной информированности, либо об отсутствии таковой. Эти данные свидетельствуют о недостаточно эффективной системе информирования осужденных. Рассматривая источники получения информации мы выявили, что женщины-осужденные в основном получают информацию от родственников (54,7 %) и из телепередач (49,3 %). Значительная часть женщин черпает информацию из газет (38,7 %), радиопередач (24 %) и в процессе общения друг с другом (24 %).

Мужчины в качестве основного источника информации назвали телепередачи (84 %), а также общение друг с другом (65,3 %) и с родственниками (60 %). Особо подчеркнем: 29,3 % респондентов отметили, что получают информацию от сотрудников учреждения. Это более чем в два раза превышает число осужденных, указавших в качестве источника информации газеты (13,3 %) и радиопередачи (10,7 %).

Сравнивая полученные результаты, стоит отметить, что женщины более склонны получать информацию из газет и радиопередач, при этом практически не общаясь с администрацией исправительного учреждения. Мужчины, напротив, предпочитают получать информацию из телепередач, а также более охотно общаются с администрацией исправительного учреждения. Это можно объяснить спецификой исправительного учреждения, в котором осужденные отбывают наказание.

Администрациям ИУ следует обратить внимание на возможность предоставления женщинам информации о жизни на свободе на проводимых лекциях, тренингах и семинарах, направленных на повышение степени информированности осужденных. Что касается мужчин, то следует больше внимания уделить печатным источникам информации, например увеличить количество выписываемых газет и журналов.

Вышеуказанные факторы усиливаются вследствие отбывания наказания не по месту жительства и не по месту совершения преступления. Такое положение дел способствует ослаблению социально полезных связей, которое выражается в ограничении возможности привлечения родственников и членов семьи для оказания помощи осужденным в нормализации их жизни после отбывания наказания. В некоторых случаях происходит полный разрыв этих связей, и человек остается наедине со своими трудностями после освобождения.

Проанализировав средства общения осужденных с внешней средой, мы выяснили, что в основном это общение происходит путем переписки. Письма получают 76,7 % респондентов. Кроме того, к 43,3 % осужденных приезжают на свидание родственники и близкие люди. 42,7 % осужденных получают посылки, а 36 % общаются с родными и близкими по телефону. Не поддерживают отношения с 17,3 % опрошенных респондентов.

Мы также выяснили, что дети имеются у 57,3 % опрошенных осужденных, из которых 63,2 % женщины и 36,8 % мужчины, причем треть из всех осужденных (32,7 %) поддерживает с ними связь. Наличие детей является, с одной стороны фактором, способствующим успешному процессу социальной адаптации, а с другой стороны, может осложнить этот процесс. Положительное влияние детей проявляется в стремлении осужденного нормализовать свою жизнь и обеспечить жизнь своего ребенка. С другой стороны, в случае отсутствия работы, низкой

зарплаты ребенок может лишь помешать успешно адаптироваться к новым условиям. Необходимо также учесть, что наличие ребенка у женщины в условиях современного российского общества является достаточно серьезной проблемой. Мужчине проще, чем женщине, найти работу и обеспечить ребенка. Кроме того, на успешность процесса адаптации влияет и количество детей у женщины. Чем больше у женщины детей, тем труднее ей одновременно заниматься их воспитанием и обеспечивать семью средствами для жизни.

На наш взгляд, на большинство женщин в возрасте 18—25 лет отсутствие детей оказывает положительное влияние, так как они могут акцентировать свои усилия на собственном благополучии. С другой стороны, наличие детей у женщин в возрасте 31—40 лет и старше не отражается негативно на процессе адаптации после освобождения, а, наоборот, стимулирует их к более быстрому и успешному приспособлению к изменившемуся миру.

Что касается мужчин, то для большинства из них дети также являются стимулом для успешной адаптации. Даже имея судимость, молодые люди в работоспособном возрасте при достаточном желании могут устроиться на работу и обзавестись семьей. Немаловажную роль здесь играет возраст осужденных. Значительная часть мужчин 31—40 лет еще не имеют детей. Именно стремление создать семью поможет мужчинам-осужденным активно приспособиться к условиям современного мира.

Испытывая недостаток информации и соприкасаясь с негативной средой мест лишения свободы, осужденный постепенно формирует способ поведения, который противоречит общепринятой, социально одобряемой и поддерживаемой системе взглядов, так как человеческое поведение и взгляды в значительной степени формируются под влиянием условий существования той или иной группы. Такое поведение не может соответствовать социальным требованиям.

Криминогенным фактором, негативно влияющим на осужденных, отбывших наказание в социальной изоляции, выступает проблема их трудового устройства в условиях свободы. Это наибольшая трудность, которую им необходимо преодолеть в постпенитенциарный период. Указанное положение нашло подтверждение при анкетировании освобождающихся из исправительного учреждения. Анализ данных, полученных в ходе опроса, показал, что респонденты в качестве одной из основных проблем, которые могут возникнуть в процессе адаптации, называют проблему трудоустройства (22 %). В основном эта проблема волнует мужчин (84,8 % из выбравших данный ответ — мужчины). Несмотря на сложности, возникающие в процессе трудоустройства, 76 % опрошенных респондентов имеют желание работать, что говорит об их положительном настрое на успешную адаптацию. 20,7 % осужденных, принимавших участие в опросе, не смогли определиться с ответом, а 3,3 % респондентов не имеют желания работать. Вероятно, это категория лиц, избравших для себя антиобщественный, противоправный образ жизни. Некоторые из осужденных находились в пенсионном (6,6 %) или в предпенсионном возрасте и рассчитывали жить на пенсию и иные доходы (пособия, выплаты).

Как показало исследование, большинство осужденных в поиске работы предпочитают действовать самостоятельно (42 %). Помимо самостоятельных действий, в процессе поиска работы осужденные намерены воспользоваться

помощью родных и знакомых (22,7 %) или вернуться на прежнее место работы (14,7 %). Услугами центра занятости населения готовы воспользоваться 9,3 % респондентов. Затруднились ответить на данный вопрос 11,3 % респондентов. Самостоятельно в поиске работы предпочитают действовать в основном женщины (57,1 % против 42,9 %). Мужчины-осужденные отмечали, что в поисках работы будут в основном рассчитывать на помощь родственников и друзей (76,5 % от всех положительно ответивших на данный вопрос респондентов) либо обратятся в центр занятости населения (64,3 % от всех положительно ответивших на данный вопрос респондентов).

Достаточно высокий процент женщин, указывающих на то, что они рассчитывают в процессе трудоустройства на собственные силы, объясняется тем, что у 66,2 % опрошенных женщин существует возможность после освобождения быстро устроиться на работу, в то время как количество мужчин, которые отметили такую возможность, составляет лишь 33,8 %. То есть допустимо говорить о связи двух признаков — возможности трудоустроиться после освобождения и расчетом на собственные силы в процессе поиска работы. На невозможность трудоустройства после освобождения указали 8 % респондентов и 44,6 % затруднились ответить на данный вопрос.

Таким образом, результаты опроса свидетельствуют о различиях в способах трудоустройства у мужчин и женщин после освобождения. Однако необходимо подчеркнуть, что и мужчины, и женщины отмечают неспособность администрации исправительного учреждения помочь им в трудоустройстве, считая их действия малоэффективными.

Еще один фактор, непосредственно влияющий на процесс социальной адаптации, — наличие жилой площади. Как показало исследование, большинство осужденных (72 %) имеют собственную жилую площадь, в основном дом или квартиру. 10 % респондентов указали, что не обладают жилой площадью и им негде проживать. Кроме того, мы выяснили, что 18 % из опрошенных нами осужденных не знают, сохранилось ли их жилье или право проживания там. Поэтому администрация исправительного учреждения должна проверить наличие жилья для осужденного и выяснить, имеет ли он право проживать там.

Значительно большее количество женщин (40 %) по сравнению с мужчинами (10 %) считают, что смогут трудоустроиться, не обладая жильем. Этот факт можно трактовать двояко. С одной стороны, мы уже говорили, что женщины в большей степени надеются на свои силы по сравнению с мужчинами, а также у них больше шансов, как отметили они сами, вернуться на прежнее место работы. С другой стороны, есть вероятность неверной оценки собственных сил женщинами и более адекватной оценки ситуации мужчинами.

Большая часть осужденных после освобождения собирается жить с родными или близкими. Лишь 15,3 % осужденных планируют проживать одни, причем большинство из них мужчины (61,7 %). 33,3 % женщин после освобождения собираются проживать именно с детьми. Вместе с родителями после освобождения намерены проживать 23,3 % респондентов. По признанию осужденных, родители являются гарантом их успешной адаптации, так как могут поддержать как психологически и морально, так и материально, что на первых

порах очень важно. Кроме того, для многих осужденных, у которых нет собственного жилья, это едва ли не единственный шанс не оказаться бездомными.

С супругом после освобождения собираются проживать 15,3 % осужденных. Из них более половины (56,5 %) имеют детей и намерены проживать всей семьей.

Отбывание наказания в изоляции от общества, особенно в случаях, когда имеет место длительное лишение свободы, постепенно приводит к ослаблению, а в некоторых случаях полной утрате навыков выполнения социальной роли свободного человека. Именно это составляет основу субъективного фактора.

Осужденному на протяжении всего срока отбывания наказания в виде лишения свободы по крайней мере трижды приходится переживать весьма сложные адаптивные ситуации: первичная адаптация к исправительному учреждению, адаптация к сложившимся условиям пребывания в исправительном учреждении, адаптация к условиям жизни на свободе. В связи с этим его адаптивные возможности значительно снижаются, и он порой не способен в условиях свободы в должной мере нейтрализовать отрицательные последствия пребывания в изоляции от общества. В результате возникают проблемы в адаптации к жизни на свободе.

Важное значение в процессе социальной адаптации к жизни на свободе имеет степень приобщения осужденных к криминальной субкультуре. Значительная часть бывших осужденных тяготеет к «преступному миру» — его субкультуре, правилам, обычаям. Основная причина такого негативного явления заключается в утрате этими людьми социально полезных связей, выход на обочину жизни, отчуждение от общества и его ценностей, малых социальных групп, и в первую очередь семьи. Приобщение к субкультуре преступного мира влечет деградацию личности, деформирует все сферы образа жизни. Анализ данных показал, что количество женщин, абсолютно уверенных, что после освобождения будут поддерживать связь с людьми, с которыми они отбывали наказание, составило 16 % от всех опрошенных женщин. Скорее всего станут поддерживать связь 6,7 % респондентов. Абсолютно уверены в том, что не будут поддерживать связь с людьми, с которыми они отбывали наказание, 33,3 % респондентов, а 13,3 % отмечают, что, вероятно, не станут поддерживать такие отношения. Необходимо обратить внимание на достаточно высокое количество женщин-осужденных (33,3 %), указавших, что возможность их общения с людьми, с которыми они отбывали наказание, зависит от различного рода обстоятельств, вероятно, от того, насколько удачно адаптируются женщины к жизни в обществе: найдут ли они работу, удачно ли сложатся их взаимоотношения с родными, близкими, не станут ли отношения с трудовым коллективом слишком напряженными и т. д.

Среди мужчин 8 % респондентов абсолютно уверены в том, что после освобождения они будут поддерживать связь с людьми, с которыми отбывали наказание. Скорее всего станут поддерживать связь 17,3 % респондентов. Абсолютно уверены в том, что не станут поддерживать связь с людьми, с которыми они отбывали наказание, лишь 18,7 % респондентов, а 24 % отмечают, что, вероятно, не станут поддерживать такие отношения. Количество мужчин, указавших, что возможность их общения с людьми, с которыми они отбывали наказание, зависит от различного рода обстоятельств, также достаточно высоко, оно составило 32 %.

В целом можно говорить о том, что примерно одинаковое количество мужчин и женщин охотно идут на контакт с людьми, с которыми отбывали наказание. Отметим также, что желание общаться с осужденными возрастает с увеличением количества судимостей. При этом необходимо указать на неоднозначное влияние связи с бывшими осужденными на освободившихся людей. С одной стороны, являясь носителями криминальной субкультуры, бывшие «сокамерники» способны негативно воздействовать на процесс социальной адаптации освободившегося человека путем вовлечения его в совершение новых правонарушений или ведение антиобщественного образа жизни. С другой стороны, находясь в положении «изгоя», в лице бывших друзей по отбыванию наказания он может найти моральную, психологическую, а иногда и материальную помощь. И в этом мы прослеживаем положительное влияние поддержания такой связи.

Исследователи не отрицают и тот факт, что негативным следствием отбывания наказания в виде лишения свободы является отсутствие желания у некоторой категории освобожденных приспособляться к условиям жизни на свободе, а также стремления заняться общественно полезной деятельностью.

В целом можно отчетливо проследить, что значительная часть осужденных рассчитывает успешно адаптироваться. Об этом свидетельствует настрой осужденных. Большая часть из них (51,3 %) с радостью ждет освобождения. Многие осужденные встречают момент освобождения с тревогой (17,3 % женщин и 10,3 % мужчин). Отметим также, что женщины называли такие чувства, как боязнь и грусть (соответственно 2,7 и 1,3 %). Оценивая степень готовности осужденных к жизни на свободе, мы выяснили, что большинство из них готовы к ней и чувствуют себя спокойно и уверенно (64 %). Частично готовы к жизни на свободе 24 % респондентов, а 12 % не смогли определить степень своей готовности. Среди опрошенных не было людей, которые бы указали, что не готовы к жизни на свободе. По мнению осужденных, сильнее всего приспособиться к жизни на свободе мешает судимость, так считают 57,3 % мужчин и 44 % женщин. На второе место женщины поставили нехватку денежных средств (28 %), в то время как мужчин больше волнует вопрос отсутствия работы (37,3 %). Интересно, что фактор отсутствия работы отметили лишь 6,7 % женщин. Это соотносится с высоким процентом женщин, которые указали, что у них имеется возможность быстрого трудоустройства после освобождения из мест лишения свободы. Значительное число респондентов — как мужчин, так и женщин — отметили такой фактор, как нехватка денежных средств (соответственно 32 и 28 %). Отсутствие жилья также в первую очередь волнует мужчин (24 %). На вопрос о влиянии окружения на процесс адаптации 8 % и мужчин, и женщин ответили, что их окружение может мешать им приспособиться к нормальной жизни. Следует отметить тот факт, что только 11,3 % женщин и лишь 4 % мужчин считают, что приспособиться к жизни на свободе им ничто не мешает.

Так как процесс социальной адаптации к жизни на свободе начинается еще в исправительном учреждении, то администрация может оказать на него непосредственное влияние. Осужденные в основном считают, что помощь со стороны администрации им не нужна либо что они могут воспользоваться ей при случае. Женщины, которые готовы принять помощь со стороны администрации, в первую очередь нуждаются в психологической поддержке (38,8 %), а

также в юридических консультациях (30,7 %) и в материальной поддержке (30,6 %). Многим женщинам необходима помощь по оформлению льгот, пенсий и пособий (27,4 %), а также в предоставлении одежды (17 %) и поиске жилья (11,6 %). Мужчинам-осужденным прежде всего нужна помощь администрации в поиске работы (34,7 %), материальная помощь (24 %), помощь в предоставлении необходимой информации (16 %). Мужчины-осужденные готовы воспользоваться помощью в предоставлении юридических консультаций (52 %) и необходимой информации (48 %). Обратим внимание на то, что женщины-осужденные в большей степени скептически относятся к помощи со стороны администрации по сравнению с мужчинами. Так, например, женщины отмечают, что администрация вообще не способна оказать помощь в трудоустройстве (14,7 %) и в поиске жилья (13,6 %). Среди мужчин-осужденных всего 2,7 % считают, что администрация не способна оказать помощь в трудоустройстве, и все мужчины-осужденные полагают, что администрация в той или иной степени могла бы помочь им найти жилье.

Большинство осужденных отмечают: для того чтобы привыкнуть к жизни на свободе им потребуется от одной недели (38 %) до одного месяца (34 %). 20,8 % респондентов считают, что им понадобится около полугода, чтобы вернуться к нормальной жизни, 4,7 % респондентов — около одного года, а 2 % респондентов — больше года. Это вполне соответствует данным о степени готовности осужденных к жизни на свободе, однако не вполне соответствует тем временным рамкам, которые выделяют исследователи. Вероятно, такое положение связано с тем, что осужденные не представляют себе в полной мере всей сложности и многогранности процесса социальной адаптации, упуская из виду некоторые его особенности в силу оторванности от внешнего мира.

Подводя итог, можем отметить, что основными проблемами, с которыми сталкиваются осужденные, являются:

- недостаточная осведомленность о событиях, происходящих на свободе;
- отсутствие квалифицированной психологической помощи;
- трудности с устройством на работу;
- отсутствие постоянного места жительства;
- недостаток материальных средств;
- наличие судимости.

Пребывание в колонии и отсутствие поддержки со стороны родных и близких вызывает у человека сильнейший стресс, в результате которого развивается нервозность, замкнутость и агрессивность, что в условиях кризиса может вызвать нервное перенапряжение и срыв. Особенно опасно это в первые недели после освобождения, так как может привести к совершению новых правонарушений.

Последствием отбывания наказания является судимость, которая выступает помехой при устройстве на работу. Отсутствие работы влечет за собой отсутствие денег, что приводит к невозможности содержать семью, оплачивать счета и толкает человека на совершение правонарушений. Особые трудности при устройстве на работу испытывает человек, не обладающий жильем. Именно поэтому наличие жилой площади и работы являются двумя определяющими факторами успешной социальной адаптации.

Исследование показало, что большинство осужденных готовы к освобождению, чувствуют себя спокойно и уверенно, с радостью выходя на свободу. Это объясняется положительным настроением осужденных, стремлением вернуться к нормальной жизни, поддержкой близких и особенно детей. Уверенность в успешной адаптации подкрепляется имеющейся у большинства возможностью устроиться на работу и наличием жилой площади. Однако исследование выявило также значительное количество осужденных, частично готовых к освобождению. Именно на эту категорию лиц и должно быть направлено внимание администрации исправительного учреждения, психологов, социальных служб.

Отметим, что неадекватная оценка собственных сил, влияние неблагоприятных факторов (неблагоприятное окружение, отсутствие работы, жилья, денег, неуравновешенность характера, ведение антисоциального образа жизни) существенно затрудняют процесс социальной адаптации, что приводит к совершению противоправных поступков.

Факторами риска в процессе социальной адаптации являются:

- отсутствие работы;
- отсутствие постоянного места жительства;
- употребление спиртных напитков, наркотических веществ;
- наличие антисоциальных установок;
- тесный контакт с осужденными отрицательной направленности и некоторые другие.

Совокупность этих факторов способна существенно затруднить процесс социальной адаптации, дезадаптировать личность и привести к рецидиву.

Проанализировав имеющуюся по проблематике нашего исследования литературу, мы выявили объективные и субъективные факторы, влияющие на личность мужчин и женщин, отбывших наказание в виде лишения свободы, а также предположили, что все осужденные имеют различные адаптивные способности. Исходя из этой гипотезы нами были определены три группы осужденных: осужденные с высокими адаптивными способностями, осужденные со средними адаптивными возможностями и осужденные с низкими адаптивными возможностями.

Группа с сильными адаптивными способностями характеризуется высокой степенью информированности о событиях, происходящих на свободе; эти люди охотно поддерживают связь с родными и близкими, стараются получить максимум информации из различных источников. Они нацелены на освобождение и возвращение к семье. Для таких людей большое значение имеют дети, а в случае если детей нет, то в ближайшем будущем они планируют их завести. Так как успешность социальной адаптации определяется наличием жилья и работы, то в данную группу входят в первую очередь лица, обладающие жильем. Для осужденных данной категории характерно ярко выраженное желание работать, а у многих из них есть возможность вернуться на прежнее место работы. В поиске работы они намерены использовать все возможные способы трудоустройства, предпочитая при этом действовать самостоятельно. Оценивая стремление поддерживать отношения с людьми, с которыми эти осужденные отбывали наказание, стоит отметить, что у них ярко выражено нежелание в сохранении таких контактов. Отметим также, что осужденные этой категории не намерены возвращаться к прежнему, преступному и антисоциальному образу жизни. Они объективно оце-

нивают свои шансы и перспективы на успешность процесса социальной адаптации к жизни на свободе, характеризуя свое состояние как «полностью готовы». На наш взгляд, к этой категории целесообразнее всего отнести осужденных, имеющих одну судимость и находящихся в возрасте от 18 до 30 лет.

Категория осужденных со слабыми адаптивными способностями характеризуется низкой степенью информированности о событиях, происходящих на свободе, отсутствием контактов с родными и близкими, нежеланием поддерживать такие контакты, отсутствием стремления создать семью. Как правило, у этих осужденных отсутствует жилье, у них нет желания найти работу, либо нет возможности трудоустроиться. Осужденные данной категории охотно станут поддерживать контакты с людьми, отбывшими наказание, готовы вернуться к прежнему, анти-социальному образу жизни. Как правило, они имеют три и более судимостей и не желают принимать социальные нормы поведения. К данной группе можно также отнести пенсионеров как людей с низкой трудовой активностью.

У осужденных со средними адаптивными способностями в разной степени сочетаются характеристики двух предыдущих групп. Большинство людей этой группы частично владеют информацией о событиях, происходящих на свободе, затрудняются ответить, станут ли они поддерживать связь с бывшими осужденными, а также считают, что успех социальной адаптации к жизни на свободе будет зависеть от стечения обстоятельств. У лиц данной категории, как правило, есть желание работать, многие из них не знают, сохранилось ли их жилье или право проживать там. Осужденных со средними адаптивными способностями большинство, и именно на них администрации следует обратить свое внимание в первую очередь.

При работе с осужденными администрация исправительных учреждений может использовать опыт «Школы подготовки к освобождению», которая была организована на грант фонда Форда в рамках проекта «Реформа тюрьмы» и действует в колонии ОК 3/7 Ивановской области. Эта методика позволяет более эффективно подготавливать осужденных к жизни на свободе. В рамках данного мероприятия работники и администрация ИУ могут более полно информировать осужденных о событиях, происходящих на свободе, указывать на изменения в законодательстве для профилактики правонарушений.

Следует особое внимание уделить работе социальной службы ИУ. Они должны разработать и внедрить максимально возможное количество тренингов и ролевых игр, которые будут развивать адаптивные способности осужденных (умение говорить, вести себя в обществе, трудоустроиться и т. д.), постараться заранее трудоустроить освобождающегося из мест лишения свободы человека. Для этого необходимо тесное взаимодействие работников ИУ и местных служб занятости населения. Социальная служба также должна проверить наличие жилья и возможность проживания в нем, а в случае отсутствия такового постараться найти, например договориться с родственниками осужденного. И в этой связи необходимо обратить внимание на налаживание связей осужденного с родственниками. Указанные меры в совокупности позволят значительно увеличить шансы осужденных, освобождающихся из исправительных учреждений, на успех социальной адаптации к жизни на свободе.

ББК 60.542.15-45:60.542.2

Н. А. Птицына, Е. А. Крохина

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВ, УЧАСТВУЮЩИХ В ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Участие населения в реализации общественно значимых инициатив обладает большим социальным и воспитательным потенциалом, является важнейшей предпосылкой становления и развития гражданского общества. Однако в настоящее время россияне характеризуются низкой общественной активностью. Так, по данным ВЦИОМ, в институционализированных формах деятельности (общественных и религиозных организациях, политических партиях, профсоюзах, органах местного самоуправления) участвует не более 2—4 % граждан. По мнению экспертов, общественную активность на добровольных началах проявляет 1,5—2 % населения, включая платных работников и добровольцев [1, 2]. Вместе с тем более 49 % опрошенных выразили готовность к более активному гражданскому участию по разным мотивам: возможность заработать, попасть «во власть», реализовать свой проект. Интересен тот факт, что 1/5 часть респондентов готова участвовать в общественной жизни из альтруистических соображений, но только в том случае, если будет уверена в результативности собственной деятельности. Молодые люди принимают более активное участие в общественной деятельности, чем граждане среднего возраста, однако ее популярность и в молодежной среде пока еще не столь велика. В связи с этим в современных условиях особое значение приобретает деятельность государства, направленная на развитие общественной активности граждан, оказание поддержки общественным объединениям, в первую очередь детским и молодежным.

Согласно данным Департамента общественных связей, молодежной и информационной политики Ивановской области, в 2007 году количество детских и молодежных объединений, функционирующих в регионе, увеличилось почти на 10 % (в 2006 г. — 207, в 2007 г. — 220). Тогда как по данным Управления Федеральной регистрационной службы по Ивановской области, на территории региона зарегистрировано только 26 детских и молодежных общественных объединений (в 2006 году — 28). Очевидно, что система учета не достаточно точно отражает реальную картину, характеризующую состояние детского движения в области, поскольку регистрационная служба не включает в список детских и молодежных общественных объединений те, в названии которых отсутствует указание возрастного состава участников (например, маркер «детская» или «молодежная»).

Изучение гендерных аспектов социализации подростков, участвующих в общественной деятельности, позволяет не только получить представление о социально-демографических особенностях активистов, восприятию ими актуальных социальных проблем, иерархии ценностей и жизненных целей, уста-

новках на определенную модель поведения, но и разработать практические рекомендации, способствующие оптимизации ситуации в молодежной среде.

Объектом исследования (Иваново, 2006—2008 гг.) были избраны участники детских и молодежных общественных объединений (выборочная совокупность составила 205 человек), а также подростки, не занимающиеся социально полезной деятельностью (206 человек), проживающие в областном центре. В выборочной совокупности активистов — 68,8 % женщин, 31,2 % мужчин. Лиц женского пола оказалось несколько больше, что характерно и для общественных объединений города, и для общества в целом¹. Контрольную группу составили 206 подростков, не участвующих в общественно полезной деятельности (59,2 % — девушки, 40,8 % — юноши).

С целью изучения возрастных особенностей опрошенных была применена шкала, используемая в практике Государственного комитета по статистике. Узкие возрастные интервалы обусловлены тем, что до 25 лет каждый год жизни человека отличается специфическими особенностями, имеет свои социальные характеристики. В целом по выборке возрастные категории респондентов имеют следующее распределение: 13—14 лет — 14,6 %; 15—17 лет — 49,8 %; 18—19 лет — 35,6 %.

На основе полученных данных составлен обобщенный портрет подростка — активного участника общественной деятельности г. Иванова. Это — учащийся школы 15—17 лет (чаще — девушка) из семьи среднего, по мнению опрошенных, достатка, который менее 3 лет участвует в деятельности многопрофильного общественного объединения или органа ученического самоуправления. Успешные активисты по мере взросления продолжают осуществлять общественно полезную деятельность в рамках своей организации либо участвуют в деятельности других политических и творческих объединений.

Как оказалось, наиболее популярными направлениями социально значимой деятельности для представителей детских и молодежных объединений являются:

— развитие гражданской активности, реализация добровольческих инициатив (например, Ивановская городская общественная организация старшеклассников «Школьный актив города», Ивановская областная общественная организация христианской молодежи и семьи, центр интеллектуального творчества «Лидер», «Тинейджер-центр», Молодежное Ивановское антинаркотическое движение и др.) — 23,4 %;

— продвижение идей политической направленности (Ивановское региональное отделение Всероссийской общественной организации «Молодая гвардия

¹ Ульяновские исследователи (НИЦ «Регион») высокий уровень активности девушек объясняют тем, что, во-первых, общественных организаций, в той или иной мере защищающих права женщин, значительно больше, чем защищающих права мужчин; а во-вторых, стоит принимать во внимание гендерную особенность женской и мужской идентичности. Обращение девушек за помощью в общественные объединения является более социально одобряемой практикой, обращение же за помощью мужчин не соотносится с общественными представлениями об их роли и поведении. Социологи отмечают, что девушки проявляют больше желания включаться в общественную деятельность и имеют больший опыт участия, чем юноши.

«Единой России»», Ивановская областная общественная организация «Молодежное демократическое антифашистское движение «НАШИ» и др.) — 17,6 %;

— деятельность экологического, историко-туристического характера (исторический клуб «Клио» и др.) — 8,8 %;

— военно-спортивное направление (военно-патриотическая школа «Высота», ВСТК «Ровесник» и др.) — 5,9 %.

Важное значение как для юношей, так и для девушек имеет участие в деятельности органов ученического самоуправления (23,9 %), а также органов самоуправления, созданных по инициативе органов власти (6,8 %; например, в Молодежном совете при главе г. Иванова, Областном студенческом совете, Молодежном правительстве при администрации г. о. Кохмы и др.).

Определенная доля молодых людей выполняет общественную работу в рамках деятельности национальных общественных объединений (союз татарской молодежи «НУР»), творческих объединений по интересам или же самостоятельно занимается добровольчеством (13,6 %).

В ходе опроса выяснено, что наиболее продолжительным оказалось участие молодых людей в общественной деятельности многопрофильных общественных организаций, наименее — органов ученического самоуправления и прополитических объединений. Девушки, как правило, являются участниками деятельности добровольческих, творческих объединений, юноши — военно-патриотических и политических.

Представляет интерес такой показатель, как ролевая нагрузка, которую активисты выполняют в рамках деятельности общественного объединения. Установлено, что большинство опрошенных юношей и девушек предпочитают роль «исполнитель» (46,3 %). Однако чем продолжительнее участие подростков в общественной деятельности, тем реже они осуществляют выбор данной ролевой нагрузки. Учениками в большей степени ощущают себя начинающие активисты — 28,3 % (чаще — юноши). Но чем больше стаж работы подростка в общественном объединении, тем реже он идентифицирует себя с новичком-учеником.

Как оказалось, реализация лидерского потенциала важна и для юношей, и для девушек. Вместе с тем юноши проявляют большую готовность к завоеванию «внешнего» статуса лидера (порой — ситуативного), а девушки склонны добиваться признания посредством осуществления практической деятельности, требующей большего усердия и времени. Роли явных лидеров — неформального («душа компании») и формального — выбирают юноши старше 15 лет. Девушки, имеющие опыт участия в общественных делах более 3 лет и претендующие на неформальное лидерство, предпочитают роль «генератор идей»; девушки старше 17 лет, имеющие стаж общественной деятельности более 3 лет, — роль «вольный художник». Самую малочисленную группу составили респонденты-девушки, выполняющие в объединении роль «хозяйственников», которые «убирают за всеми бумаги, чашки, стулья после работы, следят за внешним порядком». В основном это студентки ссузов и вузов 17—19 лет, занимающиеся общественной работой более 5 лет и воспринимающие ее как заботу о собственном доме. Часть респондентов, предложивших свой вариант ответа (5,4 %), обозначили: «исполняю все роли» или «помощник», «шаман», «тамада».

Система ценностных ориентаций личности определяет содержательную сторону ее направленности и составляет основу отношений к окружающему миру, другим людям, к себе самой, основу мировоззрения и ядро мотивации жизненной активности. Исходя из анализа ряда методик изучения ценностных ориентаций в ходе исследования применена шкала ценностей, состоящая из 16 элементов. Иерархия ценностных ориентаций подростков представлена на рис. 1.

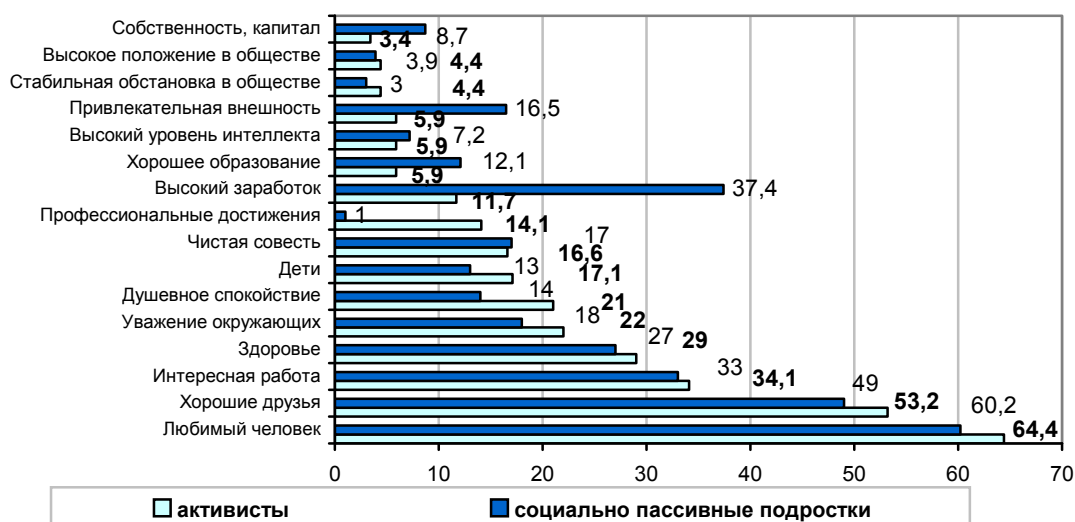

Рис. 1. Иерархия ценностей подростков, % (N₁ = 205 чел., N₂ = 206 чел.)

Как видим, для того чтобы чувствовать себя счастливыми, подросткам необходимы любовь, дружба и интересная работа. Изучение жизненных ценностей активистов дает основание утверждать, что они в большей мере ориентированы на взаимодействие с другими людьми, признают ценность душевного спокойствия (21 %, социально пассивные — 14 %), придают особое значение уважению окружающих (22 %, социально пассивные — 18 %). Интересен тот факт, что для 1/5 всех подростков, чтобы чувствовать себя счастливыми, необходимо уважение окружающих, тогда как по данным исследовательской группы РОМИР, указанный фактор значим лишь для 2 % россиян [3]. В связи с этим педагогам и руководителям общественных объединений важно учитывать такую особенность подросткового периода, как сензитивность, которая позволяет развивать не только уважение к другим людям, но и готовность к конструктивному взаимодействию. При этом материальное благополучие, карьера отходят на второй план, например, высокий заработок важен для 1/10 части активистов, тогда как для социально пассивных подростков данный показатель занимает третье место в иерархии жизненных ценностей. Можно предположить, что участие в социально полезной деятельности способствует формированию ценностей общественно значимого характера.

В ходе исследования выявлено, что иерархия ценностей подростков зависит от пола и стажа их участия в общественной деятельности. Для активистов со стажем общественной работы до 5 лет первостепенное значение имеют любимый человек, хорошие друзья, интересная работа; для участвующих в обще-

ственной деятельности более 5 лет возрастает ценность здоровья, положения в обществе, интеллекта. Юноши более прагматичны и ориентированы в основном на практические достижения (высокий заработок, наличие капитала, профессиональные успехи). Девушки придают значение наличию любимого человека и уважению окружающих.

Ценностные установки человека, как правило, связаны с его смысло-жизненными ориентациями. В связи с этим представляют интерес такие показатели, как жизненные цели подростков и способы их достижения.

В целом по выборке жизненные цели подростков соотносятся с их представлениями о необходимых составляющих счастья. Значимость взаимной любви и детей отражена в выборе цели создать семью; важность любимой работы проявилась в стремлении подростков сделать карьеру и стать специалистом в своем деле. Однако для активистов особое значение приобретает возможность приносить пользу людям, причем важность этой цели повышается у опрошенных из старшей возрастной группы, имеющих более продолжительный стаж участия в общественной деятельности. У данной группы активистов отмечена также актуализация потребности в реализации собственных талантов и способностей, в духовном самосовершенствовании.

В совокупности по выборке подавляющее большинство юношей в качестве цели рассматривают построение карьеры, а девушки — возможность самореализации.

Стать знаменитыми стремятся и юноши и девушки, однако склонность к руководству другими людьми в большей мере характерна для лиц мужского пола. Выявлено, что приобретение авторитета в глазах других людей одинаково значимо для всех опрошенных активистов, однако имеющие стаж более 3 лет все меньше мечтают об этой цели. Участие в общественной деятельности позволяет подросткам выполнять различные ролевые нагрузки (от исполнителя до лидера объединения), поэтому активисты имеют более реалистичные представления о деятельности руководителя, осознают, что у управленцев существуют не только права, но и обязанности.

Что же необходимо молодым людям в первую очередь для достижения выбранной цели? Большая часть респондентов полагает, что лишь упорный труд и получение высшего образования позволят достичь мечты. Однако активисты наряду с этим в числе основных факторов называют совершенствование собственных знаний, а социально пассивные подростки — наличие нужных связей.

Распределение мнений социально активных подростков о факторах, способствующих достижению жизненных целей, в зависимости от их пола представлено на рис. 2.

Как видим, юноши-активисты проявляют большую прагматичность, нежели девушки. Ориентируясь на достижение успеха и признавая роль собственных усилий, они все же значительное внимание уделяют внешним благоприятным факторам (например, наличию нужных социальных контактов и связей). В то время как социально активные девушки демонстрируют большую готовность к получению высшего образования, к развитию своих талантов и способностей.

В ходе исследования респондентам с целью выявления их социальной информированности и гражданской ответственности был предложен список

актуальных социальных проблем, применявшийся научно-исследовательским центром «Регион» (Ульяновская область, 2005 г.). В целом по выборке у подростков, проживающих в г. Иванове, вызывают опасение проявления делинквентного, в том числе аддиктивного, поведения населения, распространение социальных заболеваний, а также проблемы, связанные с трудоустройством, организацией досуга и отдыха молодежи. В число наиболее острых проблем опрошенные активисты включили в основном те, которые имеют общественно значимый характер: распространение СПИДа, гепатита и других заболеваний (36,1 %), употребление наркотиков (35,1 %), рост преступности, числа уличных банд, группировок (34,1 %). Социально безынициативные респонденты актуальными проблемами считают трудности с устройством на работу (40,6 %), низкую зарплату, стипендию (35,8 %), недостаток культурно-развлекательных мероприятий и мест отдыха (34,9 %). Как видим, внимание инициативных подростков в большей степени сосредоточено на социальных болезнях, что во многом обусловлено их деятельностью в общественных объединениях, которая включает участие в реализации долгосрочных социальных проектов и в разовых социально направленных мероприятиях.

Рис. 2. Мнение активистов о факторах, определяющих достижение жизненных целей, в зависимости от пола, % (N₁ = 141 чел., N₂ = 64 чел.)

Выявлено различие в расстановке проблем у девушек и юношей. Девушки в большей степени акцентируют внимание на общесоциальных проблемах, юноши — на индивидуальных.

Младшие подростки считают актуальной проблему организации собственного досуга, поскольку посещение кафе, боулинг-центров, компьютерных клубов доступно только тем, кто имеет достаточное количество свободных денег. Социально пассивные подростки 15—17 лет всерьез размышляют о трудностях, связанных с устройством на работу, размере стипендии. Схожие проблемы волнуют активистов старше 18 лет, поскольку возникает необходимость самоопределения.

В ходе исследования изучено мнение подростков о том, какие из обозначенных ими социальных проблем могут быть решены в течение ближайшего года. В число таковых девушки включили проблемы обеспечения социальных гарантий (задержки денежных выплат и социальных пособий, недостаток мест в дошкольных учреждениях), а юноши — проблемы, обусловленные высокой учебной и производственной нагрузкой, наличием предвзятого отношения к молодежи со стороны старшего поколения. Практически неразрешимыми кажутся молодым людям проблемы, связанные с ростом преступности, распространением наркотиков, социальных болезней, проявлениями интолерантности и неуставных отношений в армии.

Кто же, по мнению подростков, в первую очередь несет ответственность за решение обозначенных проблем? В целом по выборке большинство подростков ответственность за происходящее в регионе склонны возлагать на органы власти, что может свидетельствовать как об авторитете представителей властных структур для молодежи, так и о некоторой инфантильности опрошенных. Установлено, что активисты проявляют большую требовательность и по отношению к родителям, руководителям учебных заведений и предприятий (работодателям). Можно предположить, что данное обстоятельство обусловлено осознанием ими необходимости комплексного подхода к решению проблем, при совместном участии представителей различных социальных институтов (семьи, школы, властных структур, НКО, СМИ и др.).

Большинство социально пассивных подростков не верят в то, что они способны хоть как-то самостоятельно повлиять на решение проблем организации собственного свободного времени, установления взаимопонимания со взрослыми людьми, участия в социально активной деятельности и др. Активисты в большей мере проявляют уверенность в том, что обозначенные проблемы можно решить либо самостоятельно, либо силами общественной организации. Особых различий в позициях юношей и девушек не обнаружено.

В ходе проведения исследования было уделено внимание изучению такого показателя, как самоидентификация подростков по признаку гражданственности, отношения к Родине, что во многом обуславливает их готовность к социальной активности. Респондентам были заданы вопросы о том, считают ли они себя патриотами своей страны, а также своего края — Ивановской области.

Выявлено, что подростки в большей мере ощущают себя патриотами страны (активисты — 86,8 %, социально пассивные подростки — 70,8 %), нежели Ивановской области (активисты — 83,9 %, социально пассивные подростки — 68,9 %). Можно предположить, что стереотипное восприятие могущественной сверхдержавы — России обуславливает обесценивание значения малой родины. Вместе с тем реальное участие в решении социальных проблем позволяет активистам в большей мере осознавать значимость родного края.

Выявлено, что чем старше респонденты, тем чаще они проявляют патриотические чувства по отношению к стране. При этом юноши в большей мере ощущают себя ее патриотами, а к малой родине юноши и девушки относятся одинаково.

Нам было важно понять не только, какая доля современных подростков готова назвать себя патриотами, но и какой смысл они вкладывают в это понятие. Как же соотносятся патриотические чувства подростков и их реальные

действия? С целью изучения представлений подростков о содержании понятия «патриотизм» использован список определений, применяемый в работах Е. Л. Омельченко.

Лидирующие позиции с большим отрывом заняли два определения — гордость за страну (40,5 % активистов, 43,2 % социально пассивных респондентов) и любовь к тому месту, где родился (35,6 % активистов, 45,1 % — пассивных подростков). По данным Е. Л. Омельченко, эти же определения оказались наиболее популярными у молодежи Ульяновской области.

Отмечены различия в представлениях о содержании понятия «патриотизм» у юношей и девушек (рис. 3).

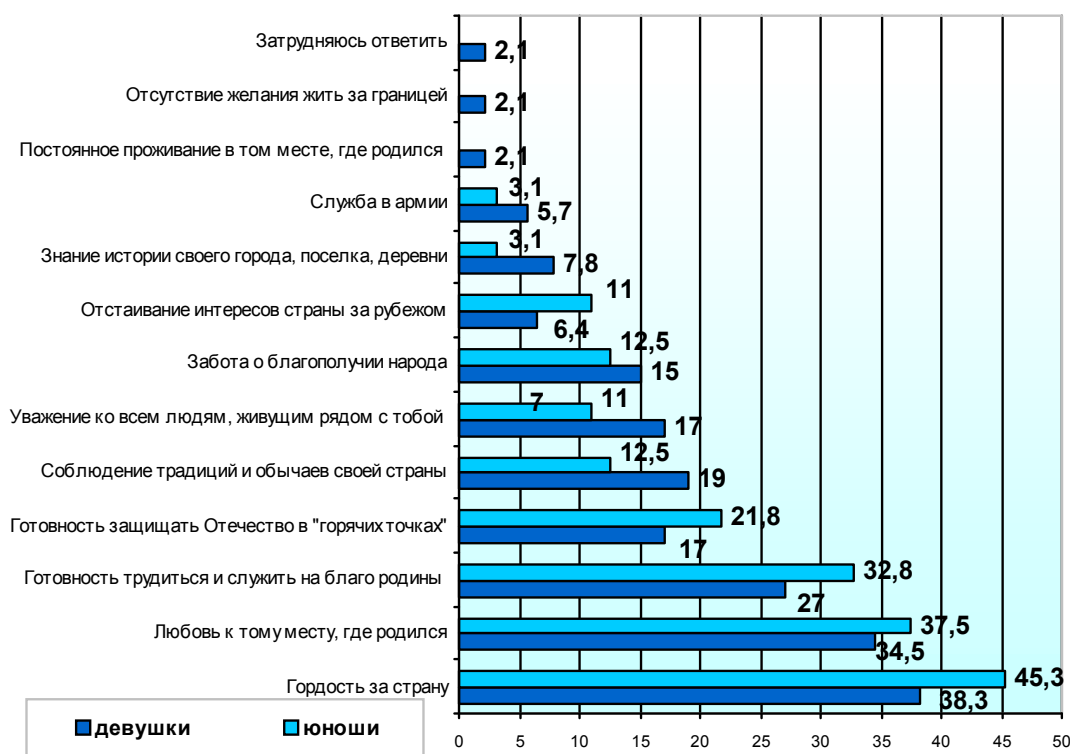

Рис. 3. Мнения активистов о содержании понятия «патриотизм» в зависимости от их пола, % (N₁ = 141 чел., N₂ = 64 чел.)

Юноши в большей мере готовы разделять «лозунговые» утверждения («гордость за страну», «служить на благо родины»), девушки чаще демонстрируют готовность практически доказывать преданность стране («соблюдать обычаи, традиции», «уважать окружающих», «заботиться о благополучии народа»). Интересен тот факт, что около четверти юношей (22 %) считают проявлением патриотизма защиту Отечества в «горячих точках», однако лишь 3 % выбрали определение «служба в армии».

По мере увеличения продолжительности общественной деятельности для опрошенных усиливается значение таких позиций, как «уважение ко всем людям, живущим рядом с тобой», «забота о благополучии народа», «знание истории своего города, поселка, деревни».

На основании проведенного исследования можно сделать ряд выводов.

1. У подростков, проживающих в г. Иванове, наибольшей популярностью пользуются объединения, реализующие гражданские инициативы (в них состоит около четверти опрошенных), объединения политического характера, а также органы ученического самоуправления. Причем девушки предпочитают принимать участие в работе добровольческих и творческих объединений, а юноши — военно-патриотических и политических.

2. Наиболее активными участниками общественной деятельности являются девушки 15—17 лет, менее 3 лет реализующие социальные инициативы в рамках деятельности многопрофильного общественного объединения либо органа ученического самоуправления.

3. Большая часть опрошенных активистов в рамках деятельности общественных объединений играют роль исполнителя, хорошо представляющего свои основные обязанности, способного четко работать в команде. Готовность к реализации лидерских способностей отмечена практически у всех активистов, вне зависимости от стажа их участия в общественной деятельности. Однако в дальнейшем юношам чаще удаётся реализовать себя в качестве полноправных представителей организации (формальный лидер, наделенный статусом руководителя, координатора и др.); большинство же девушек проявляют свои организаторские способности, являясь неформальными лидерами («хранитель традиций организации», «линейные лидеры» — педагоги, тренеры, советники и др.).

4. Участие в общественно полезной деятельности оказывает влияние на формирование ценностно-мотивационной сферы подростков.

Несмотря на существующее сходство в иерархии жизненных ценностей опрошенных, социально активные подростки придают большее значение уважению окружающих, душевному спокойствию. Для девушек особенно важна сфера межличностных отношений, а для юношей — наличие индивидуальных достижений.

Девушки проявляют большую готовность к длительному, напряженному труду ради достижения поставленной цели, причем социальная активность придает им решимость и уверенность в собственных силах. Юноши в большей мере стремятся к достижению внешних признаков успешности (полезные знакомства, руководящая должность).

5. Участники общественной деятельности, реализующие социально значимые инициативы, в большей мере осведомлены о специфике, причинах и последствиях проблем, существующих в обществе. Тогда как социально пассивные подростки склонны отмечать остроту прежде всего индивидуально значимых проблем. Социальная активность способствует расширению знаний о той специфической социальной действительности, в рамках которой личность реализует практическую деятельность, осуществляет социальные контакты. Активисты полагают, что острые социальные проблемы должны решаться комплексно, при участии представителей всех социальных институтов. Принимая личное участие в решении социальных проблем своего города, молодые люди осознают собственный вклад в это дело, начинают больше ценить свою малую родину.

Таким образом, участие в общественной деятельности способствует не только повышению социальной информированности подростков, но и разви-

тию у них самостоятельности, уверенности в себе, готовности к саморазвитию и участию в решении актуальных проблем общества, что может рассматриваться в качестве критериев успешной социализации.

Целесообразно обозначить ряд условий, способствующих повышению эффективности социализации подростков, участвующих в реализации социально полезных инициатив.

1. Государство должно принять необходимые меры, направленные на поддержку детского и молодежного движения, причем в большей мере содействие должно оказываться тем общественным объединениям, которые занимаются реализацией социально значимых инициатив.

2. Поскольку подавляющее большинство участников общественных объединений — девушки, формальными лидерами объединений чаще всего становятся юноши. Большое же трудолюбие и готовность к проявлению ответственности демонстрируют девушки, однако в дальнейшем они реже занимают руководящие должности в административно-управленческой сфере. В связи с этим руководителям общественных объединений необходимо уделять особое внимание созданию условий для реализации их лидерского потенциала и организаторских способностей.

3. В условиях становления гражданского общества важное значение приобретает осуществление социального контроля деятельности разнообразных общественных объединений, поскольку лидеры некоторых политических, экстремистских организаций заинтересованы в расширении сферы деятельности за счет привлечения молодых людей.

Изучение гендерных аспектов социализации подростков, участвующих в общественно полезной деятельности, а также учет их особенностей в организации воспитательного процесса будут способствовать повышению роли девушек и женщин в социально-экономической и политической жизнедеятельности страны.

Библиографический список

1. Бодренкова Г. П. Добровольчество // Социальная работа : науч.-попул. журн. М., 2006. № 1.
2. Требуются волонтеры : интервью с Г. П. Бодренковой (радиопередача от 07.08.2007). URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/figure/53851/>
3. Что представляет наибольшую ценность для Россиян? URL: <http://www.manager.ru/catalogues/advertising/research/romir/9910/9910zenl.htm>

ПЕРЕВОДЫ: СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

П. А. Сорокин

ПУТИ И ВЛАСТЬ ЛЮБВИ

Глава 11¹

Факторы ранней интеграции удачливых альтруистов²

II

Известные, подтвержденные и поддающиеся проверке факторы

А. Семья

Из всех известных факторов семья — самый важный фактор в определении свойств людей и групп, включая комплекс успешности³. Эта идея была полностью понята уже Конфуцием и ясно сформулирована в его теории сыновнего благочестия.

Сыновнее благочестие — корень всего достоинства и стебель, из которого растет вся мораль. Наши тела... даны нам от наших родителей, и мы не должны вредить своим телам: это — начало сыновнего благочестия. Когда мы утверждаем наш характер с помощью практики сыновнего благочестия, чтобы сделать

¹ Перевод части II главы 11 работы П. Сорокина «Пути и власть любви» сделан О. В. Павенковым по изданию: *Sorokin P. The Ways and Power of Love*. Chicago: Beacon press, 1967. P. 192—200.

² В главе девятой данной книги, которая называется «Три типа альтруистов и три направления альтруистического роста», П. А. Сорокин выделяет три типа альтруистов: удачливые альтруисты, поздние альтруисты и некий переходный тип между первыми двумя. Описание характерных черт, присущих первому типу, выглядит следующим образом: «Некоторые выдающиеся альтруисты показывают себя альтруистами с самых ранних лет жизни. Или через удачное рождение и социализацию в хорошей семье, или через другие условия, благоприятные для альтруистического развития, такие альтруисты идентифицируют себя со сверхсознательным с их самого раннего возраста. Их эго, система ценностей и членство в группе соответствуют этой самоидентификации и не нуждаются ни в каком принципиальном изменении, но только в совершенствовании и развитии альтруизма. Такие люди, любвеобильные и дружелюбные с детства, со временем растут в их любви и альтруистическом поведении без какого-либо катастрофического или принципиального изменения в их эго, ценностях или членстве в группе. И таким образом они живут до смерти. Их можно назвать “удачливыми альтруистами”» (*The Ways and Power of Love*. P. 147). *Примеч. пер.*

³ Сорокин вводит новый термин «lucky package», под которым он понимает оптимальную систему норм и ценностей удачливых альтруистов. *Примеч. пер.*

себе имя, известное для будущих поколений, таким образом мы прославляем наших родителей: это — конец сыновнего благочестия. Оно начинается со служения родителям; оно переходит к служению правителю; оно заканчивается утверждением характера... Тот, кто любит своих родителей, не посмеет допустить, чтобы его возненавидел какой-либо человек... Чтобы учить людей, чтобы быть нежным и любвеобильным, нет ничего лучше, чем сыновнее благочестие... Любовь и почтение к родителям, когда они еще живы, и горе по ним, когда они умерли, полностью погашают фундаментальный долг живущих людей... Посредством практики сыновнего благочестия люди живут в мире и гармонии без какой-либо неприязни между старшими и младшими [1].

Впоследствии легион социальных мыслителей указал на решающую роль семьи в формировании биологических, умственных, моральных и социальных свойств ее потомства, определил причины и пути такого решающего влияния и выяснил, какая семья оказывает положительное влияние и какая — негативное. Главные причины такой роли заключаются в большом количестве связей в семье и чрезвычайно жизненных биосоциальных и культурных функциях, которые она выполняет. В социально санкционированном союзе мужа (мужей) и жены (жен), родителей и детей, родственников члены семьи обычно связаны множеством самых сильных психосоциальных связей, устанавливаемых посредством удовлетворения жизненно важных потребностей: а) сексуальной; б) продолжения рода; в) непрерывности воспроизводства расы; г) заботы о младенцах и детях в течении многих лет их беспомощности и неспособности выживать; д) обеспечения средств пропитания для членов семьи; е) социализации, аккультурации и образования младшего поколения через лингвистическое, религиозное, моральное, профессиональное, поведенческое и другое обучение, чтобы подготовить его для взрослой жизни (в этом отношении семья является самой важной школой для морального и альтруистического формирования ее молодых членов); ж) защиты жизни, целостности и ценностей членов семьи от всех врагов и опасностей; з) уменьшения психосоциальной изоляции; и) достижения счастья и содействия творческому развитию.

Важная роль этих связей и функций семьи укрепляется фактом, что семья является первой социальной группой, в которую входит новорожденный ребенок. Он остается под монопольным влиянием семьи в течение первых лет его жизни, когда организм пластичен и гибок и когда каждое воздействие оставляет в нем длительный след. Начиная с рождения и в течение первых нескольких лет их жизни семья непрерывно контролирует и формирует, подобно скульптору, её членов с помощью предписаний и примера, убеждения и предложения, принуждения и наказания и особенно — в хороших семьях — обильной любви. Она формирует большинство умственных, моральных и социальных особенностей индивидуальности. Даже теперь, когда семья заметно ослабилась в большинстве урбанизированных и промышленно развитых стран, она все еще остается самым важным учреждением в отношении социокультурного и психологического формирования детей. Даже в таких странах дети принимают а) профессию их родителей в более высокой пропорции, чем любую другую профессию; б) религию родителей приблизительно в 70—90 % случаев;

в) моральные идеи, стандарты, нравы и манеры родителей больше, чем из любой другой группы [2].

Семья влияет не только на ее членов, но и вместе с тем фактически на все человечество, потому что по крайней мере 95 % людей рождаются в том или ином виде семьи и проходят через решающее влияние ее в течение начального этапа их жизни. По всем этим причинам есть много правды в утверждении, что «какова семья, таково должно быть и общество».

Безусловно, в таком виде это утверждение является односторонним, поскольку как семья существенно обуславливает другие группы, так и они оказывают обратное влияние на семью. Однако существенно точно утверждение, согласно которому структура семьи по существу определяет все важные группы и институты общества. Этот факт хорошо продемонстрирован, в частности, Конфуцием, а также Ф. Ле Пле и его последователями в настоящее время. Они показали, что в популяции с *доминирующим патриархальным типом семьи* другие группы и институты и вся социокультурная жизнь принимает патриархальный характер. Сопутствующими этому обстоятельствами являются приобщение человека к семейному «мы»; доминирование фамилистических и патерналистских отношений в государстве и других группах, стабильность и консерватизм индивидуальности и поведения людей, контролирующая сила традиции в отличие от современной моды; недостаточность научных и технологических изобретений и медленный темп социокультурных изменений. Причина может быть найдена в характере обучения, которое молодое поколение получает в патриархальной семье. В населении с *доминирующим типом партикуляристской семьи*, согласно Ле Пле, учреждения и группы, способы размышления и действия пронизывает дух индивидуализма. Преобладающие особенности, характерные для этого типа, суть следующие: развитие уверенности в своих силах, инициативы, энергии и креативности; дух инновации, а не традиции; разнообразие научных, технологических и других изобретений и открытий; быстрый темп прогресса; контроль государства и правительства над общественным мнением и так далее. Опять же объяснение состоит в том, что партикуляристская семья формирует молодое поколение согласно этим паттернам.

Наконец, народ, в котором преобладает *неустойчивый тип семьи*, не обучает новое поколение ни уважению к власти, ни независимости. Такой тип семьи развивает надежду людей не на устойчивую патриархальную семью, не на себя, но прежде всего на государство. Её члены готовятся семьей для занятия позиции в бюрократической (военной и гражданской) иерархии государства. Следовательно, такие общества отмечены централизованной бюрократией, которая регулирует и управляет большинством социальных отношений; слабо-развитым общественным мнением; отсутствием традиционализма и рационального модернизма патриархального и партикуляристского типов общества соответственно; общей неустойчивостью, ознаменованной непоследовательными, противоречивыми и часто иррациональными изменениями, иногда взрывчатого характера [3].

Таковы основные типы семьи и соответствующие им национальные типы, согласно Ле Пле и его школе. Несмотря на некоторую односторонность их тезисов, они достаточно обоснованы.

Формируя большинство интеллектуальных, социальных и культурных черт личности, семья действительно определяет также *моральные* свойства человека, такие как наличие или отсутствие «комплекса успешности» удачливого альтруиста. Это влияние семьи может быть суммировано в следующих двух утверждениях.

Утверждение один. Как правило, семьи с превалирующими негармоничными взаимоотношениями между их членами, особенно между мужем и женой, где недавно рожденный ребенок не приветствуется, где он лишен энергии любви и с его ранних дней вдыхает ядовитый воздух разногласия и вражды в отношениях членов семьи к себе и друг к другу; где нет ни высоких ценностей, проповедуемых и применяемых, ни мудрой и любящей дисциплины, объединенной с творческой свободой, — такие семьи имеют тенденцию производить нравственно непредсказуемых людей, почти неспособных к самоконтролю, эгоистично безответственных, невнимательных к интересам и благосостоянию других и часто становящихся преступниками.

Утверждение два. Семьи с рядом высоких ценностей, проповедуемых и реализуемых их членами, где гармония преобладает в их отношениях друг к другу и к миру в целом, где интенсивная и особенно мудрая или адекватная любовь полностью пронизывает жизнь семьи, где ребенок в предродовый и послеродовый период жизни приветствуется и благословляется обильной и мудрой любовью, — такие семьи имеют тенденцию производить хорошо дисциплинированных людей с добрым и счастливым характером, являющихся потенциальными обладателями «комплекса успешности» альтруистов.

Верность первого суждения установлена огромным числом существующих исследований факторов преступности и проступков. Все существенные исследования показывают, что 1) неблагополучные и распавшиеся семьи производят намного более высокий процент преступников, чем гармоничные и сильные семьи; 2) больше детей, отклоненных их родителями и другими членами семьи, или детей, лишенных благоволения любви в их раннем возрасте, стали деморализованными, делинквентными, чем детей, благословляемых любовью; 3) неблагополучные семьи «производят» человеческие существа, враждебные к другим людям и к миру в целом в более высокой пропорции, чем гармоничные семьи, живущие в «климате любви»; 4) все это означает, что деморализованные, плохо интегрированные, неблагополучные семьи производят низкий процент потенциальных удачливых альтруистов и чрезвычайно высокий процент эгоцентричных, вздорных, нервных, деморализованных и делинквентных людей; 5) во всем этом «производстве» семейное влияние является намного больше мощным, чем влияние любого другого учреждения.

Из огромного корпуса данных и доказательств только несколько наиболее иллюстративных материалов, взятых из недавних исследований, может быть упомянуто здесь. Большую часть доказательств можно отыскать в этих исследованиях и в обширной литературе, приведенной в них.

В исследовании Глукса 24,7 % делинквентных семей характеризуются отсутствием «когезионной способности» (или солидарности), в то время как среди семей с неделинквентным контролем таковых только 0,8 %; семьи с отмеченной когезионной способностью составляют 16,0 % делинквентных семей, в то время как среди неделинквентных семей 61,8 % обладают такой способностью [4]. Точно так же семьи делинквентов по сравнению с неделинквентной контрольной группой хуже в отдыхе, в родительском надзоре, в поведении родителей дома, в супружеских отношениях родителей, в чувстве собственного достоинства и во многих других культурных, умственных, моральных и экономических условиях. Различие между семьями тем более существенно, поскольку контрольная группа подобна группе делинквентной во всех важных отношениях: возраст, пол, экономический уровень, соседство, этническое самоопределение, IQ и другие условия [5].

В исследовании Шилдера от 40 до 70 % преступников вышли из распавшихся семей, в то время как только 25 % не преступников вышли из такого рода семей [6].

В исследовании Берта отношение распавшихся семей среди преступников и не преступников было 131,3 к 35; 79 % преступников воспитывались в семьях с плохой дисциплиной по сравнению с 11,5 % не преступников [7].

В недавнем исследовании В. Уоррена из 548 детей в больнице Маудсли в Лондоне 90 детей-преступников и 70 детей с невротическими расстройствами — не преступников были отобраны для специального изучения. Результаты показали, что провинившиеся дети приехали из семей значительно более худших, чем дети-невротики. В группе преступников было намного больше случаев эпилепсии и психопатии среди их родителей и родных братьев и сестер, чем в невротической группе. Группа преступников демонстрировала намного более высокий процент людей с плохими соседями и приятелями, чем невротическая группа. Намного больше детей-преступников страдало от нехватки родительской заботы, от враждебности со стороны обоих родителей и тому подобного, чем детей с невротическими расстройствами. Кроме того, дом и семья провинившихся детей были более противоречивыми и деморализованными, чем семьи невротиков [8].

Из отобранных 300 преступников и 300 не преступников в калифорнийском исследовании 50,7 % преступников вышли из распавшихся семей и 49,3 % жили с родителями, в то время как среди не преступников только 26,7 % имели распавшиеся семьи и 73,3 % жили с родителями. По сравнению с неделинквентными детьми намного более высокий процент преступников был плохо приспособлен, не любил дом или живущих в нем, ненавидел родителей, имел плохую дисциплину и демонстрировал другие изъязны их семьи и дома [9].

Исследование Н. Витмера показало, что в клинических случаях у детей, страдающих от чрезвычайной нехватки родительской привязанности к ним, не было улучшения состояния в 64 % случаев в отличие от 97 % случаев полного улучшения состояния у детей, благословляемых нормальным, нежным отношением родителей и членов их семей [10].

Исследование Р. Виерса дало следующие коэффициенты корреляции: 0,77 между разводом (в семье) и проступками детей; 0,77 между родительским пренебрежением к детям и их проступками; 0,76 между занятостью матери (ее отсутствием дома в рабочие часы) и проступками [11]⁴.

Большое количество других исследований дает подобные результаты. Полный комплекс существующих доказательств едва ли оставляет сомнения в том, что противоречивая, беспорядочная, деморализованная, распавшаяся семья, отвергающая детей и лишаящая их родительской заботливой любви, — возможно, главный производитель эгоистичных, неорганизованных, развращенных и преступных людей. Многие другие институты участвуют в этом «производстве пороков», но сравнительно с плохой семьей роль каждого из них куда более скромная.

Эти заключения доказаны корпусом данных, показывающим наличие тесной взаимосвязи между хорошей семьей и высоким качеством человеческого материала, произведенного ею для человеческой вселенной. Полный комплекс доказательств здесь не столь обширен, как в случае с распавшимися семьями и проступками, однако существующие исследования однозначно показывают причинную связь между хорошей семьей и хорошим человеческим материалом, сформированным ею.

Из 484 студентов Гарварда и Рэдклифа, которые описывают их детство как счастливое, 72,8 % приписывают это счастье семье: любовь родителей и их забота, любящие и любимые братья и сестры, гармоничная семейная организация. То же самое исследование раскрыло, что из студентов, которые имели счастливое детство, 67 % рассматривает мировую и человеческую природу аффилиативно и доброжелательно, в то время как только 50 % студентов, которые имели несчастное детство, преимущественно в распавшихся семьях, имеют аффилиативное отношение к ближним [12].

Недавнее исследование приблизительно 500 членов общества «Американских хороших соседей» — людей, бескорыстие которых выше среднего уровня, — показывает, что 70,6 % из них имели очень счастливое и 18 % — довольно счастливое детство, благодаря, главным образом, «пониманию и любви родителей» (42 % причин), «любви и уважению в доме» (32 %), тому, что они «были заняты полезной и интересной деятельностью в семье» (14 %). Только 6 и 17 % (в двух группах) упоминают несовместимость между их родителями, и 0 % в одной группе и 7 % в другой сообщают о небольших проступках и правонарушениях в их семьях.

То же исследование раскрыло, что подавляющее большинство «хороших соседей» со счастливым детством шло по жизненному пути удачливых альтруистов, в то время как большинство «хороших соседей» с несчастным детством шло по жизненному пути поздних альтруистов с поворотным моментом «прежде и после преобразования». Бесплезно добавлять, что фактически все «хорошие соседи» со счастливым детством имеют самое дружественное отношение к социальной реальности и миру в целом [13].

⁴ Как известно, если коэффициент корреляции колеблется от 0,5 до 0,8, это говорит о тесной связи между явлениями. *Примеч. пер.*

Подобно их родительским семьям, семьи «хороших соседей» сами «хорошо интегрированы и функционируют гармонично». Только одна семья (из 500) сообщает о преступлении, совершенном ее потомством.

Исследование всех христианских католических и русских православных святых показывает, что приблизительно 70 % из них принадлежат к типу удачливых альтруистов. Они родились в гармоничных семьях и были поощряемы своими семьями в действиях, которые в конечном счете привели их к святости⁵.

Мои исследования показывают, что *семья все еще остается самым эффективным учреждением по привитию личных глубоких привязанностей и любви к её членам*. Никакое другое учреждение или фактор не могут конкурировать с семьей в этом «производстве интенсивной любви и привязанности одного индивида к другому». *Члены семьи — все еще самые дорогие люди в целом мире*. Студентов Гарварда и Рэдклифа попросили определить десять самых дорогих им людей в целом мире в порядке уменьшения. Были получены следующие результаты: 1) мать (51 %); 2) отец (43 %); 3) родной брат или сестра (45 %); 4) второй родной брат или сестра (32 %); 5—10-е места — другие родственники и друзья семьи [14].

Подобно этому, для «Американских хороших соседей» среди «двенадцати самых дорогих людей в мире» первые шесть мест занимают родственники. Только начиная с седьмого места самые дорогие неродственники начинают превалировать (главным образом потому, что шесть человек исчерпывают членов семьи). Из наиболее глубоко любимых людей в этой группе первое место заняли супруг (супруга) (40,3 %), родитель (20,9 %) и ребенок (11,4 %); второе место заняли ребенок (39,7 %), родитель (17,5 %) и супруг (супруга) (6,3 %) и так далее [15]. Из 358 самых любимых людей, названных детьми до пяти лет, 285 были членами их семей; 73 относились к другим людям [16].

Таким образом, несмотря на известный распад семьи в Соединенных Штатах и других промышленно развитых странах, семья все еще намного более эффективный «производитель» интенсивной, самой длительной, самой чистой и, возможно, самой адекватной любви к одному или нескольким людям, чем любая другая социальная группа или фактор. В этом заключается глубокое значение приведенных данных.

Несколько других исследований раскрывают общее положение, что хорошее влияние на молодое поколение хорошей семьи не менее мощное, чем плохое влияние плохой семьи, и что положительное влияние семьи — все еще самое мощное среди положительных влияний всех других учреждений. Например, нравственные представления детей показывают намного большую схожесть с моральными ценностями их родителей, чем с таковыми других людей.

⁵ П. А. Сорокин в главе 9, которая называется «Три типа альтруистов и три направления альтруистического роста», приводит несколько биографических примеров того, как семья прямо или косвенно способствует тому, что человек становится христианским святым, в частности истории жизни Антония Великого, Серафима Саровского, св. Тихона Задонского. *Примеч. пер.*

В исследовании Хартсхорна, Мэя и Шуттлворта корреляция

между моральными ценностями детей и их родителей	=	0,545
и их друзей		0,353
и лидеров клубов		0,137
и школьных учителей		0,060
и преподавателей воскресной школы		0,002

Таким образом, главным источником детского знания о том, что хорошо и плохо, все еще остается их дом и семья [17].

Исследование В. Ландена в области правовых норм показало, что студенты из хороших семей лучше успевают, чем студенты из распавшихся семей. Исследование Г. Оллпорта о факторах религиозности среди студентов Гарварда и Рэдклифа показывает, что религиозные взгляды родителей они упоминают в 67 % случаев, в то время как все другие факторы имеют более низкий процент упоминания [18].

Исследование Хавидхарста и Таба [19] раскрыло аналогичную корреляцию между хорошими семейными отношениями и характером детей различных возрастов.

Корреляция для возрастных групп

Характерная черта	10 лет	13 лет	16 лет
Честность	0,65	0,40	0,24
Решительность	0,51	0,22	0,25
Дружелюбие	0,71	0,35	0,24
Лояльность	0,69	0,36	0,24
Ответственность	0,79	0,43	0,34

Чем более гармоничной является семья, тем лучшей будет моральная репутация ребенка и его поведение. С годами влияние родительской семьи имеет естественную тенденцию к ослаблению.

Значительное число других исследований хорошо подтверждает наше Утверждение два.

Дальнейшее подтверждение обоих суждений дается педиатрическими, психологическими и психиатрическими исследованиями физического и умственного состояния детей и их агрессивных или аффилиативных тенденций. Почти единодушно эти исследования показывают, что, во-первых, *любовь, и особенно материнская любовь и природная или воссозданная в приемной семье материнская забота — необходимое условие для благосостояния младенца и его нормального роста*; во вторых, что у «отверженных» детей, лишенных счастья любви, чаще развивается беспокойство, умственная неполноценность, агрессивность и деформации личности, чем у детей, благословляемых мудрой и теплой любовью; и, в-третьих, что *правильно любимые младенцы более часто, когда достигают взрослого состояния, становятся людьми с добрыми и дружественными намерениями, чем дети, «уморенные любовью».*

Исследования причин истощения или увядания младенцев, особенно в зажиточных домах и больницах, где они имели всё для удовлетворения их потребностей, показывают, что один из главных факторов истощения — нехватка любви матери или любви вообще. Следовательно, лечение этой болезни сводится к предоставлению им или естественной, или искусственно воссозданной материнской заботы [20].

Нехватка теплой материнской любви — грудного вскармливания, нежности матери и т. д. — является одним из важных факторов «асоциального поведения, агрессивности, нехватки образцов для того, чтобы давать и получать любовь, неспособности понимать и принимать ограничения, неспособности адаптироваться к окружающей среде», которые часто характеризуют людей, выросших в интернатах с их «холодным симулякром любви» [21].

Ряд серьезных исследований показывает далее, что у таких нелюбимых детей развивается агрессивность, враждебность и другие психические и моральные проблемы намного чаще, чем у любимых детей, выращенных любящей семьей. Иногда, когда детей внезапно разлучают с родителями, как было в Англии во время бомбежек Второй мировой войны, вред от такой внезапной эвакуации среди ночи от разбомбленных зданий оказался более значительным, чем от самой страшной бомбежки. Из эвакуированных детей у 61 % были признаки стресса сроком от трех недель до двух месяцев, но большинство оправилось за это время от шока, вызванного воздушным налетом. Стресс от разлуки с родителями был больше и оказал более пагубное воздействие, особенно на психическое здоровье детей.

В настоящее время почти все направления психиатрии, психологии и педиатрии единодушно подтверждают наличие тесной связи между неблагополучной семьей и агрессивным типом личности.

Эти свидетельства находятся в существенном согласии с другими доказательствами, приведенными здесь.

На основе всех существующих доказательств мы должны сделать вывод, что *самый важный фактор «комплекса успешности» удачливых альтруистов — это хорошая семья*, как было определено в Утверждении два. Хотя в большинстве индустриальных, урбанизированных развитых стран превалируют несколько ослабленные и деморализованные семьи, хотя количество и качество любви в таких семьях, кажется, ощутимо ниже, однако все еще есть значительное количество хороших семей. Наряду с «порядочными» семьями, хорошие семьи позволяют семье оставаться самым мощным институтом творческой альтруизации её членов и, благодаря этому, всего человечества. Среди существующих социальных и общественных институтов нет ни одного, который мог бы конкурировать с семьей в этом отношении. Даже школа и церковь, профессиональная группа и сообщество соседей, государство и другие институты меньше влияют в этом отношении, чем семья. В этом состоит главный секрет «комплекса успешности» удачливых альтруистов.

Перевод с английского О. В. Павенкова

Примечания

1. The Hsiao King or Classic of Filial Piety : Sacred Books of the East. Oxford, 1879. Vol. 3. P. 466—488.
2. См.: *Sorokin P.* Social Mobility. New York, 1927. Ch. 17—18; *Hartshorne H., May M.* Testing the Knowledge of Right and Wrong // Religious Education. Vol. 21 (1926). P. 545. См. также: *Sorokin P., Zimmerman C., Galpm J.* Source Book in Rural Sociology. Minneapolis, 1919. Vol. 2, Ch. 10; *Zimmerman C. C.* The Family and Civilization. New York, 1947.
3. Подробнее см.: *Sorokin P.* Contemporary Sociological Theories. Ch. 2.
4. *Glueck S. and E.* Unraveling juvenile Delinquency. New York, 1950. P. 115.
5. Ibid., ch. 4, 8, 9, 10, 11. См. также: *Glueck S. S.* 1000 Juvenile Delinquents. New York, 1934; *Glueck S. and E.* 500 Delinquent Women. New York, 1934; *Glueck S. and E.* Juvenile Delinquents Grown Up. Boston, 1940.
6. *Shilder E.* Family Disintegration and the Boy Delinquent // Journal of Criminal Law and Criminology. 1918. № 8. P. 709—732.
7. *Burt C.* The Young Delinquent. London, 1925.
8. *Warren W.* Conduct Disorders in Children Aged Five to Fifteen Years // The British Journal of Delinquency. 1951. № 1. P. 164—186.
9. *Merrill M.* Problems of Child Delinquency. New York, 1947.
10. *Witmer H. and Students.* The Outcome of Treatment in a Child Guidance, Clinic // Smith College Studies in Social Work. Vol. 3 (1933). P. 370.
11. *Wiers P.* Economic Factors in Michigan Delinquency. New York, 1944. P. 31—36, 52 ff.
12. См.: *Healy W., Bronner A.* New Light on Delinquency. New Haven, 1936; *Shulman H.* The Family and Juvenile Delinquency // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1949. № 261. P. 21—31; *Hartshorne H., May M. A.* Studies in Deceit. New York, 1928; Studies in Service and Self-Control. New York, 1929; *Breckinridge S., Abbott G.* The Delinquent Child and the Home. New York, 1911.
13. *Sorokin P.* Affiliative and Hostile Tendencies of College Students // Explorations in Altruistic Love and Behavior. Boston, 1950. P. 264—266, 271. Cf. *Wall W. D.* Happiness and Unhappiness in the Childhood and Adolescence // British Journal of Psychology. 1948. № 38. P. 191—208.
14. *Sorokin P.* Altruistic Love. Boston, 1950. P. 25—28, 30—32.
15. Ibid. P. 136—137, 245; Explorations... P. 277—278. Так как большинство студентов не состоят в браке, они, естественно, не упоминают супруга (супругу) или ребенка. Те, кто женаты, часто помещают супруга (супругу) или ребенка на первое и второе место среди самых дорогих.
16. *Sorokin P.* Altruistic Love. P. 70 ff.
17. *Boeck W.* Das Mitleid bei Kindern. Giessen, 1909.
18. *Hartshorne H. May M. A. Shutcleworth F. K.* Studies in the Nature of Character. New York, 1930. P. 98—99.
19. *Lunden W.* Socio-Legal Norms of Delinquents and Non-Delinquents // Forms and Techniques of Altruistic and Spiritual Growth : A Symposium / Ed. by P. Sorokin. Boston, 1954.; *Allport G.* The Individual and His Religion. New York, 1950. P. 39.
20. *Havighurst R. J., Taba H.* Adolescent Character and Personality. New York, 1949. P. 190, 233.
21. См.: *Bakwin R. M., Bakwin H.* Psychologic Care During Infancy and Childhood. New York, 1942. P. 295 ff.; *Ribble M.* The Rights of Infants. New York, 1943. P. 4—7.

Аннотации

Пушкарёва Н. Л. «Жену с почину берут»? Устыдительные наказания девушек в традиционной русской культуре XIX в.

Рассмотрены позорящие наказания как явление традиционной культуры, подтверждавшее и закреплявшее гендерную асимметрию (наказания девушек за несохранение целомудренности до брака, бытовавшие в XIX в.). На огромном архивном и опубликованном этнографическом материале из разных регионов Российской империи автор проследживает динамику отмирания этого типа наказаний и доказывает, что он никогда не был гендерно-нейтральным, всегда ставил задачей подавление самостоятельности и подтверждение несамостоятельности женской личности, причинение девушке нравственного страдания и устрашение *других* во имя сохранения гендерных иерархий.

Ключевые слова: этнография русской семьи, гендерная этнология, история русских женщин, история права, обычное право, позорящие (устыдительные) наказания.

Кашина М. А. Женщины на российской государственной гражданской службе: феминизация и воспроизводство гендерной пирамиды

Рассматривается гендерная сегрегация (вертикальная и горизонтальная) в такой сфере занятости, как российская государственная гражданская служба. Используя материалы официальной статистики и эмпирического социологического исследования, автор предлагает свое видение процесса воспроизводства гендерной пирамиды на гражданской службе. Второй аспект анализа — феминизация данной сферы занятости (среди гражданских служащих женщин 70 %). По мнению автора, главные причины этого процесса — нарастание социальных задач современного государства; патриархатные гендерные стереотипы, закрепляющие за женщинами функции обслуживания, защиты и помощи; государственные гарантии на гражданской службе, позволяющие российским женщинам совмещать материнство и оплачиваемую занятость.

Ключевые слова: гендерная сегрегация рынка труда, гендерные стереотипы, государственные гарантии на гражданской службе, гражданская служба, должностная карьера, должность гражданской службы, рутинизация, социальное государство, социологическое исследование, феминизация.

Орешенкова Н. Э. Роль некоммерческих организаций в повышении общественно-политической активности женщин

Некоммерческие организации являются важным звеном включения женщин в политические, экономические и общественные структуры современного российского общества. В статье анализируется социально-экономическое положение женщин в современной России и степень их включенности в третий сектор. На основании проведенного автором экспертного опроса женщин — руководителей и членов НКО, представителей иных структур, взаимодействующих с НКО, анализируется деятельность некоммерческих организаций, позиционирующих себя как женские, рассматривается их конкретная работа с целевыми группами, успешно осуществленные проекты и т. д.

Ключевые слова: НКО, третий сектор, гражданское общество, женские некоммерческие организации, гендерная асимметрия, гендерное равенство, социальная защита, целевая группа.

Нилов В. М. Гендерные аспекты социологии здоровья

Рассматривается новое направление в социологии здоровья, реализующее гендерный подход и использующее методику гендерного анализа. Автор описывает современную ситуацию в российской гендерной социологии здоровья, показывает направления и результаты исследований, а также ставит задачи дальнейшего развития теории и методов гендерного анализа в социологии здоровья.

Ключевые слова: гендер, гендерный подход, гендерный анализ, социология здоровья.

Васильченко Э. А. Социальное самочувствие и ценностные ориентации дальневосточных женщин: десять лет спустя

Сравниваются результаты исследования социального самочувствия и ценностных ориентаций дальневосточных женщин, проведенного в 2008 году, с результатами аналогичного исследования десятилетней давности. Выявлены изменения в социальном самочувствии женщин в контексте меняющейся экономической и социально-политической ситуации в стране. Отражена определенная региональная специфика адаптационных процессов на примере города Комсомольска-на-Амуре.

Ключевые слова: мониторинговое исследование, социальное самочувствие, ценностные ориентации, жизненная стратегия, респонденты.

Бровский П. А. Проблемы социальной адаптации осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы: гендерный аспект

Статья посвящена анализу проблем, с которыми сталкиваются осужденные при освобождении из исправительного учреждения. В разрезе гендерных противоречий рассматриваются вопросы подготовки к освобождению, основные трудности, с которыми встретятся осужденные, оценивается степень их готовности к жизни на свободе. Делается попытка определить основные группы осужденных в зависимости от степени адаптивности, а также приводятся рекомендации по воздействию на указанные группы с целью упрощения процесса социальной адаптации осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы.

Ключевые слова: осужденный, социальная адаптация, степень адаптированности.

Птицына Н. А., Крохина Е. А. Гендерные аспекты социализации подростков, участвующих в общественно полезной деятельности

На основе данных социологического исследования рассматриваются гендерные особенности участников общественной деятельности. Выявляются предпосылки и условия, способствующие успешной социализации юношей и девушек, реализующих социально полезные инициативы.

Ключевые слова: общественная деятельность, социализация, гендерные особенности.

Summaries

***Pushkarjova N. L.* «The wife is taken for a start?» Disgracing punishments for girls in traditional Russian culture of the XIX century**

The most obvious inequality between men and women in Russian traditional culture can be seen in the systematic discrimination and subordination of unmarried girls and married women in practices of disgracing (shaming or opprobrious) punishments for them. Shame was the most painful emotion in the Russian culture that had solid ties with its other special features as communitarianism, Orthodox basis etc. Comparing the documents of different Russian regions, one can expertise the practices of using shame as punishment, showing how ethnic culture, class (especially peasants), and gender intersected and helped to determine the experiences of those who were either recipients of punishment (women), or who determined the nature of punishment in the country (in the 19th c. — men only). There is analysis of who becomes a target of punishment and how gender, ethnic culture and class shape the views and objectives of administrators and the perceived suitability of certain interventions.

Key words: shame, honour, traditional culture, law, disgracing punishments

***Kashina M. A.* Women in Russian Civil Service: feminization and reproduction of gender pyramid**

In this article the gender vertical and horizontal segregation in Russian Civil Service is considered. The author uses the statistical and sociological data to analyze gender inequality and its reasons in the authorities. Second item of this material is the feminization of Russian Civil Service. The gender proportion seems to be very stable in Russian Civil Service: 70 % women, 30 % men. The main reasons of this process, as author supposes, are gender stereotypes, increasing social functions of the state and the specific social-law status of civil employees.

Key words: gender segregation in the labor market, gender stereotypes, state guarantees for civil service, civil service, official career, civil service position, routinization, social welfare state, social research, feminization.

***Oreshenkova N. E.* The role of noncommercial organizations (NCO's) in raising of social and political activity of women**

The noncommercial organizations are the important part of inclusion of women in political, economic and public structures of a modern Russian society. In this article is analyzed social and economic status of women in modern Russia and their inclusion in the third sector. On the basis of the expert interrogation of women (heads and members NCO, representatives of other structures cooperating with NCO) which the author carried out the activity of the female noncommercial organizations is analyzed.

Key words: noncommercial organization(s), the third sector, a civil society, the female noncommercial organizations, gender asymmetry, gender equality, social protection, target group.

Nilov V. M. Gender aspects of health sociology

The article deals with a new direction in the sociology of health, which point is a gender approach and a technique of gender analysis. The author describes the present state of the gender sociology of health in Russia, shows directions and results of researches, and also sets the tasks of further development of the theory and methods of gender analysis in sociology of health.

Key words: Gender, gender approach, gender analysis, sociology of health.

Vasilchenko E. A. Social state of health and valuable orientations of women in the Far East: ten years after

The author compares in clause results of research of social state of health and valuable orientations of the Far East women, lead in 2008, to results of the similar research which has been lead ten years ago. In the clause changes in social state of health of women in a context of a varying economic and sociopolitical situation in the country are revealed. The certain regional specificity of adaptable processes is reflected by the example of Komsomolsk-on-Amure.

Key words: working conditions, wages, the comparative analysis, gender distinctions, the formal leveling approach.

Brovskij P. A. Problems of social adaptation of the convicts getting free from prison: gender aspect

This article is devoted to the problems of criminals while getting free from the prison. Also there is a question of preparing for getting free and the main difficulties that can be in the real life. Besides the level of preparing is valued here. The Author tries to definite the main groups of criminals. Is depends on the level of adaptation.

Key words: convicted, social adaptation, adaptive level (adaptation level).

Ptytsina N. A., Krokhina E. A. Gender aspects of socialization of juveniles who are engaged in socially useful initiatives

On basis of the sociological research data gender parameters of public work participants are examined. The conditions and prerequisites promoting successful socialization for boys and girls engaged in socially useful initiatives are ascertained.

Key words: social activity, socialization, gender features.

Авторы номера

- БРОВСКИЙ**
Павел Александрович аспирант кафедры социальной работы и прикладной социологии, Ивановский государственный университет. Тел.: 89106804170, piblis@bk.ru
- ВАСИЛЬЧЕНКО**
Эльвира Александровна доктор исторических наук, профессор, декан социального факультета, зав. кафедрой социальной работы, Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, E-mail: Avas_77@mail.ru
- КАШИНА**
Марина Александровна кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, заведующая отделом аспирантуры и докторантуры, Северо-Западная академия государственной службы. (8-812)-328-57-17, Kashina_soc@inbox.ru
- КРОХИНА**
Екатерина Александровна ведущий специалист-эксперт информационно-аналитического отдела, Департамент социальной защиты населения Ивановской области
- НИЛОВ**
Виталий Михайлович кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, Петрозаводский государственный университет (8142) 731-721
- ОРЕШЕНКОВА**
Надежда Эдуардовна аспирантка кафедры социологии политических и социальных процессов, магистр социологии, Санкт-Петербургский государственный университет. nadinada@mail.ru
- ПАВЕНКОВ**
Олег Владимирович студент 4 курса факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет. mail: ravenkov@yandex.ru, тел.: 272-00-03, моб. 8-9602756098
- ПТИЦЫНА**
Наталья Алексеевна кандидат педагогических наук, начальник информационно-аналитического отдела, Департамент социальной защиты населения Ивановской области, тел. (4932) 41-05-57, vera_bor@mail.ru
- ПУШКАРЕВА**
Наталья Львовна доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Постоянный представитель РФ во Всемирной Федерации исследователей истории женщин pushkarev@mail.ru

С о д е р ж а н и е

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Пушкарева Н. Л. «Жену с почину берут?» Устыдительные наказания девушек в традиционной женской культуре XIX века	3
--	---

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ И УПРАВЛЕНИИ

Кашина М. А. Женщины на российской государственной гражданской службе: феминизация и воспроизводство гендерной пирамиды	13
Орешенкова Н. Э. Роль некоммерческих организаций в повышении общественно-политической активности женщин	32

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Нилов В. М. Гендерные аспекты социологии здоровья	44
Васильченко Э. А. Социальное самочувствие и ценностные ориентации дальневосточных женщин: десять лет спустя	53
Бровский П. А. Проблемы социальной адаптации осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы: гендерный аспект	56
Птицына Н. А., Крохина Е. А. Гендерные аспекты социализации подростков, участвующих в общественно полезной деятельности	66

ПЕРЕВОДЫ: СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Сорокин П. А. Факторы ранней интеграции удачливых альтруистов (<i>Sorokin P. The Ways and Power of Love. Chicago : Beacon press, 1967. P. 192—200.</i> Перевод с англ. О. В. Павенкова)	76
<i>Аннотации</i>	86
<i>Авторы номера</i>	90

Contents

PROBLEMS OF WOMEN'S AND GENDER HISTORY

- Pushkarjova N. L.** «The wife is taken for a start?» Disgracing punishments for girls
in traditional Russian culture of the XIX century 3

WOMEN IN POLITICS AND ADMINISTRATION

- Kashina M. A.** Women in Russian Civil Service: feminization and reproduction
of gender pyramid 13
- Oreshenkova N. E.** The role of noncommercial organizations
in raising of social and political activity of women 32

SOCIAL POLICY AND SOCIAL WORK

- Nilov V. M.** Gender aspects of health sociology 44
- Vasilchenko E. A.** Social state of health and valuable orientations of women
in the Far East: ten years after 53
- Brovskij P. A.** Problems of social adaptation of the convicts getting free
from prison: gender aspect 56
- Ptytsina N. A., Krokhhina E. A.** Gender aspects of socialization of juveniles
who are engaged in socially useful initiatives 66

TRANSLATION: SOCIOLOGY OF FAMILY

- Sorokin P.** Factors in the Early Integration of the Fortunate Altruists
(*Sorokin P. The Ways and Power of Love. Chicago : Beacon press, 1967.*
P. 192—200. Translated from English by O. V. Pavenkov)..... 76
- Summaries* 86
- Authors of the issue* 90

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Объем научных статей — 0,5—1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК, ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Все материалы публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 2 (51) — 2009

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Батова, О. В. Боронина, О. Я. Литвак*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 29.05.2009 г. Формат 70x108 ¹/₁₆.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 6,1. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41.

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона») 153002 Иваново, пр. Ленина, 47